

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА**

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 1

Том 1. Филология

Санкт-Петербург
2014

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

Научный журнал

№ 1 (Том 1)'2014
Филология
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрин, доктор педагогических наук, профессор (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Е. С. Нарышкина, кандидат психологических наук, доцент.

Редакционный совет:

Т. А. Галушко, доктор филологических наук, профессор;
С. Г. Грень, доктор филологических наук, профессор (США);
Т. Я. Гринфельд-Зингурс, доктор филологических наук, профессор;
Н. К. Данилова, кандидат филологических наук, доцент (отв. за выпуск);
Л. В. Дербенёва, доктор филологических наук, профессор (Украина);
О. Н. Морозова, доктор филологических наук, доцент;
М. К. Пезенти, доктор филологических наук, профессор (Италия);
М. В. Ягодкина, доктор филологических наук, доцент.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, определенный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**

Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10
тел. / факс: (812) 476-90-36
[http: // www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2014
© Авторы, 2014

Содержание

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

Ваненкова А. Е.

Эсхатологический аспект посланий Ивана Грозного Андрею Курбскому7

Смирнова А. В.

Художественное воплощение мифов о Павле I
в сатирической оде князя И.М. Долгорукова «Везет»12

Добряков С. В.

Константин Леонтьев в 1863 году (черты эпистолярной прозы)21

Юрина Н. Г.

Жанровый состав шуточной лирики В.С. Соловьева.....30

Мальцева Т. В.

Образ Вассы в пьесе А.М. Горького «Васса Железнова»40

Морозова М. Х.

Родная/чужая земля в романе М. Пришвина «Кашеева цепь»50

Гаганова А. А.

Дефицит психологизма литературных характеров
как причина жанрового кризиса производственного романа58

Дробышева М. Н.

Далматинско-дубровницкая поэзия эпохи Возрождения69

Карасик О. Б.

Художественное своеобразие романа М. Чабона
«Приключения Кавалера и Клея»78

ЛИНГВИСТИКА

Клёстер А. М.

Лексикографическое описание немецких терминов инженерной психологии87

Трофимова Н. А.

Ласкательные вокативы: деривационный аспект95

Насирова Р. М.

Статус интерфиксации в разносистемных языках104

Самарина Н. В.

О возможности экспликации семантической характеристики
неопределенного местоимения some
в английских публицистических текстах111

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЯЗЫКОВЫЕ СТИЛИ

Кыинова Ж. К.

Стилистически маркированные глаголы русского языка:
синхрония vs диахрония118

Слабко Ю. В.

Прагматические характеристики русских и английских диминутивов125

Берн А. А.

Особенности употребления императива
в устном институциональном финском дискурсе133

Катамадзе М. О.

Неэмотивные фразеологизмы современного немецкого языка
в письменном дискурсе140

<i>Георгинова Н. Ю.</i>	
Интердискурсивность, интертекстуальность, полифония: к соотношению понятий.....	149
<i>Ларина С. Г.</i>	
Отражение неразрешенного конфликта в различных аспектах внутренней речи.....	156
<i>Смердова Е. А.</i>	
Так творятся миры: лингвистические эксперименты Станислава Лема.....	162

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

<i>Федюнина И. Э.</i>	
Исследование фразеологических средств объективации концептуального поля «Бизнес» в современном английском языке.....	172
<i>Цуциева М. Г.</i>	
Языковая личность как актуальный объект исследований в современной лингвистике.....	180
<i>Бакланова И. И.</i>	
Постулаты Г.П. Грайса как средство определения адресата рекламного текста.....	187
<i>Рыбалова М. И.</i>	
Евангелизмы в русском языке: ассоциативный эксперимент (сопоставительный анализ).....	195

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

<i>Халупо О. И.</i>	
Межкультурная коммуникация через лингвокультурное содержание.....	202
<i>Кушнерук С. Л.</i>	
Национально-культурная специфика дискурсивных миров в коммерческой рекламе Великобритании и России.....	210

ЛИНГВОДИДАКТИКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

<i>Храброва В. Е.</i>	
О роли количественных компонентов в формировании навыков письма и аудирования при изучении английского языка.....	221

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Акимова Э. С.</i>	
Художественные течения в современной азербайджанской поэзии.....	232
<i>Федулова У. М.</i>	
Стилистические функции обращения.....	239
<i>Панченко В. А.</i>	
Языковая способность в контексте филогенеза и онтогенеза в философии языка В. фон Гумбольдта.....	243
Сведения об авторах.....	247

Contents

THE STUDY OF LITERATURE AND FOLKLORE

<i>Vanenkova A.</i> The Eschatological Aspect of the Letters of Ivan IV to Andrey Kurbsky	7
<i>Smirnova A.</i> Artistic Realization of the Myths about Paul I in a Satirical Ode of Prince I.M. Dolgorukov "Vezet"	12
<i>Dobryakov S.</i> Constantin Leontyev in 1863 (the Features of Epistolary Prose)	21
<i>Yurina N.</i> The Genre Structure of V. I. Solovyov's Facetious Lyrics.....	30
<i>Maltseva T.</i> Character of Vassa in the play "Vassa Zheleznova" by M. Gorky	40
<i>Morozova M.</i> Native/Foreign Land in the M. Prishvin's Novel "Kashcheeva Chain".....	50
<i>Gaganova A.</i> Psychologism Deficiency in the Shoppy Novel's Character Sketches as a Basis of the Genre Crisis	58
<i>Drobysheva M.</i> Dalmacia-Dubrovnik Renaissance poetry of the Golden Age	69
<i>Karasik O.</i> Artistic Peculiarities of M. Chabon's Novel "The Amazing Adventures of Kavalier & Clay"	78

LINGUISTICS

<i>Kloester A.</i> Lexicographical Description of German Terms of Engineering Psychology	87
<i>Trofimova N.</i> Endearing Vocatives: Derivational Aspect	95
<i>Nasirova R.</i> The Status of Interfixation in Different System Languages	104
<i>Samarina N.</i> The Way the English Indefinite Pronoun Some Manifests itself in a Publicistic Style.....	111

THE THEORY OF DISCOURSE AND LINGUISTIC STYLES

<i>Kiinova Zh.</i> Stylistically Marked Verbs of Russian: Synchrony VS Diachrony	118
<i>Slabko Yu.</i> Pragmatics Characteristic of Russian and English Diminutives	125
<i>Bern A.</i> Some Particularities of the Imperative Mood in the Finnish Institutional Discourse	133
<i>Katamadze M.</i> Non-emotive Phraseological Units of the Modern German Language in the Written Discourse.....	140

<i>Georginova N.</i>	
Interdiscursivity, Intertextuality, Polyphony: to the Correlation of Terms	149
<i>Larina S.</i>	
The Reflection of Unresolved Conflict in Various Aspects of Interior Discourse ...	156
<i>Smerdova E.</i>	
Thus Worlds are Produced: Linguistics Experiments by Stanisław Lem	162

COGNITIVE ASPECTS OF LINGUISTIC CATEGORIZATION

<i>Fedyunina I.</i>	
Insight into English Idioms Representing Conceptual Domain “Business“	172
<i>Tcutcieva M.</i>	
Linguistic Personality as a Relevant Subject of Research in Modern Linguistics....	180
<i>Baklanova I.</i>	
H.P. Grice’s Conversational Maxims as a Means of Determining the Addressee of an Advertising Text.....	187
<i>Rybalova M.</i>	
Evangelisms in Russian Language: Associative Experiment (Comparative Analysis)	195

LINGUISTIC CULTUROLOGY AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

<i>Khalupo O.</i>	
Intercultural Communication through the Linguistic and Cultural Content.....	202
<i>Kushneruk S.</i>	
Cultural Identity of Discourse Worlds in British and Russian Advertising	210

THEORY AND METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES

<i>Khrabrova V.</i>	
The Role of Quantitative Components in the Development of Ell Writing and Listening Skills.....	221

INFORMATION AND SURVEYS

<i>Akimova E.</i>	
Artistic Tendencies in Modern Azerbaijan Poetry	232
<i>Fedulova U.</i>	
Stylistic Functions of the Address	239
<i>Panchenko V.</i>	
Linguistic Ability in the Context of Phylogenesis and Ontogenesis in W. von Humboldt Philosophy Language.....	243
About Authors	247

УДК 821.161.1 - 82-155

Ваненкова А. Е.

Эсхатологический аспект посланий Ивана Грозного Андрею Курбскому

В статье анализируется отражение взглядов Ивана Грозного на сущность и назначение царской власти в посланиях Андрею Курбскому. Послания рассматриваются в контексте христианских историософских представлений и эсхатологических ожиданий эпохи.

The article is concerned with the reflection of the historiosophical views of Ivan IV and his ideas of the essence and purpose of the royal power in his Letters to Andrey Kurbsky. The article considers the Letters in the context of the Christian historiosophy and the eschatological views in the times of Ivan IV.

Ключевые слова: эсхатология, древнерусская литература XVI века, древнерусская публицистика, послания Ивана Грозного.

Key words: eschatology, Old Russian literature of the XVIth century, Old Russian publicism, Letters of Ivan IV.

В конце XV – начале XVI веков наблюдаются серьезные изменения в мировосприятии древнерусских писателей, «происходит смена теоцентрического мировоззрения на антропоцентрическое, движение сознания от религиозного к рационалистическому», более важное место в литературе начинает занимать рассудочное начало [3, с. 118]. Этот процесс приводит к расцвету в XVI веке древнерусской публицистики, которая становится самостоятельным направлением древнерусской книжности. Писатели начинают выражать свое мнение и вступать в полемику по самым разным вопросам, формулируя собственные концепции. Одним из таких авторов является царь Иван IV, среди прочего известный и своими публицистическими сочинениями.

Важное место в публицистике XVI века занимала историософия, которая для древнерусских книжников была непосредственно связана с христианским пониманием истории. Авторы-публицисты рассуждали о месте и назначении Московского царства в контексте судеб других мировых царств, а также о назначении царя и природе царской власти. Хотя авторы и высказывают свое собственное мнение по данным вопросам, они по-

прежнему основываются на христианской историософии, которая неразрывно связана с эсхатологией – учением о конце света и Страшном Суде.

Согласно христианскому учению, никто не может знать времени наступления конца света, ожидать Страшного Суда следует в любой момент, однако на протяжении всей истории были определенные даты и периоды, когда эти ожидания особенно обострялись. На время царствования Ивана IV приходится один из таких всплесков эсхатологических ожиданий. Отчасти это было связано с тем, что архиепископ Геннадий Новгородский, составлявший по поручению митрополита Зосимы одну из пасхалий на восьмую тысячу лет от сотворения мира после того, как ожидавшийся в 7000 году (т. е. в 1492 году) конец света не состоялся, составил ее на 70 лет. Кроме того, в 1489 году Димитрий Траханиот в своем трактате «О летах седьмой тысячи» указывал на сакраментальное значение числа «7». Отсюда можно было сделать вывод, что конец света может наступить в 7070 или 7077 году от сотворения мира (т. е. в 60-е годы XVI века) [4, с. 368 – 369].

Эти ожидания не могли не отразиться на историософских концепциях того времени, и, в частности, на взглядах самого царя. Свои представления Иван Грозный излагал не в виде какой-либо целостной системы, а при необходимости касался определенных вопросов, главным образом, в посланиях.

Основной темой переписки Ивана IV с Андреем Курбским стала проблема царской власти. Сбежавший в Ливонию князь А.М. Курбский, бывший царский воевода, в своем Первом послании обвинял царя в несправедности его правления в целом и в жестокости по отношению к боярам и к нему самому, в частности. В своем ответном развернутом послании Иван Грозный подробно отвечал на все обвинения Курбского, обосновывая свое понимание назначения царя, сущности царской самодержавной власти и ее роли в развитии истории.

В целом Иван Грозный придерживается традиционного христианского взгляда на историю, согласно которому конечным итогом и целью всего исторического процесса является Страшный Суд. В его изложении исторических событий очень часто можно увидеть указания на действие Божьего промысла в истории, так как он говорит, что то или иное событие происходит «Божьей волей» или «с Божьей помощью». Во Втором послании Курбскому он пишет о своих военных победах: «не моя победа, но Божия» [2, с. 207].

Как и всякий христианин, царь видит основную цель человеческой жизни в спасении души. В своей полемике с Курбским он неоднократно обращается к теме последнего суда, на котором будет решаться окончательная участь человеческой души. К примеру, Курбского он не просто обвиняет в измене, но указывает ему на то, что он погубил свою душу: «Почто, о княже, аще мнишися благочестие имети, едиnorodную свою ду-

шу отверьгл еси? Что же даси измену на ней в день Страшнаго суда?» [2, с. 8]. Во Втором послании Курбскому, написанном уже через 13 лет после Первого, царь вновь призывает его подумать о спасении своей души: «А мы тебе написахом сия вся, не гордяся, ни дмяся – Бог весть; но к воспоминанию твоего исправления, чтоб ты о спасении душа своя помыслил» [2, с. 210]. Иван Грозный считал, что истинное правосудие будет совершаться не в этой жизни, а на Страшном Суде, поэтому он пишет, что хочет судиться с попом Сильвестром уже в будущем веке, то есть после наступления «конца света»: «Попу же Селивестру видевши своих советников ни во что же бывши, сего ради своею волею отоиде, нам же, его благословив, не отпустившу, не яко устыдившися, но яко не хотевшу судити здесь, но в будущем веце, пред агнецем Божиим, еже он всегда служа и презрев лукавым обычаем, злая сотвори ми: тамо хошу суд прияти, елико от него пострадах душевне и телесне» [2, с. 44]. Вполне возможно, царь считал, что до этого осталось совсем немного времени (послание написано в 1564 году, в канун связанных с эсхатологическими ожиданиями дат).

В представлениях Ивана Грозного о сущности и назначении собственной царской власти следует выделить два аспекта. С одной стороны, царь не считает себя лично безгрешным, превосходящим в этом отношении других людей. Он говорит о том, что так же грешен и немощен, как и все остальные люди: «Безсмертен же быти не мняся, понеже смерть Адамский грех, общедательный долг всем человеком; аще бо и перфиру ношу, но обаче вем се? яко по всему немощию, подобно всем человеком, обложен есмь по естеству. А яко же вы мудръствуете, еже свыше естества велите быти ми, - от ереси же всякой» [2, с. 56].

С другой стороны, он придерживается традиционной христианской идеи богоданности царской власти, наиболее ясно выраженной апостолом Павлом. Обращаясь к Курбскому в своем Послании Иван Грозный неоднократно указывает на то, что тот, противясь Богом данной царской власти, выступает не против лично царя, а против самого Бога, лишаясь тем самым возможности спасения души: «Ты же, тела ради, душу погубил еси, и славы ради мимотекуция, нетленную славу презрел еси, и на человека възъярився, на Бога востал еси» [2, с. 9]; «Почто и апостола Павла презрел еси, яко же рече: «Всяка душа владыкам предладушим да повинуется: никакая же бо владычества, еже не от юга, учинена суть; тем же противляйся власти, тот Божию повелению противляется». Смотри же убо сего и разумей, яко противляйся власти - Богу противится; и аще убо хто Богу противится, – сей отступник именуется, еже убо горчайшее согрешение» [2, с. 10]; «А се ли убо свет, или сладко, еже рабом владети? А се ли тма или горкое, еже от Бога данному государю владети, о немже многа словеса напреди страннейша явленна?» [2, с. 46].

Свое назначение в качестве православного царя Иван Грозный видит не просто в управлении подданными, но в заботе о спасении их душ. Этот

момент оказывается особенно важным, если рассматривать его в контексте христианских представлений о Страшном Суде в целом, а также всплеска эсхатологических ожиданий того времени. Опираясь на цитаты из Священного Писания, Иван Грозный утверждает, что спасению души могут послужить не только милость, но и страх и суровое наказание, поэтому людям надлежит повиноваться всякой власти, даже если она оказывается жестокой: «Тако же, яко же инде рече апостол Павел, иже ты сия словеса презрел еси: «Раби! послушайте господей своих, не пред очима точшо работающе, яко човекоугодницы, но яко Богу, и не токмо благим, но и строптивым, не токмо за гнев, но и за совесть» [2, с. 80], «Како ж и сего не могл еси разумети, яко подобает властелем не зверски яриться, ниже безсловесно смиряться? Яко же рече апостол: «овех убо милуенш разсужающе, овех же страхом спасайте, от огня восхищающе». Видиши ли, яко апостол страхом повелевает спасти? Тако же и во благочестивых царех о временах много обрящеши злейшее мучение» [2, с. 19]. Конечно же, он не считает, что может с абсолютной уверенностью судить о виновности или невинности того или иного человека, но, по его мысли, казненный безвинно оказывается мучеником, и душа его в перспективе вечности обретает спасение. Поэтому Иван Грозный и вопрошает Курбского: «Се бо есть воля Господня – еже, благое творяще, пострадати. И аще праведен еси и благочестив, почто не изволил еси от мене, строптиваго владыки, страдати и венец жизни наследити?» [2, с. 10].

В основе этих взглядов Ивана Грозного лежит так называемая идея «царской жертвы», которая восходила к мученичеству князя Дмитрия Донского и страстотерпцев Бориса и Глеба, а в книжности XVI века разрабатывалась, в частности, Ермолаем Еразмом [1, с. 183 – 184]. В Первом послании Курбскому царь говорит о своей готовности пострадать за свой народ и даже принять мученическую смерть: «На род же христианский мучительных сосудов не умышляем, но паче за них желаем противу всех врагов их не токмо до крови, но и до смерти пострадати. Подовластных же своих благих благая подаваем, злым же злая приноситца наказания, не хотя, ни желая, но по нужди, их ради злаго преступления, и наказание бывает» [2, с. 67]. Однако для Ивана Грозного царская жертва предполагает не только мученичество, но и готовность погубить собственную душу ради спасения душ подданных. Те, кого он казнил, обретут спасение, он же будет отвечать за свои зверства и казни на Страшном Суде [1; 4]. Иван Грозный осознает, что совершил много грехов, его творчество, особенно позднее, проникнуто покаянными мотивами. Во Втором послании Курбскому он пишет: «Воспоминаю ти, о княже, со смирением: смотри Божия смотрения величество, еже о наших согрешениях, паче же о моем беззаконии, ждый моего обращения, иже паче Манасия беззаконвах, кроме отступления. И не отчеваюся создателя милосердия, во еже спасену быти ми, яко же рече во святом своем евангелии, яко радуется о едином греш-

нице кающемся, нежели о девяносто и девяти праведных, тако же о овцах и о драгах притчи. Аще бо и паче числа песка морского беззакония моя, но надеюся на милость благоутробия Божия: и может пучиною милости своея потопити беззакония моя» [2, с. 205].

В приведенных примерах можно увидеть, что в основе посланий Ивана Грозного Андрею Курбскому лежат христианские идеи, а аргументация строится, главным образом, на исторических параллелях и цитатах из Священного Писания. Свои действия, а также действия Курбского и его сподвижников Иван Грозный оценивает в перспективе вечной жизни и спасения души. При этом важнейшую роль играет тема Страшного Суда, который для Ивана Грозного является главным итогом как его собственной жизни, так и всей человеческой истории.

Список литературы

1. Каравашкин А.В. Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. – М.: Прометей, 2000.
2. Лихачев Д.С., Лурье Я.С. Послания Ивана Грозного. – М.-Л.: АН СССР, 1951.
3. Ужанков А.Н. Историческая поэтика древнерусской словесности. Генезис литературных формаций. – М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2011.
4. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. – М.: Мирос, 1998.

Художественное воплощение мифов о Павле I в сатирической оде князя И.М. Долгорукова «Везет»

В статье анализируется художественное функционирование несакральных мифов об императоре Павле I в сатирической оде князя И.М. Долгорукова «Везет» (1813) (мифы о «романтическом» императоре, Петре и Павле, российском Дон Кихоте, рыцаре на троне). Трансформация мифопоэтических мотивов в оде И.М. Долгорукова рассматривается в контексте его мемуаров «Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни» (1874), трагедии «Султан и Фатима» (1820), а также сказки Екатерины II «Сказка о Горе-богатыре Косометовиче» (1789).

In this article the functioning of the artistic nonsacral myths about Emperor Paul I, in a satirical ode of Prince I.M. Dolgorukov "Vezet" (the myths about the "romantic" Emperor, russian Don Quixote, knight on the throne) was analyzed. The transformation of mythopoetical motives in the ode of I.M. Dolgorukov considered in the context of his memoirs "Kapishe moego serdza" (published in 1874), the tragedy "Sultan i Fatima" (1820), and the tale of Catherine II "Skazka o gore-bogatire Kosometoviche" (1789).

Ключевые слова: сатирическая ода, мемуары, несакральный миф, трансформация и травестия мифопоэтических образов.

Key words: satirical ode, memoirs, nonsacral myth, transformation and travesty of mythopoetical images.

Образ российского императора Павла I (1754 – 1801) встречается в произведениях многих авторов конца XVIII – начала XX веков. Мифология павловского правления, в том числе мифы о самом императоре, нашли художественное воплощение в творчестве А.П. Сумарокова, Н.М. Карамзина, Д.И. Фонвизина, А.Н. Майкова, В.П. Петрова, И.А. Крылова, А.С. Пушкина, Д.С. Мережковского и др.

Наша статья посвящена анализу художественной реализации павловской мифологии в творчестве Ивана Михайловича Долгорукова (1764 – 1823) – русского поэта, драматурга, мемуариста. Он был лично знаком с Павлом I, некоторое время находился (1786 – 1787) в дружеских отношениях тогда еще с цесаревичем Павлом Петровичем [5, с. 56 – 57]. Благодаря этому обстоятельству мы располагаем не только историческим портретом императора, созданным Долгоруковым в мемуарах «Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни» (опубликованы в 1874 году), но и специфической проекцией образа монарха в сатирической оде «Везет» (1813).

Уточним, что в статье проанализировано функционирование «несакрального» мифа в поле художественного творчества. Мифопоэтика в данном случае возникает как результат перехода исторического свидетельства, анекдота в область литературно-исторического кода, персонального авторского образа эпохи. По мнению Д.П. Козолупенко, доминирование мифопоэтического мировосприятия возникает в определенные исторические моменты, которые можно назвать своеобразными «точками бифуркации» человеческого общества, а именно в период, предшествовавший возникновению сложно структурированной и иерархизированной общественной системы, и в момент слома этой системы [7, с. 175]. Мифогенерирующей зоной является весь XVIII век, а во второй его половине это качество проявляется особенно ярко. Обеспечение психологического комфорта, и даже более того – психологической устойчивости в «хаотические» общественные периоды, – основная и специфическая роль мифопоэтического мировосприятия [7, с. 175].

И.М. Долгоруков, говоря о своем бывшем покровителе не как о политике, государственном деятеле, а как о человеке со своими слабостями и страстями, оставил свидетельство поэта-очевидца, уникальное в своем роде. И в оде, и в мемуарах представлены одни и те же моменты жизни автора. Он вспоминает счастливое время своей жизни, которое прошло при Малом дворе цесаревича в Гатчине, и последовавшее за этим охлаждение к нему Павла Петровича. В обоих произведениях отображаются личные переживания и ощущения князя от общения с цесаревичем, оценивается роль Павла в частной жизни его придворного. В более поздних, по сравнению с одой, мемуарах есть прямая ссылка автора на ранее написанное стихотворение: «Можно некоторые черты привольного моего тогдашнего житья заметить в напечатанных моих стихах под названием «Везет» [5, с. 58]. Однако есть и принципиальное различие между двумя текстами. Оно определяется ракурсом изображения самых счастливых дней юности автора. Так, в написанных незадолго до смерти мемуарах Долгоруков прощает императора за охлаждение к нему и со светлой грустью по ушедшим дням тепло отзывается о Павле: «...Воспоминание тех счастливых дней, коими очарован я был при дворе его, наведет на чело мое приятнейшую улыбку даже и тогда, как все чувства мои оставлять меня будут» [5, с. 58]. В оде же, созданной спустя лишь двенадцать лет после трагической гибели монарха, объектом сатирического осмеяния является «везение» – то есть благоволение со стороны императора. Еще не простивший обиды князь жестоко высмеивает лучшие черты бывшего покровителя, апеллируя к бытовавшим в Павловское время мифам о «романтическом» императоре, Петре и Павле, российском Дон Кихоте и рыцаре на троне.

Стихотворение «Везет» является сатирической одой, близкой державинской оде-сатире. Так жанровую разновидность этого произведения опре-

деляют Г.В. Ермакова-Битнер [6, с. 72] и, вслед за ней, Д.Н. Черниговский [12, с. 239]. Г.В. Ермакова-Битнер отмечала: «Близки Долгорукову и державинская угловатость формы, и изображение ясно «зримого» мира, и обличительные моменты державинского творчества. Как и Державин, Долгоруков тяготеет к правдивому отражению действительности, что и находит свое воплощение в сатирической направленности его творчества» [6, с. 68]. П. А. Вяземский, которому князь посвятил стихотворение, называл поэта «простонародным Державиным» [1, VIII, с. 76]. Он заметил: «В том и другом много житейской философии... В том и в другом есть поэзия личная, так сказать, автобиографическая; но в Долгорукове даже ее более, нежели у Державина; она, может быть, даже живее и разнообразнее. Он более держится около себя, менее обращая внимания на события, а более на впечатления и ощущения свои» [2, с. 278].

В стихотворении «Везет», как и в его более известном предшественнике «Авось», отражены реальные жизненные обстоятельства. Автор со свойственным ему сатирическим талантом рисует картину современного общества, рассуждает о странностях и слабостях человеческой природы, часто обращаясь к примерам из собственной биографии.

В оде предметом «воспевания» Долгорукова становится трудноопределимое, с точки зрения автора, состояние человека – везение:

На свете что-то есть другое,
Непостижимое, живое,
Чего премудрость не дает,
Чего в рядах не покупают,
Ни в житницы не собирают,
Что просто мы зовем – везет! [10, с. 444].

Благоприятное стечение обстоятельств, удача человека в России, подвержена «случаю», то есть зависит от ласкового или сурового взгляда вельможи, фаворита (в нашем случае – цесаревича Павла). Человек ценится не по его достоинствам («Мораль – фальшивая монета, / И уничтожена давно» [10, с. 446], а по связям, чинам и деньгам («Не знал, что есть такие души, / Для коих на море и суше / Другого Бога нет – как грош» [10, с. 448].

Как замечала Ермакова-Битнер, «трагикомедия» у Долгорукова заключается в том, что жизнь человека, подчиненная «законам моды, глупых обычаев, законам случая, власти денег...», «протекает вопреки здравому смыслу» [6, с. 70]. Если человеку «везет», то все действия его оправданы: «Убей, украдь, сожги, насилуй, / Невинных корчь, злодеев милуй – / Как с гор вода, все с рук сойдет...» [10, с. 444]. С другой стороны, «коль денег нет, коль нет и власти, / Среди отчаянной напасти / Вы не добьетесь нигде / Ни есть, ни пить, ниже ночлегу; / Вам клячи не впрягут в телегу, / И нагло вытеснят везде» [10, с. 445]. В итоге Долгоруков приходит к выводу, что описанное им везение непостоянно, случайно, поэтому он ищет помощи и

защиты не у земного царя, который тоже по сути своей всего лишь слабый человек, а у царя небесного:

Ему едину поклоняюсь
В душе и совести моей,
Его десницей ущедряюсь,
Живу, дышу и движусь ей.
Не гнев бояр, - гнев Божий страшен;
Не суд людской, - Его ужасен... [10, с. 449].

Сатирическая ода «Везет» была написана в период царствования Александра Павловича, сына убитого Павла I. Во время правления предполагаемого отцеубийцы, если не участвовавшего в заговоре, то знающего о нем, существовал запрет на упоминание о задушенном монархе. Думается, по этой причине мы не видим в стихотворении прямой номинации. Павел Петрович назван здесь в авторских сносках «тогдашним Наследником» [10, с. 448] и «богатырем» [10, с. 448]. Однако у современных князю читателей не возникало сомнения относительно того, кто этот «Наследник» и «богатырь», – Павел I узнавался сразу.

В оде находит художественное воплощение несакральный миф о «романтическом» императоре, воспроизводимый автором и в «Капище». В мемуарах князь говорит: «Удостоен был чести ездить на вечера к его высочеству в маленький его круг, а сверх того, единожды навсегда приглашен на все его балы, городские и загородные на Каменном Острове. Во всех катаньях придворных имел участие; Таким образом ... с год посещал великого князя и всегда отменно был взыскан его милостью» [5, с. 57 – 58]. В стихотворении эти счастливые дни жизни Долгорукова при дворе Цесаревича иллюстрируют состояние «везет»:

...Везло – когда в дворянску шайку
Попал театрить во дворце,
С богатырем играли в свайку,
Или в воланы на крыльце,

Ходил за стол его к обеду,
И на вечернюю беседу
Дверей никто не затворял.
А как женился я – то права
Такой был бал, огонь, забава,
Каких я вечно не давал [10, с. 448].

Итак, перед нами, как и в написанном позднее «Капище», предстает чувствительный, любящий душевную беседу, галантные великосветские балы «романтический» император, ценящий не только высокое искусство театра, но и простонародное веселье. Однако в стихотворении с первых строк рассказа о «везении» – безмятежной жизни любимца при дворе

влиятельнейшего вельможи – у читателя возникают сомнения в этом. Долгоруков называет высший свет «шайкой», сравнивая его с низами общества – с разбойниками, тем самым давая оценку моральному облику свиты цесаревича. Вспоминая дни веселья при дворе, князь говорит: «Тогда летели мы, летели, / Неслись на крыльях счастья в рай...» [10, с. 448]. Употребляя местоимение «мы», он вписывает и себя в ряды упомянутой «шайки». В стихотворении невольно возникает «мерцание» мифа о Петре и Павле – царях небесных и земных. Возможно, зная о стремлении Павла во всем подражать своему кумиру – великому предку Петру I, Долгоруков сравнивает, не в пользу своего покровителя, «шайку» павловского окружения с «птенцами гнезда Петрова». Таким образом, князь трагически обыгрывает сакральный миф. Завуалированное противопоставление великих преобразовательных дел Петра и занятий Павла звучит унижительно для последнего: ведь главное занятие цесаревича – «театреть».

Кроме того, об увлечении света высоким искусством – театром – автор стихотворения отзывается иронично. Включая себя в число близких императору людей, он замечает: «Попал театреть во дворце» [10, с. 448]. Глагол «попал» у Долгорукова выявляет семантику случайности события и мнимой незаинтересованности героя в чудесной перемене его судьбы. Стремясь подчеркнуть пренебрежительное отношение к занятию, которое сам бесконечно любил и в котором сильно преуспел, автор придумывает легковесное слово «театреть», в чем охотно и не без гордости признается в ссылке: «Слово собственное мое, чтоб посредством его избежать целой речи; ибо слово одно играть не значило бы еще точно играть комедию; а это иного ничего разуметь не дает» [10, с. 448].

В сатирическом ключе отзываясь об окружении будущего императора, Долгоруков значительно снижает образ Павла – «романтического» императора.

Ключевым, на наш взгляд, моментом в понимании всего сатирического звучания «оды» является осмысление такой номинации Павла Петровича, как «богатырь». У читателя начала XIX века при знакомстве со стихотворением «Везет» легко возникала ассоциация с «Оперой о Горе-богатыре Косометовиче», которой была предпослана сказка, сочиненная матерью Павла Петровича Екатериной II в 1789 году. Несмотря на то, что официально эта опера считалась сатирой на шведского короля Густава III, начавшего неудачную войну против России, «в образе Горе-богатыря многие современники видели как разлюбленного фаворита Екатерины – Потемкина, так и ее сына – Павла Петровича, попытавшегося участвовать в военных действиях против шведов и устранившегося матерью, боявшейся его влияния в армии» [3, с. 380]. Созданный Екатериной явно пародийный образ тщедушного, трусливого, инфантильного, но при этом тщеславного мечтателя-рыцаря появлялся на страницах произведений русских авторов. Так, у Г.Р. Державина не раз встречаются иронические упоминания о Горе-

богатыре. В стихотворении «К Евтерпе» (1789) Державин восклицает: «Рано ль, поздно ль, он наскучит / Кубариться кубарем; / Нас фортуна часто учит / Горем быть богатырем» [4, с. 38]. Образ Горе-богатыря возникает и в таких произведениях Державина, как баллада «Северный Амур», романс «Горе-богатырь», «Послание от Фортуны к Горю-богатырю», «На счастье» и др. Поэт вкладывает разные смыслы в этот образ, расширяя его, толкуя порой несколько иначе, нежели Екатерина. Во многом благодаря Державину образ Горе-богатыря становится чуть ли не нарицательным.

Здесь стоит вспомнить об образах немецкого принца-завоевателя Трумфа и царя покоренных им русских земель Вакулы из шуто-трагедии И.А. Крылова «Подщипа» (1800). Сатира на императора, его правление, а также на традиционные штампы классицистической трагедии – своеобразного символа власти, превращают пьесу, по точному замечанию В. И. Коровина, «в антитрагедию, в шуто-трагедию, в трагедию-оборотень» [8, с. 220].

В обоих персонажах (Трумфе и Вакуле) легко угадываются черты Павла I. Если Трумф – горе-вояка и горе-рыцарь, то трусливый Вакула, чье управление государством сводится к игре в кубари, – горе-правитель. Они, на наш взгляд, являют собирательный образ «горе-богатыря», апеллируя к ранее упомянутым героям Екатерины II и Г.Р. Державина.

Исходя из этого, обращение Долгорукова к образу «Горе-богатыря» вполне понятно, учитывая его цель – осмеяние горе-благодетеля, сначала поманившего своей милостью, а потом отказавшего в ней. Обращение бывшего любимца Цесаревича, не один день находившегося в близких, доверительных отношениях с ним, к прозвищу, имени-насмешке, данному ненавистной матерью сыну, демонстрирует степень обиды князя, спустя двенадцать лет после гибели Павла не простившего покровителя. Позднее, в «Капище», Долгоруков с возрастом и приближением собственной смерти простит императора. В оде же он называет его «богатырем», апеллируя к широко известному источнику – сказке императрицы.

Итак, Павел – Горе-богатырь Косометович (его отец, очевидно Петр III, – такое же дитя, как и сын, – косо бил при игре в бабки) – сын мудрой царицы Локметы, в которой все узнали саму императрицу Екатерину II. Он устал играть в свайки (народную игру, которой не чурался Павел Петрович) и мечтает, как и другие странствующие рыцари, мир посмотреть, себя показать и совершить великие подвиги (совершенно прозрачный намек на донкихотство самого Павла, его увлечение рыцарством). Горе-богатырь в бумажных доспехах, так как настоящие ему велики (напоминание о невысоком росте и некрупном телосложении Цесаревича), отправляется в поход. Он не принимает ни одного боя, потому что трусит даже придуманных его слугами врагов (уступая в храбрости Дон Кихоту, сражающемуся с ветряными мельницами), и возвращается домой к маменьке. Та, чтобы уберечь сына от опасностей в походе и отвлечь его от рыцарской

ереси, женит дитяtko на Гремиле Шумиловне (поступок самой Екатерины, пытавшейся женитьбой отвлечь сына от желания занять законно полагающийся ему трон). Невеста, так же, как и Горе-богатырь, обожает шум и гам, что заметно по ее говорящему имени (опять же прозрачный намек на любовь Павла к парадам и военному делу). Сказка заканчивается моралью о синице, которая моря не зажгла, а шуму наделала много.

Проведенные параллели позволяют читателям с легкостью узнать в Горе-богатыре Павла Петровича. Для нас важно то, что Долгоруков, назвав Цесаревича «богатырем», «пробудил» сразу два несакральных мифа о Павле I: миф о российском Дон Кихоте и миф о рыцаре на троне.

Екатерина в своей сказке жестоко смеется над лучшими качествами своего сына, травестируя те свойства натуры Павла, которые могли бы вызвать при других обстоятельствах совсем иные чувства: благородство, честность, верность, прямота, отвага и воинская доблесть. Императрица полностью отрицает донкихотство и вслед за ним само рыцарство не только как стиль жизни, но и как черту характера. Недаром желающий сделать ей комплимент Державин пишет: «...не донкишотствует собой» [9, с. 45].

Долгоруков, вслед за Екатериной называя Павла «богатырем», отказывает ему в тех свойствах характера императора, проявление которых испытал сам, делая самым важным занятием Цесаревича как наследника трона и будущего правителя игру в свайки. Сравним у Долгорукова («С богатырем играли в свайки» [10, с. 448]) и у императрицы (Горе-богатырь, «скуча игрищем и пляскою, валяется на траве; потом, воткнув булавку на палку, таскает ею изюм из погреба сквозь окошко; после чего играет в свайку» [11, II, с. 468]). Эта почти дословная цитата из сказки императрицы в оде Долгорукова создает образ непостоянного в своей привязанности ребенка-несмысленши, а не взрослого семейного человека, готовящегося к управлению страной. Е.А. Погосян считает: «Герой произведения императрицы – богатырь наоборот. Если богатырь – это ребенок, который рос не по дням, а по часам, то горе-богатырь – это взрослый, осуществляющий детское поведение» [9, с. 44 – 45].

Исходя из сказанного, читателю сатирической оды становится понятно, почему лирический герой стихотворения Долгорукова «Везет», разувшись в благосклонности покровителя – Горе-богатыря – обращается к высшей силе, Богу. Ведь после того, как от него отвернулся «богатырь», ему пришлось многое вынести:

Пришлось и мне сквозь огонь и воду
Стерпеть ужасную погоду;
Дух бурный перья все отшиб,
Со всех сторон беды жестоки
Отверзли горьких слез потоки:
Но Бог взглянул, – и я не сгиб [10, с. 448 – 449].

В творчестве И.М. Долгорукова, как и многих писателей-современников, не раз можно встретить образ Павла I. Стоит назвать неопубликованную трагедию князя «Султан и Фатима» (1820). Хотя, по мнению исследователей, трагедия «беспомощна, как драматургическое произведение» [6, с. 73], нам важно то, что, выражая в ней свои политические взгляды, Долгоруков рисует образ идеального просвещенного монарха Ракламвона и противопоставляет ему монарха-тирана, в образе которого нетрудно узнать российского императора Павла Петровича:

Нет узника бедней монарха на престоле,
Который все своей порабощает воле;
Его страшится чернь, бояр собор бежит,
Злой ревности огонь во всех сердцах кипит.
Среди воинства найти защиты не умея,
И в омуте коварств, один, всего робея,
Как часто, окружив штыками свой дворец,
Находит на одре насильственный конец [6, с. 74].

В трагедии, созданной в 1820 году, изображены последние дни жизни Павла I и картина его гибели от рук заговорщиков. Приведенные нами строфы, бесспорно, перекликаются со строками созданной тремя годами ранее в 1817 году одой А.С. Пушкина «Вольность». Оба поэта, воспитанные на идеях Просвещения, мечтают о «царстве закона», который бы возвышался и над народом, и над царем. Долгоруков, обобщая в образе императора судьбы всех тиранов, вслед за Пушкиным считает конец Павла закономерным и показательным. У Долгорукова, в отличие от его младшего современника Пушкина, отсутствует воплощение мифа о безумце на троне, нет и таких номинаций Павла, как злодей, Калигула (Пушкин создает мрачный, во многом утрированный образ тирана, деспота). В тексте сатирической оды князь актуализирует миф о «бедном» Павле: «Нет узника бедней монарха на престоле...» [6, с. 74]. Долгоруков жалеет императора, который «среди воинства найти защиты не умея», находясь «в омуте коварств», живет, окруженный «злым ревности огнем», и находит «насильственный конец» [6, с. 74]. Его вина и беда в том, что он так же, как предшественники на троне, был единолично правящим монархом.

Личное, довольно продолжительное знакомство князя И.М. Долгорукова с цесаревичем, а затем императором, сделало его уникальным свидетелем и участником трансформации и воплощения мифов о Павле Петровиче. И.М. Долгоруков в своем самобытном, ориентированном на субъективные, личные впечатления творчестве не раз обращался к значимой для личной судьбы фигуре Павла. Император важен автору не столько как политический деятель, а как покровитель, сановник, от которого ждут хорошего места, титулов, земель и денег, поэтому неоправданные надежды воспринимаются князем как личная обида. В сатирической оде «Везет» она проявляется в карикатурном портрете «богатыря», апеллирующем к

оскорбительной для Павла сказке Екатерины II о «Горе-богатыре Косометовиче». Образ из мифов о «романтическом» императоре, Петре и Павле, российском Дон Кихоте и рыцаре на троне предстает перед читателями в сатирическом контексте. Чуть позднее, в 1820 году, в отрывке из трагедии «Султан и Фатима» Павел Петрович под пером своего некогда любимца становится типичным примером монарха-тирана, которого за самовольное правление постигает ужасная насильственная смерть.

Мифопоэтические образы периода Павловского правления, нашедшие свое воплощение в творчестве И.М. Долгорукова, явились не только авторским откликом на современное ему мифотворчество, но подтвердили устойчивое присутствие «павловского мифа» в социокультурном сознании России рубежа XVIII – XIX веков.

Список литературы

1. Вяземский П.А. Полное собрание сочинений: в 12 т. – СПб., 1878 – 1896.
2. Вяземский П.А. Старая записная книжка. – Л., 1929.
3. Гуковский Г.А. Екатерина II // История русской литературы: в 10 т. – Л., 1947. – Т. IV: Литература XVIII века. – Ч. 2. – С. 364 – 380.
4. Державин Г.Р. Анакреонтические песни. – М., 1987.
5. Долгоруков И.М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. – М., 1997.
6. Ермакова-Битнер Г.В. Поэты-сатирики XVIII – начала XIX в. – Л., 1959.
7. Козолупенко Д.П. Миф на гранях культуры. – М., 2005.
8. Коровин В.И. Поэт и мудрец. Книга об И.А. Крылове. – М., 1996.
9. Погосян Е.А. Богатырская тема в творчестве Г.Р. Державина (1780-е начало 1790-х годов) // Классицизм и модернизм: сборник статей. – Тарту, 1994. – С. 38 – 54.
10. Полное собрание сочинений русских авторов. – СПб., 1849. – Т. 1. Сочинения Долгорукова Князя Ивана Михайловича.
11. Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина. – СПб.: Императорская Академия наук, 1901 – 1907.
12. Черниговский Д.Н. П.А. Вяземский и И.М. Долгоруков // Новое литературное обозрение. – 1992. – № 1. – С. 239 – 242.

**Константин Леонтьев в 1863 году
(черты эпистолярной прозы)**

В статье рассматривается проблема стиля и публицистического содержания письма К.Н. Леонтьева Н.Н. Страхову от 20 мая 1863 года. Утверждается, что черты этого письма свидетельствуют о ранних этапах развития Леонтьева как мыслителя, а также в значительной мере о характере и направлении его литературной деятельности в начале 1860-х годов.

The work is dedicated to the problems of style and catchword content in the letter, which C.N. Leontyev sent to N.N. Strakhov on May, 20, 1863. The features of this letter talk on the early stages of Leontyev's mental advance, as well as on main disposition and direction of his literary activity during the early 1860s years.

Ключевые слова: К. Леонтьев, Н. Страхов, письмо, стиль, публицистическое содержание, литературная деятельность.

Key words: C. Leontyev, N. Strakhov, letter, style, catchword content, literary activity.

В 1860-е – 1890-е годы русский писатель, религиозный мыслитель и публицист К.Н. Леонтьев (1831 – 1891) направил двадцать писем своему литературному знакомцу – философу и публицисту Н.Н. Страхову (1828 – 1896). Подлинники этих писем хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Их тексты явно заслуживают широкомасштабного исследования, связанного с непростой темой взаимоотношений автора и Страбова. Мы рассматриваем особенности содержания и стиля самого первого из писем [15; в цитатах выдерживаются подчеркивания, сделанные в подлиннике; авторские вставки отдельных слов и выражений не оговариваются]. Комментируя это письмо, Д. А. Соловьев указал, что год его написания «установлен в соответствии с текстом» [18, с. 42]. В конце подлинника содержится авторское указание на день и месяц: «20 мая». Рядом (возможно, позднее), был отмечен год – 1863 [см.: 15, 2об.]. Установлению даты могли содействовать факты, приведенные в письме. Они относятся к первым месяцам 1863 года и связаны с попытками Леонтьева печататься в журнале «Время».

Из сотрудников «Времени» в тексте письма упомянуты Страхов (как адресат) и, кроме этого, А.А. Григорьев. Леонтьев писал Страхову, что подготовил к публикации две статьи, рукописи которых последний должен был получить от Григорьева. Не менее важно, что автор осветил содержание этих, по-видимому, утраченных автографов.

«Начало одной» из своих статей Леонтьев обозначил так: «Письмо Обскурантова к Е. В. Базарову по поводу “Казаков” гр. Толстого» [15, л. 1. Ср.: 18, с. 41]. Затем писатель упоминает «и другую» статью, «писанную по поводу “Отцов и детей” прошлого года» [15, л. 1. Ср.: 18, с. 41]. Ее Леонтьев пересказывает: «В этой я хотел оставить только общее рассуждение об “идеале и средней величине”, чтобы доказать, почему можно, не соглашаясь, напр.<имер>, хоть с Добролюбовым и т.<ому> подобными, уважать их личность и верить в одностороннюю пользу их деятельности» [15, л. 1 – 1об.; Ср.: 18, с. 41. См. оценки этой позиции: 7, с. 370; также 23, с. 144 – 145]. По словам Леонтьева, Григорьев “нашел эти статьи слишком большими” для журнала “Якорь”, куда они были переданы. Поэтому автор делился со Страховым своими идеями и планами [15, 1об. Ср.: 18, с. 41. О роли обсуждаемого письма в общем контексте связей Леонтьева и Григорьева см.: 8, с. 27 – 28].

Сразу надо отметить, что мысли Леонтьева «об идеале и средней величине» имели свою родословную. Конечно, если бы исследователи располагали текстами обеих статей Леонтьева, то определение «идеал» можно было бы соотнести с романом И. С. Тургенева «Отцы и дети», с которым статьи, судя по их заглавиям, очевидно, были связаны. Определение же «средняя величина» Леонтьев использовал в критической статье «По поводу рассказов Марка Вовчка» (опубл. 1861). В ней автор, споря со статьей Ф. М. Достоевского «Г-н – бов и вопрос об искусстве», писал: «Для изучения красоты, мне кажется, самое лучшее, собирать как можно больше личных вкусов и из них выводить среднюю величину, как делают в естественных науках» [16, VIII, с. 31 – 32].

«Средняя величина» здесь рассматривалась Леонтьевым как критерий типичности эстетических явлений («красоты»). Но, с другой стороны, это понятие возведено к естественным наукам. Притом во второй половине 1850-х годов Леонтьев писал работы на соответствующие темы. Из этих работ для нас представляет интерес статья «О Крымском полуострове» (1857, опубл. 2006 в составе: 17, VII, кн. 2, с. 271 – 324, 518 – 526) Леонтьев включил в нее значимую оценку: «Гумбольдт, начертивш<ий> гениальную картину мироздания» [17, VII, кн. 2, с. 280, ср. с. 277]. Речь идет о печатавшемся в то время труде Александра фон Гумбольдта «Космос» (опубл. 1845–62; рус. пер. 1848 – 63. См. указание: 17, VII, кн. 2, с. 939).

В начале своего труда Гумбольдт советовал «исследовать *среднее* состояние, около которого, при кажущейся необузданности природы, колеблются (осциллируются) внутри тесных границ все явления» [5, I, с. 11]. Правомерен вопрос, насколько молодой Леонтьев изучил и воспринял этот подход.

Начинающий писатель и студент-медик, безусловно, мог знать начало «Космоса» по пересказам в русской периодической печати конца 1840-х годов. Для нас важны те пересказы, которые в 1848 – 49 годах осуществил

в журнале «Современник» Н. Г. Фролов [Ср. об этом: 17, VII, кн. 2, с. 939, см. также с. 683 – 684]. В воспоминаниях «Мои дела с Тургеневым и т. д. (1851 – 1861 г.)» Леонтьев прямо указал на свое знакомство с этими публикациями [16, IX, с. 104; 17, VI, кн. 1, с. 731; кн. 2, с. 579].

Но Фролов также перевел первые две части «Космоса» на русский язык. Они вышли в свет отдельными изданиями соответственно в 1848 и 1851 годах. Едва ли некие причины помешали Леонтьеву ознакомиться с этими изданиями. Молодой автор мог принять рекомендацию Гумбольдта об изучении среднего состояния явлений и использовать ее в разнородной перспективе.

Мы видели, как в 1863 году Леонтьев применил критерий «средней величины» к общественным типам (Н. А. Добролюбов) и их отображению в литературе (образ Базарова). Но, судя по письму к Страхову от 20 мая, замыслы писателя были намного шире. Леонтьев знакомил Страхова с другими своими идеями, за счет которых он надеялся сблизиться с редакцией журнала «Время». Эти идеи были выражены в форме тезисов, указывающих: «1) что прекрасное важнее полезного; 2) что широкое развитие важнее счастья; 3) что только на почве зла вырастает добро и великие личности— 4) что лучше война, поэтические суеверия и доблестные предрассудки, чем всеобщая бесцветность... 5) что народность (нам особенно) нужнее демократической гуманности (об этом есть уже большая статья) и т.<ак> д.<алее>» [15, л. 2; ср. 18, с. 41]. Леонтьев соединил свои мысли при помощи нумерации и такой фигуры речи, как анафора (единоначатие). За счет этого тезисы выделяются в тексте письма. Но можно ли на их основе делать допущения об источниках взглядов Леонтьева, как в случае с определением «средняя величина»?

Мы видели, что на первом месте у писателя стоит тезис «прекрасное важнее полезного». В этом мнении Леонтьева мог укрепить такой автор, как Джон Стюарт Милль. В начале 1860-х годов Леонтьев внимательно относился к произведениям этого английского экономиста и социолога. Весной 1862 года писатель выпустил реферативный перевод фрагментов книги Милля «О свободе», озаглавив его «Мнение Джона-Стюарта Милля о личности» [17, VII, кн. 1, с. 7 – 48; кн. 2, с. 529 – 531]. Исследователи неоднократно ставили вопрос о воздействии на Леонтьева этой книги [см.: 13, с. 313; 25, с. 85 —88], как и идей Милля вообще [см.: 11, с. 113 – 116; 12, с. 16 – 17, 19 – 20; 24, с. 152].

Не менее важную роль играет еще один труд Милля — «Основания политической экономии». Леонтьев прямо ссылался на него, работая в 1869 году над очерком «Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве» [17, VI, кн. 1, с. 19; кн. 2, с. 272 – 273]. Леонтьев мог ознакомиться с «Основаниями политической экономии» в 1863 году, готовясь к экзамену на дипломатическую должность [см. об этом: 17, VI, кн. 1, с. 19; кн. 2, с. 273. Краткое описание данного периода жизни писателя см.: 14,

с. 59]. В первой половине 1860-х годов перевод «Оснований...» выполнил и снабдил замечаниями Н. Г. Чернышевский. Если допустить знакомство Леонтьева именно с этим популярным переводом [см.: 17, VIII, кн. 2, с. 947], то и тезис «прекрасное важнее полезного» можно соотнести с ним.

Исследуя проблему благосостояния в развитом обществе, Милль описал «излишек богатства», который употреблялся «на дела общественной роскоши и великолепия». «Из такого излишка, – отмечал Милль, – были построены Парфенон и Пропилеи, дана плата за статуи Фидия, праздновались торжества, для которых писали свои драмы Эсхил, Софокл, Эврипид и Аристофан. Но это состояние политических отношений, бывшее, пока длилось, очень полезным, не несло в себе элементов долговечности» [19, с. 21 – 22].

По мнению Милля, художественное творчество создает «полезности», «состоящие только в том, что оказывается услуга, дается удовольствие, отвращается неудобство или страдание на известное время», хотя «не остается никакого постоянного приобретения в улучшении качеств какого-нибудь лица или какой-нибудь вещи; труд здесь прямо употребляется на производство полезности <...>. Таков, например, труд музыканта, актера, человека, декламирующего что-нибудь перед публикой или дающего перед ней какое-нибудь представление <...> цель публики и актера только непосредственное наслаждение» [19, с. 52 – 53].

В замечаниях на «Основания политической экономии» Чернышевский также писал о творчестве артистов: «Конечно, труд Гаррика и Кина, превосходно передававших Шекспира, гораздо выше, чем труд полуграмотного писаря, бестолково читающего перед сельскими старшинами предписания волостного правления; но почему же труд писаря не нуждается ни в каких доказательствах своей полезности для общества, а труды Гаррика и Кина показались французским экономистам нуждающимися в защите посредством натянутых объяснений? Почему в слове “непроизводительный” лежит какое-то порицание, несмотря на высокое достоинство некоторых родов непроизводительного труда?» [19, IX, с. 62 – 63].

За этими (и близкими к ним) суждениями стоит прямое соотношение понятий: «Различая материальные, или низшие (точнее сказать — биологические) потребности от идеальных, нравственных, или высших (то есть социальных) потребностей и стремлений человека, Чернышевский устанавливал взаимосвязь между ними. Развитие “высших” потребностей (к ним относятся и эстетические потребности) обусловлены удовлетворением “низших” – материальных» [6, с. 14]. Отсюда, естественно, вытекает и вопрос о том, какой вид потребностей может оказаться более значимым (то есть полезным) в той или иной ситуации.

Видимо, излишне утверждать, что в данном случае Милль только подкрепил эстетические воззрения Чернышевского, сложный контекст которых складывался на протяжении 1850-х годов. На фоне подобных воз-

зрений Леонтьев, адресуясь к Страхову, оценил соотношение «прекрасного» и «полезного» по-иному. Конечно, Чернышевский и Леонтьев, обращаясь к одной и той же работе такого западного автора, как Милль, сделали из его идей абсолютно разные, противостоящие друг другу выводы.

Достаточно заострен второй тезис из письма Леонтьева к Страхову. Напомним, по Леонтьеву, «широкое развитие важнее счастья». Но трудно судить, насколько Леонтьев, говоря об этом, был самостоятелен. Уместно отметить источник, где встречаются сходные мысли.

Во второй части «Космоса» Гумбольдт обратился к эпохе великих открытий и затронул вопрос о колониальных захватах. Он писал: «Как во всем земном, так и здесь блеск счастья был потемнен глубоким страданием. Успехи космического знания были куплены ценою всех насилий и жестокостей, которые были распространены по земному шару так называемыми цивилизирующими завоевателями. Однако же, непонятна и чрезмерна дерзость, позволяющая себе догматически решать в отрывочной истории развития человечества о перевесе счастья и несчастья. Неприлично человеку судить всемирные события, которые, медленно заготавливаясь в лоне времен, только отчасти принадлежат тому времени, в которое мы их переносим» [5, II, с. 286 – 287]. Но Гумбольдт говорил о том, насколько относительны взгляды на счастье ввиду хода истории. Леонтьев же просто умалял счастье как самодостаточную черту человеческой жизни. Здесь мы усматриваем важное противоречие между обоими авторами. Видимо, в силу такого противоречия Леонтьев мог написать: «...только на почве зла вырастает добро и великие личности». Однако сфера применения этого величия подлежала точному определению. Отсюда новый тезис Леонтьева: «лучше война, поэтические суеверия и доблестные предрассудки, чем всеобщая бесцветность». Отсюда Леонтьев пришел к тому выводу, что «народность», особенно в России, «нужнее демократической гуманности (об этом есть уже большая статья)». Данный тезис вводит нас как в общий контекст раннего творчества Леонтьева [см. об этом: 3, с. 11 – 12; 25, с. 100 – 103], так и в мир публицистики Аполлона Григорьева.

В «Нескольких воспоминаниях и мыслях о покойном Ап. Григорьеве» Леонтьев выделил памфлет этого автора «Плачевные размышления о деспотизме и вольном рабстве мысли» [17, VI, кн. 1, с. 13; кн. 2, с. 269]. Памфлет [4; см. атрибуцию: 10, с. 239, 238] важен в первую очередь тем, что он завершил целую серию программных выступлений Григорьева в «Якоре» [см.: 2, с. 338 – 339].

«С помощью этого потока манифестов, редакционных и личных статей Григорьев установил направление журнала и сформулировал собственную позицию, в которую в течение всего года работы в журнале не внес существенных изменений», – резюмировал Р. Виттакер [2, с. 339; см. также: 9, с. 203 – 208]. В нашем случае необходимо выделить «Плачевные раз-

мышления о деспотизме и вольном рабстве мысли» как выступление в защиту идеи русской народности.

Для Григорьева «народность есть набор национальных характеристик, коренящихся в русском Православии» [2, с. 342]. Едва ли странно, что его привлекла и такая специфическая форма русской религиозной жизни, как юродство. В своем памфлете Григорьев иронически сравнил суеверия, принятые в народе и в образованном кругу. Ему вспомнился известный в 1840-е – 50-е годы московский юродивый И. Я. Корейша. Григорьев писал: «Есть, например, юродство модное, американское, спиритуализм (спиритизм – С. Д.) <...>. Ты скажешь, что сотни тысяч народа занимаются спиритуализмом? Сотни тысяч народа перебивали в больнице умалишенных, где жил покойный Иван Яковлевич, сотни тысяч народа шли за гробом. То, дескать, народ образованный, американцы и англичане, а это не люди, а звери» [4, с. 42]. Леонтьев, которого этот мотив восхитил [17, VI, кн. 1, с. 13], мог обозначить веру в юродивых как «доблестные предрассудки» и оценить спиритизм в качестве признака «всеобщей бесцветности».

Обращаясь к редакции «Якоря», Григорьев восклицал: «Я уверен, что в отроческие годы свои ты плакивала над фальшиво-сентиментальным изображением юродивого “Мити” в Юрии Милославском? Положим, что теперь ты не заплачешь, да и я уж не заплачу. Но главу об юродивом в “Детстве” Толстого ведь ты не обвинишь в фальшивости, ведь ты и теперь придешь в восторг от ее поэтической правды?.. А что ты, например, тоже на счет юродивого Островского в “Минине” каких мыслей?.. А ведь поэзия – либо ложь, либо самая дорогая жизненная правда» [4, с. 43]. Смысл, который Григорьев связывал с образами юродивых в литературе (М. Н. Загоскин, Л. Н. Толстой, А. Н. Островский), Леонтьев мог обозначить словами «поэтические суеверия».

Наконец, в целом памфлет Григорьева перекликается именно с тем тезисом Леонтьева, где народность поставлена выше «демократической гуманности». На это мнение прямо наводят заключительные фразы памфлета: «Да! народу надо служить, а не публике, — и честно следует обращаться со словом. <...>. А связь наша с нашим прошедшим, с нашею почвою, со всем нашим бытовым, т<о> е<сть> ясное уразумение во всем этом законов нашего организма народного, – дело немалой важности. Не так ли, моя верующая в народ редакция?» [4, с. 47].

Какой вывод о становлении и развитии молодого Леонтьева можно сделать на фоне всех проведенных параллелей? Безусловно, писатель крайне четко воспринимал важные для него идеи Гумбольдта, Григорьева или Милля. Тем не менее свои мысли Леонтьев формулировал, стремясь к эмансипации от возможных первоисточников. Поэтому он старался ничего не повторять дословно, зато мог напрямую переосмыслить тексты. Так закладывалась первая ступень той лестницы, что привела Леонтьева к самобытной роли в истории общественной мысли.

Особую проблему составляет то, что свои тезисы Леонтьев вводил не в публицистический текст (хотя бы и обладающий условной эпистолярной формой), а в частное письмо, не рассчитанное на огласку. Его адресатом была не широкая публика, а лично Н.Н. Страхов. Этого адресата следовало заинтересовать, чтобы иметь доступ сначала в круг литераторов–почвенников, а уже потом – к читателям. Роль автора письма дополнил статус публициста, писавшего для расширяющейся аудитории.

В чем заключается этот статус? «Публицист <...> прямо и открыто агитирует, убеждает, пропагандирует. Здесь функция убеждения первична, она выражена в слове (в предметном значении, в его эмоциональных и оценочных оттенках) и не опосредствована другими факторами и категориями (образом, например)» [21, с. 203]. Тезисы Леонтьева из письма к Страхову от 20 мая 1863 года не противоречат подобной характеристике. Но они не отменяют и частный характер этого письма.

Можно сказать, что некий публицистический субстрат легко разместился в рамках так называемого бытового письма. Как писал обосновавший использование этого термина Ю. Н. Тынянов [см. 23, с. 264 – 266], «быт кишит рудиментами разных интеллектуальных деятельностей» [23, с. 264]. Бесспорно, в первую очередь это относится к быту литературно-журнальных кругов, предполагающему обсуждения идейных проблем.

Леонтьев участвовал в таких обсуждениях, беседуя с Григорьевым [17, VI, кн. 1, с. 12 – 14]. Затем у него начали складываться отношения со Страховым как с сотрудником журнала «Время». Поддерживая их, Леонтьев принял статус публициста, который воплотился в эпистолярном тексте. В итоге письмо Леонтьева к Страхову от 20 мая 1863 года не преодолело свой частный характер, но оно стало «*профессионально ориентированным*». При помощи этого термина определяется «переписка ученых, связанных, прежде всего, не дружескими, а научными интересами» [см.: 1, с. 37 – 38]. Но здесь уместно применить термин к сфере идейных интересов.

Мы говорим о логике соприкосновения жанров, когда Леонтьев равнозначно пропагандировал свои взгляды в статье и письме. Уже к 1863 году этот подход прямо дал о себе знать. Так начинал складываться творческий путь Леонтьева как будущего мастера эпистолярной прозы. Но даже если Страхов тогда и присмотрелся к Леонтьеву, это не могло повлечь за собой никаких публикаций на страницах «Времени». Не позднее 29 мая 1863 года в литературные круги Петербурга проникли вести о закрытии журнала из-за статьи Страхова «Роковой вопрос», посвященной межнациональному конфликту русских и поляков [см.: 20. Т. II, 336]. После этого Леонтьев и Страхов, несмотря ни на что, поддерживали связи друг с другом на протяжении десятков лет. Однако в итоге позиции Леонтьева все же разочаровали Страхова.

Не углубляясь в сложный круг проблем, связанных с этим сюжетом, отметим оценку из позднего письма Страхова к А. А. Фету от 6 мая

1891 года: «Откуда взять резко разграниченные сословия, красивые одежды, рыцарские нравы и пр.<очее> – словом, все, что так нужно К. Н. Леонтьеву? Он бы, кажется, сейчас согласился, чтобы его казнили, лишь бы это совершилось с эффектной церемонией и палач был бы в красивой одежде и с позолоченным топором» [22, с. 519]. Какие бы мысли позднего Леонтьева ни вызвали подобную иронию, приходится оглядываться по старшинству и на его эпистолярный тезис 1863 года – о том, что «прекрасное важнее полезного».

Список литературы

1. Белунова Н.И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX в. (жанр и текст писем). – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.
2. Виттакер Р. Последний русский романтик Аполлон Григорьев (1822 – 1864 гг.) / пер. с англ. М.А. Шерешевской. – СПб.: Акад. проект, 2000.
3. Володихин Д.М. «Высокомерный странник». Философия и жизнь Константина Леонтьева. – М.: Мануфактура, 2000.
4. <Григорьев А. А.>. Плачевные размышления о деспотизме и вольном рабстве мысли // Якорь. – 1863. – № 3. – С. 41 – 47 (пагинации, подп. «Ненужный человек»).
5. Гумбольдт А. фон. Космос. Опыт физического мирописания. Ч. I – II / пер. с нем. Николая Фролова. – СПб.; М., 1848 – 1851.
6. Гуральник У.А. Эстетика реализма // Чернышевский Н. Г. Избранные эстетические произведения / вступит. ст. и коммент. У.А. Гуральника. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1978.
7. Добряков С.В. Константин Леонтьев как прототип героев И. С. Тургенева // Тургеневские чтения. Сб. статей / сост. Е. Г. Петраш. – М.: Русский путь, 2006. – Вып. 2.
8. Добряков С.В. Литературные связи К.Н. Леонтьева и А.А. Григорьева // X Царскосельские чтения / под ред. В.Н. Скворцова. – СПб.: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2006. – Т. I.
9. Егоров Б.Ф. Аполлон Григорьев. – М.: Молодая гвардия, 2000.
10. Егоров Б.Ф. Аполлон Григорьев — критик. Ст. 1. Приложения. 1. Библиография критики и художественной прозы Ап. Григорьева // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. – Тарту, 1960. – Вып. 98. – С. 194 – 215.
11. Жуков К.А. Восточный вопрос в историософской концепции К. Н. Леонтьева. СПб.: Алетейя, 2006.
12. Зубов С.В. Парадоксы Константина Леонтьева. – Саратов: Саратовский гос. техн. ун-т, 2007.
13. Иваск Ю.П. Константин Леонтьев (1831 – 1891). Жизнь и творчество // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей после 1917 г. Антология. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1995. – Кн. 2.
14. Коноплянцев А.М. Жизнь К.Н. Леонтьева в связи с развитием его мирозерцания // Памяти К. Н. Леонтьева. Лит. сборник. – СПб., 1911.
15. Леонтьев К.Н. <Письмо Н.Н. Страхову. 20 мая 1863 года> // ОР РНБ. Ф. 747. Ед. хр. 17. Лл. 1 – 2 об.
16. Леонтьев К.Н. Собр. соч.: в 9 т. – М.; СПб.: 1912 – 1913.
17. Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. – СПб.: Владимир Даль, 2000 – 2009.
18. Леонтьев К.Н. Избранные письма. 1854 – 1891 / публ., предисл. и коммент. Д. А. Соловьева. – СПб.: Пушкинский фонд, 1993.

19. <Милль Дж. Ст.>. Основания политической экономии. <Перевод с замечаниями Н. Г. Чернышевского> // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. – М.: ОГИЗ; ГИХЛ, 1949.
20. Никитенко А.В. Дневник: в 3 т. / подг. текста и примеч. И.Я. Айзенштока. – Л.: ГИХЛ. 1955 – 1956.
21. Солганик Г.Я. Стилистика текста: учеб. пособие. – 9-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2009.
22. Страхов Н.Н. <Письмо А. А. Фету. 6 мая 1891 года> // Литературное Наследство / отв. ред. Т.А. Динесман. – М.: ИМЛИ РАН, 2011. – Т. 103. А. А. Фет и его литературное окружение. – Кн. 2.
23. Тынянов Ю.Н. Литературный факт // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – С. 255 – 270.
24. Фетисенко О.Л. “Гептастилисты”: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой половины XX века). – СПб.: Пушкинский Дом, 2012.
25. Хатунцев С.В. Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография. 1850 – 1874 гг. – СПб.: Алетейя, 2007.

Жанровый состав шуточной лирики В.С. Соловьева

В статье исследуется жанровый состав шуточной лирики В.С. Соловьева и специфика соловьевского смеха. В результате делаются выводы о том, что смех Соловьева имеет своим источником задачу разоблачения земной жизни как не соответствующей идеалу средствами шуточной лирики; многообразии жанров шуточной поэзии Соловьева свидетельствует об особой важности комического для его художественного мира.

This article is devoted to studying of V. I. Solovyov's facetious lyrics. The author analyzes its genre structure and specific character of Solovyov's humor. The conclusion made as a result tells that the source of Solovyov's humor is the aim to disclose the world life as being out of line with the ideal with the help of facetious lyrics. The genre variety of Solovyev's facetious poetry is the evidence of special importance of comic things for his artistic world.

Ключевые слова: шуточная лирика, жанры поэзии, элегия, ода, гимн, баллада, пародия, басня, эпиграмма, шуточное послание.

Key words: facetious lyrics, poetic genres, elegy, ode, hymn, ballad, parody, fable, epigram, facetious epistle.

Одна из актуальных проблем современного соловьевоведения – анализ и оценка шуточной лирики поэта-философа, чрезвычайно редко попадающей в сферу внимания ученых. Шуточные и сатирические произведения В.С. Соловьева были широко известны его современникам. Они практически не печатались, но широко ходили в списках и были чрезвычайно популярны в кругах московской и петербургской интеллигенции. Показательно, что на рубеже XIX – XX веков Соловьева-поэта соотносили прежде всего с традицией К. Пруткина. Вопрос о своеобразии смеха Соловьева впервые был поднят в 1970 – 1980-е годы. З.Г. Минц при подготовке к изданию поэтического сборника В. Соловьева выделила особую группу его шуточных стихотворений, которые ранее серьезно не воспринимались в исследовательских кругах. «Значение этой части наследия Соловьева, – писала она, – до сих пор в должной мере не оценено. Ни разу не были даже полностью собраны шуточные и сатирические произведения поэта. Критика либо игнорировала их, либо... настойчиво подчеркивала «безобидность» соловьевской иронии...» [2, с. 36]. А.Ф. Лосев в работах, посвященных Соловьеву, впервые затронул проблему природы соловьевского смеха, обратил внимание на его противоречивый смысл. «Смех Вл. Соловьева, – рассуждал он, – очень глубок по своему содержанию... Это не смешок Сократа, стремившегося разоблачить самовлюбленных... пре-

тендентов на знание истины. Это не смех Аристофана или Гоголя, у которых под видом смеха крылись самые серьезные идеи общественного или морального значения. И это не романтическая ирония, когда у Жана Поля (Рихтера) над животными смеется человек, над человеком – ангелы, над ангелами – архангелы, а над всем бытием хохочет Абсолют, который своим хохотом и создает бытие и его познает. Ничего сатанинского не было в смехе Вл. Соловьева, который по своему мировоззрению – все-таки проповедник христианского вероучения. И это уже, конечно, не комизм оперетты или смешного водевиля...» [1, с. 526 – 527]. Одним полюсом соловьевского философского смеха, заключил Лосев, было свободное и беззаботное самочувствие на основе достигнутой и непоколебимой истины. Другой полюс – любовь ко всему смешному, в том числе анекдотам, побасенкам, часто непристойного содержания. Поэтому смех Соловьева, с одной стороны, делал предмет смеха чем-то свободным, независимым и самодовлеющим, с другой – чем-то недостижимым по отношению к фактическим несовершенствам жизни.

Изучение жанрового состава шуточной лирики Соловьева, на наш взгляд, позволит прояснить вопрос о специфике соловьевского смеха и понять оригинальность его поэтического мира, которая во многом связана именно с особым значением в нем юмористической и сатирической составляющих. Исследователи поэтического наследия Соловьева отмечали, что в его лирике «налицо жанровая заданность написания тех или иных текстов» [5, с. 253]. Действительно, Соловьев как правило обозначал жанровую принадлежность своих стихотворных текстов или подчеркивал ее определенными признаками формы. Особенно это характерно для его шуточной лирики, где литературный жанр приобретал особую важность: его обозначение должно было актуализировать литературную традицию, настроить читателя на то или иное восприятие произведения.

Первые шуточные стихотворения Соловьева датированы концом 1870-х – началом 1880-х годов. Около десяти лет в своей шуточной лирике он экспериментировал с жанрами элегии, оды, гимна и баллады. Элегический жанр был одним из самых востребованных в соловьевской «серьезной» лирике. Он давал возможность высказать свои философские идеи, выразить сожаление о несовершенстве земного мироустройства. В ряде стихотворений Соловьева – «Если желанья бегут, словно тени...», «Отшедшим», «Опять надвинулись томительные тени...» – особенно сильны элегические ноты. Однако уже в 1879 году возможности элегии были использованы Соловьевым с иной целью. Стихотворению «Мудрый осенью» он дал подзаголовок «Элегия, с персидского», но, используя в нем традиционную философскую проблематику, поместил ее в иронический контекст. При этом Соловьев активно применял художественные приемы, характерные для жанра. Он выстроил традиционную антиномию «суровая реальность – гармония», но намеренно снизил ее, связал с бытовыми мело-

чами и частностями, конкретной повседневной ситуацией: «цветы увяли», «небо серо», «в долине грязно», наконец, «подруга злится и ворчит». Характерное для поэтики жанра примиряющее заключение – «Слова бесплодны: мудрый в час невзгоды // Пьет с ромом чай и с важностью молчит» [4, с. 138] – обретало на этом фоне комическое звучание. Накладываясь на известную романтическую традицию русской лирики («Невыразимое» В.А. Жуковского, «Silentium» Ф.И. Тютчева), соловьевский текст вступал с нею в дискуссию и обретал таким образом дополнительный иронический оттенок.

К концу XIX века жанр оды мог быть востребован только в ироническом ключе. Если в классическом варианте ода посвящалась восхвалению героического события, человеческого подвига, величественных явлений природы, Соловьев наполнил ее сатирическим содержанием. Одический жанр был связан с категорией возвышенного. Для него были характерны торжественность, патетичность, получающие воплощение во всех элементах поэтической структуры. «Ода» (1887) Соловьева повествовала о князе Мещерском, издателе газеты «Гражданин», который славился своей безнравственностью. Это было по сути антивосхвалением, ибо каждая соловьевская похвала герою подразумевала ироническую основу. «Содомит» Мещерский назывался «хранящим сердце в чистоте», правда, его «мудрость», по выражению автора, должна была привести к «руинам просвещения». В этом отношении Соловьев наследовал традиции державинской оды, в которой впервые появились элементы сатиры. Двуплановость од Г.Р. Державина находила отражение у Соловьева в поэтической лексике, в одновременном употреблении «высоких» и «низких» слов: «Русь шествует», «сон величавый» и «отраву изблюет», «блюдома» и др. Если говорить о проблематике, то автор ориентировался скорее на нравоописательную ломоносовскую традицию. Он сохранял канонический язык, стихотворный размер (четырёхстопный ямб, правда, с пиррихиями), торжественный тон. Сохранялась и свойственная оде приобщенность к чувствам коллективным – патриотическим, гражданским. Ослабленность ударности четырёхстопного ямба, использование синтаксических переносов («О ты, средь невского содома // Хранящий сердце в чистоте!» [4, с. 148]), сниженной лексики, неточной рифмы («величавый – славы») нарушало ораторскую интонацию, изначально свойственную жанру оды. Вместе с тем был востребован ломоносовский принцип тематического единства оды. Определенная тематическая идея делалась у Ломоносова сквозной, придавала стройность всей конструкции и логику тем или иным эмоциям. В «Оде» Соловьева неоднократно звучит тема сна. Она определяет стихотворное пространство, создает фон для лирических размышлений. Таким образом, в целом нововведения Соловьева касались в основном использования одописного стиля в целях пародии. В этом он оказывался наследником поэтической традиции «Современной оды» Н.А. Некрасова.

Пародийное обыгрывание одической жанровой формы можно обнаружить и в соловьевском «Размышлении о неизменности законов природы» (1889). Как жанровое указание здесь сохранилось чередование традиционного четырехстопного и пятистопного ямбов. Показательно авторское название в духе классической русской оды М.В. Ломоносова. Для создания высокого слога употреблялась устаревшая и книжная лексика («эфира житель», «всезрящее око»). Однако все произведение Соловьев выстраивал на контрастах: «верх» – «низ», «орел» – «червь», солнце «заходит» и «всходит», «вышка» – «яма». Завершающим при этом становилось несколько неожиданное противопоставление: «дела служитель» – «золотарь». В результате традиционная философская идея о суетности земного и неизменности вечного снижалась, вбирала в себя иронический пафос: «На вышке гордый витязь ходит // И яму чистит золотарь» [4, с. 149].

В том же пародийном смысле Соловьев использовал жанр гимна. Традиционно гимн считался торжественной песней в честь богов, героев, победителей или в честь какого-нибудь важного для общества события. Он строился как обращение или воззвание к восхваляемому объекту, его описание и прославление. «Гимн» (1887) Соловьева, посвященный князю Мещерскому, исполнен чувством мнимого восторга и воодушевления, особой торжественности в связи с началом издания газеты «гражданином Гоморры». Классический гимн завершался обычно молитвой, заклинанием, пожеланием. У Соловьева использована именно такая концовка: «О боже! Суд свой праведный и скорый // Яви, как встарь...» [4, с. 148]. Традиционно гимн эмоционально насыщен, изобилует восклицательными и вопросительными оборотами, повторами. В небольшом четверостишии Соловьева для жанровой стилизации используется восклицание.

Наличие жанра баллады у Соловьева еще раз доказывает его тяготение к поэтике романтиков. Романтическая баллада трактовала жизнь через призму исключительного, необычного, рационально необъяснимого. Как правило, изображались события, восходящие к народным легендам и сказаниям. В балладах Соловьева («Таинственный гость» (конец 1870-х годов), «Таинственный пономарь» (1886), «Осенняя прогулка рыцаря Ральфа» (1886)) – то же мистическое начало, таинственность и недосказанность («Сказал. Исчез», «как тень бледна»), стилизация под старину (действующие лица – рыцари, дамы высших сословий). Однако посредством жанра баллады Соловьев выражал и свою насмешку над теми или иными обстоятельствами – супружескими изменами, призрачной женской любовью, мнимыми законами чести, святостью брака, понятием рыцарства. Отсюда – намеренно сниженная лексика («я вас нонче не узнала», «дойлой стихарь» и т. д.), ситуации, развенчивающие героя и итоговое авторское жанровое обозначение («полубаллада»).

Одним из ведущих жанров в зрелой шуточной лирике Соловьева была пародия – комическое подражание произведению или группе произведений, которое строится на нарочитом несоответствии тематических и стилистических пластов художественной формы. Этот жанр появился в его поэзии во второй половине 1880-х годов и был востребованным практически до конца поэтического творчества. Соловьев разрабатывал оба вида пародии – бурлеск, когда низкий предмет излагался высоким стилем, и травестию, когда высокий предмет описывался низким стилем. Примером бурлеска может служить его «Уносит все река времян...» (1897), примером травестию – «Пророк будущего» (1886). В первом из стихотворений Соловьев использовал высокий стиль и державинский образ «реки времен» – символ бренности всего существующего. Однако связывал с ним предметы низкие – страсти и пороки «вельмож»: любвеобильность К.П. Побеноносцева, полигамность Н.В. Муравьева, дряхлость И.Д. Делянова. «Пророк будущего» продолжал традицию произведений А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Но Соловьев намеренно снижал главный образ, делал его нелепым, похожим на сумасшедшего. Пророк Соловьева не только традиционно не понимается чернью, но и гоним властью: «Но органами правительства... // Тотчас он на место жительства // По этапу водворен» [4, с. 140]. Погружение его «ума и сердца» в некромантию и ночевки в болотах могли «привести в недоумение» собак, но никак не просвещали толпу. Известно, что сам Соловьев всерьез примерял на себя роль избранного, считал, что обладает высшим знанием, пророческими способностями. Еще в юности он писал кузине Е.В. Романовой: «Сознавая необходимость преобразования, я тем самым обязываюсь посвятить всю свою жизнь и все свои силы на то, чтобы это преобразование было действительно совершено... Сама истина, т. е. христианство... ясна в моем сознании, но вопрос в том, как ввести ее во всеобщее сознание... Это мое настоящее дело... с такими убеждениями и намерениями я должен казаться совсем сумасшедшим...» [3, с. 88–89]. Таким образом, «Пророк будущего» Соловьева – одновременно и автопародия, и пародия на сложившуюся литературную традицию, и сатира на современную российскую власть.

Во многих автопародиях Соловьев иронизировал над уровнем своего поэтического мастерства. Известно, что он ставил собственную лирику неизмеримо ниже, чем философскую и публицистическую деятельность. Видимо, поэтому свое творчество постоянно вызывало иронический автокомментарий. Так, посылая М.М. Стасюлевичу одно из лучших своих лирических стихотворений «Лучей блестящих полк за полком...», Соловьев приложил к письму «автопародию»: «Нескладных виршей полк за полком // Нам шлет Владимир Соловьев, // И зашибает тихомолком // Он гонорар набором слов» [4, с. 164]. Соловьев смеялся над трагедиями в личной жизни («Вчера, идя ко сну, я вдруг взглянул в зеркало...», 1890-е годы) и старостью («Эти финские малютки...», 1896), болезнями («Цвет лица

геморроидный...», 1893) и своими трудами («Надпись на книге «Оправдание добра»», 1896).

Автопародийная направленность наблюдается также в акrostихах и эпитафиях Соловьева. У Соловьева два цикла акrostихов, и оба посвящены С.М. Мартыновой, с которой его связывали непростые отношения. Первый совпадал с эпохой расцвета его чувства, когда образ возлюбленной одухотворялся и поэтизировался. В них прописывалось слово «САФО»: имя любимой женщины соотносилось с Софией, Премудростью Божьей. Но уже через несколько месяцев был создан шуточный цикл «Матрена», в котором образ былой любви пародировался, создавалась автопародия на собственные чувства: «Рыдал я у ног твоих тысячекрат и // Едва удавиться с тоски не успел, // Но скрылся куда-то твой образ крылатый, // А вместо него я Матрену узрел» [4, с. 154].

С «легким», альбомным стихотворством Соловьева, кроме акrostихов, можно соотнести его эпитафии. Как и все поэтические мелочи, они требовали точности, меткости, афористичности, удачности выражения. Разработка такого жанра была плодотворной для совершенствования поэтического мастерства. Соловьев создавал фиктивные эпитафии, обращенные к самому себе, причем, вводил пародирующую составляющую: «Владимир Соловьев // Лежит на месте этом. // Сперва был философ, // А ныне стал скелетом. // Иным любезен быв, // Он многим был и враг; // Но, без ума любив, // Сам ввергнулся в овраг... // Прохожий! Научись из этого примера, // Сколь пагубна любовь и сколь полезна вера» [4, с. 153–154]. Здесь присутствуют все необходимые для данного жанра атрибуты: малый объем, обращение от лица покойника к прохожим, общепринятая формула «Здесь лежит...», однако такая пародийная эпитафия становилась близкой к сатирической эпиграмме. З.Г. Минц увидела здесь «осмеяние фарисейской церковной этики и даже основных положений христианского миропонимания» [2, с. 41].

К лучшим соловьевским пародиям относятся поэтические пародии на символистов «Горизонты вертикальные...», «Над зеленым холмом...», «На небесах горят паникадила...» (1895). В них очень точно подмечены и осмеяны тематика и стиль «новой» поэзии. Пародировалась поэтика конкретных произведений и мирозерцание авторов-символистов. Особенно метко Соловьев высмеивал приемы символистов – лексические повторы, совмещение противоположных понятий, недосказанность, отсутствие смысла и логики: «Горизонты вертикальные // В шоколадных небесах, // Как мечты полужеркальные // В лавровишневых лесах» [4, с. 164]; «Над зеленым холмом, // Над холмом зеленым, // Нам влюбленным вдвоем, // Нам вдвоем влюбленным // Светит в полдень звезда...» [4, с. 165]. Эти приемы шаржировались, гиперболизировались, доводились до абсурда, вследствие чего создавался сатирико-комический эффект.

Временем наивысшей социальной активности для Соловьева был конец 1880-х – первая половина 1890-х годов. Именно тогда появляются его собственно сатирические стихотворения. Их главной особенностью становится направленность против явлений современного русского общества и нравоописательная проблематика. «Каюсь, древняя ослица...» (1887), «Ах, далеко за снежным Гималаем...» (1887), «Город глупый, город грязный!» (1887), «Вы – стадо баранов! Печально...» (1895) клеймят безнравственных невежд, стоящих у власти, монахов-мошенников, современные столичные нравы. Свое отношение к положению дел в России и власти Соловьев выразил в эпиграмме 1885 года: «Благонамеренный // И грустный анекдот! // Какие мерины // Пасут теперь народ!» [4, с. 139]. В стихотворении «Своевременное воспоминание» (1887) сатирически представлены цензурные гонения его эпохи. В стихотворении «Привет министрам» (1891) очередную засуху в стране автор связал с нравственными недугами членов правительства.

Ведущий жанр в сатире Соловьева 1890-х годов – эпиграмма, сатира «на лица». Соловьев был мастером эпиграммы и часто использовал этот жанр в литературной и общественной борьбе. «На К.П. Победоносцева» (1892), «Сановитый блюститель...» (1892), «Дал вечность Лесбии своей...» (1897) – это ироническое представление своих современников. Для эпиграмм Соловьева характерна краткость, «нелогичные» концовки, использование иронии, каламбура, перифраза, реминисценции, сравнения. Есть у Соловьева эпиграммы-двустихия («На А.А. Фета», 1889, «Придет к нам, верно, из Лесбоса...», 1897), но гораздо больше произведений этого жанра неклассической строфики.

Еще один жанр, востребованный в зрелой шуточной лирике Соловьева, – басня. Жанровые возможности басни с ее дидактической сущностью и прямо сформулированным моральным выводом позволили поэту подчеркнуть нравственный аспект суждений, придать рассказу обобщенный смысл. Соловьев-баснописец достигал нравоучительной цели путем осмеяния человеческого духовного несовершенства и социального зла. Повествовательная часть, воссоздающая ситуацию, преобладала у него над нравоучением. И всегда Соловьев вел рассказ отнюдь не беспристрастно, а в высшей степени заинтересованно, выражая свое отношение к изображаемому. Интересно, что автор был совершенно равнодушен к одному из ведущих приемов басни – приему антропоморфизма. Очевидно, это объяснялось его философской концепцией поэтапного становления земной жизни от простого к сложному, где принцип взаимозаменяемости был невозможен. Басенная традиция аллегорического изображения людей через образы животных была для него только приемом, не имеющим под собой некой жизненной оправданности, а потому и необходимости.

Басня «Полигам и пчелы» (1886) Соловьева, как и классическая басня, распалась на две части: сюжетную и дидактическую. В первой излага-

лась история помещика-полигама, который, изрядно намучившись со своими многочисленными женами, придумал способ их примирения. Во второй озвучивалась главная идея: «...одна супруга // Приятней множества супруг» [4, с. 145]. Четко слышен авторский голос: «...но наконец // прекрасный // Вдруг способ изобрел» [3, с. 144]. Соловьев унаследовал традиционный размер басни – разноstopный ямб, который утвердил еще А.П. Сумароков. Он чередовал 5-тиstopный и 3-хstopный ямб. Однако вопреки традиции Соловьев намеренно запутал сюжет, ввел дополнительную линию Антипа-пчельника, который выполнял задание помещика. Соловьев не воспроизводил детально обстановку, не воссоздавал бытовую картину. Правда, из описания ясно, что перед нами Россия, русский помещик, окруженный лакеями и слугами, и русская природа (в саду растут липы, жасмин, сирень и розы). Автор не очень заботился об индивидуализации речи своих персонажей, но все-таки придавал ей характерные черты: «Вот липа! // И не одна, – здесь много лип; // Вон розан там – а тут, гляди, Антип! – // Столь много сладостных жасминов и сиреней...» [4, с. 144]. Помещик-полигам изъясняется с затруднением. Мысль его не оригинальна, парадоксальна (требование внушить пчелкам его идею); речь отличается обилием повторов, недосказанностью, разговорной лексикой. Очевидно, это человек недалекий, погрязший в бытовых проблемах и ни на что не претендующий.

Соловьев был чуток к той группе русских басен, в которых предполагалась особая роль рассказчика. Он не просто лукавый мудрец и насмешник, как в произведениях, например, И.А. Крылова, а повествователь, сознательно соблюдающий определенную дистанцию от своих героев. Как и А.П. Сумароков, в своих баснях Соловьев ввел рассказчика, отрицающего свою причастность событиям, точное знание о том, что произошло: «Мораль сей басни не совсем ясна» [4, с. 145]. Можно говорить и о наличии здесь пародийной традиции прутковской басни, когда ее смысл нивелировался самим рассказчиком.

Традицию толкования идеи басни Соловьева «Эфиопы и бревно» (1894) как осмеяния Александра III, его идеала русской государственности заложил Н. Лернер. Однако следует учитывать, что сам автор признавался в переписке, что эта басня не имеет «никакого отношения ни к аскетизму, ни к политике» [3, с. 212]. Текст басни дает возможность иного, более широкого, истолкования. На наш взгляд, идею басни следует связывать с осуждением бессмысленного почитания и даже обожествления недостойного, с актуализацией библейского «не сотвори себе кумира». Свидетельством этого можно считать отсутствие географической и временной конкретики: «...где-то там, меж юга и востока // Теперь или давно» [4, с. 163]. Национальный колорит здесь, конечно, присутствует, вводятся элементы повседневного быта русского человека: «Крестьянин Вахромей // В пути от кабака, не видя и не слыша, // С телеги стряс своей...» [4, с. 163],

но не они определяют сюжет. Примечательно, что сам автор назвал басню «восточной» и тем переместил акцент с национального на общечеловеческое. Основное внимание в басне уделяется человеческому скудоумию, отуманенности человеческого сознания как общественному бедствию и злу. Соловьев не использовал аллегорических образов животных, традиционных в басне. Напротив, он четко разграничил в своем повествовании мир зверей и людей, даже противопоставил их: «Где дерево, и зверь, и всякий гад прекрасен, // Но гадок человек» [4, с. 163]. Не случайно мораль в этой басне сформулирована четко, без какой-либо элегической грусти, но и без особого сарказма: «Урок из басни сей для всех народов ровный – // Глуп не один дикарь: // В чести большой у нас у всех бывают бревна // Сегодня, как и встарь» [4, с. 163].

Для зрелой лирики Соловьева был характерен жанр стихотворного послания – поэтического обращения к определенному лицу, иногда содержащего его характеристику. Этого рода произведения обыкновенно встречались в переписке поэта с друзьями и включали иронию и самоиронию. Так, шуточное послание «Скоро, скоро, друг мой милый...» (1893) было адресовано Н.Я. Гроту и иронически подводило итоги собственной жизни: «Скоро, скоро... // Буду выпущен в тираж» [4, с. 157]. Перечисляя свои «заслуги», Соловьев использовал автопародию: «Я в себе подобье божье // Непрерывно оскорблял, – // Лишь с общественною ложью // В блуд корыстный не вступал» [4, с. 157]. Другие послания Соловьева больше характеризовали адресата: «Жди, аспид, змий и свиния...» (1894), «Редакторы и друзья!» (1894), «Неврон финляндский, страждущий невритом...» (1896). В них налицо формальный признак послания: обращение к конкретному адресату и мотивы просьбы, пожелания, увещевания: «Дорогой Михал Альбертыч! // Одержим я страшным гриппом... // Не явлюсь я с этим хрипом» [4, с. 174]. Часть посланий Соловьева, например, «Михаил Матвеич, дорогой!..» (1896), имеет выход на общественную тематику, является сатирической, однако в большинстве из них автор следует традиции Горация – ограничивается морально-философским и дидактическим содержанием.

Таким образом, для шуточной лирики Соловьева характерны жанровая заданность и жанровое многообразие, в отличие от его «серьезной» лирики, сориентированной на узкую группу жанров – лирическое стихотворение, послание и элегию. Это объясняется, вероятно, тем, что шуточная поэзия давала автору возможность для максимального самовыражения, полного проявления его иронического мировосприятия.

Смех Соловьева – взгляд на земное с позиций идеала. Он отражает соловьевское убеждение в несовершенстве человека, в огромной пропасти между высшим началом и непросветленным человечеством. Поэт-философ прекрасно осознавал несоответствие современной ему действительности идеалу, поэтому разграничивал текущую и истинную задачу поэзии. Последнюю он связывал с одухотворением мира и отодвигал в далекое буду-

щее. На настоящем историческом этапе назначение художника-творца он видел в предварениях абсолютной красоты, к чему стремился в своей «серьезной» лирике, и подчеркивании несоответствия ей действительности [6, с. 73–74], что видим в его шуточной поэзии.

Разнообразные оттенки комического у Соловьева – это отражение его художественного миропонимания и литературной позиции в целом. Сатирические, пародирующие и дидактические жанры, как и «высокие» жанры, употребленные в сниженном варианте, позволили Соловьеву-поэту, с одной стороны, показать реальное как бессмысленное и неисправимое, с другой – указать на несерьезность всех жизненных зол в свете высшей истины. Начав с романтической иронии в 1870 – начале 1880-х годов (баллада, элегия, ода, гимн), он пришел сначала к пародии и автоиронии (пародии, автопародии, автоэпитафии, шутливые акростихи), а в начале 1890-х годов – к социальной сатире (басня, эпиграммы). В конце 1890-х годов Соловьев вновь возвратился к мягкому юмору и автоиронии (шутливые послания друзьям). Многообразие форм комического у Соловьева – свидетельство особой важности этой категории для его художественного мира.

Список литературы

1. Лосев А. Ф. Владимир Соловьев и его время. – М.: Молодая гвардия, 2000.
2. Минц З. Г. Владимир Соловьев – поэт // Соловьев В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. – Л.: Сов. писатель, 1974. – С. 5 – 56.
3. Письма Владимира Сергеевича Соловьева: в 3 т. / под ред. Э. Л. Радлова. – СПб.: Обществ. польза, 1911. – Т. 3.
4. Соловьев В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. – Л.: Сов. писатель, 1974.
5. Черкасова Е. А. Жанры средневековья в поэзии В. С. Соловьева // Русский мир в духовном сознании народов России. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2008. – С. 252 – 254.
6. Юрина Н. Г. Литературно-критическая концепция В. С. Соловьева: истоки, становление, развитие. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013.

**Образ Вассы в пьесе
А.М. Горького «Васса Железнова»**

В статье анализируется движение авторского замысла в обрисовке характера Вассы Железновой в двух редакциях (1910, 1935) пьесы А.М. Горького «Васса Железнова».

The article analyzes movement of the author's intention to depict nature of Vassa Zheleznova in two editions (1910, 1935) of the drama «Vassa Zheleznova» by A.M. Gorky.

Ключевые слова: А.М. Горький, драматургия, «Васса Железнова», характер, конфликт.

Key words: A.M. Gorky, drama, «Vassa Zhelesnova», character, conflict.

Интерес к пьесам М. Горького в современном литературоведении растет, так как драматургическое наследие М. Горького в современной России приобретает все большую актуальность. Семейное дело, наследование и наследники, мораль и деньги, психологическая и социальная ответственность «хозяев жизни», готовность управлять и принимать решения – эти проблемы последней драматургической тетралогии Горького 1930-х годов в широком разнообразии бытовых вариантов предстают в сегодняшней реальности. Свидетельством этого интереса являются труды современных горьковедов: Л.А. Спиридоновой [16; 17], Н.Н. Примочкиной [13], В.С. Барахова [1], Г.С. Зайцевой [7], М.М. Голубкова [4], М.А. Кабак [10], С.А. Иезуитова [8], Гейро Хьетсо [20] и других.

Творческое наследие М. Горького 1930-х годов имеет «многослойный» фон: многочисленные комментарии, значительную идеологическую подоплеку, автобиографические мотивы, разнообразную сценографию, что осложняет изучение собственно творческого замысла автора. Так, пьеса «Васса Железнова», к которой Горький обращался неоднократно, приобретает в современном социальном контексте несколько иной смысл, чем виделось современникам Горького, да и исследователям литературы социалистического реализма. Первый вариант пьесы «Васса Железнова» 1910 года Горький включал во все собрания сочинений: берлинское издание в 22 томах (1923 – 1924), московское издание (1928 – 1930). Для повторного расширенного московского издания собрания сочинений (1933 – 1934) в 1933 году Горький вновь отредактировал пьесу. В 1935 году написал новый вариант «Вассы Железновой», но от первого варианта не отказался и из собрания не исключил. Можно предположить, что второй редакцией пьесы авторский замысел не исчерпался, пьесы не взаимозаме-

няемы и составляют своеобразную дилогию или, по крайней мере, предполагают диалог. Первая редакция текста – единственная пьеса Горького первого периода, которая имеет личностное название «Васса Железнова», в отличие от обобщенных названий «Мещане», «Чудаки», «Последние», «Дачники». Вторая редакция «Вассы» – это последняя пьеса М. Горького, представляющая собой новое оригинальное произведение, но с тем же названием, главным героем и сходными сюжетными линиями, что и уже существующее произведение. Между двумя вариантами «Вассы» лежит временной промежуток в 25 лет. Очевидно, что мировидение Горького за это время серьезно изменилось, предреволюционная ситуация и события первого десятилетия XX века осмыслились им иначе – через судьбу личности.

Традиционно в 1960 – 1980-е годы «Васса Железнова» рассматривалась как пьеса, изображающая процесс разложения буржуазии [2; 3; 7; 15; 16; 18]. В последние десятилетия исследователи уделяют больше внимания образу самой Вассы, обращаются к трагедии этой «человеческой женщины», недюжинности ее характера [8; 10; 16; 19; 21]. Несмотря на внимание исследователей к этой пьесе, ее место в драматургии М. Горького и личный интерес писателя к этому произведению нельзя говорить о достаточной степени изученности «Вассы Железновой».

Цель данной статьи – проследить, как менялся авторский замысел образа Вассы на пути от первой ко второй редакции пьесы: что было усилено в тексте, что затушевано, от чего автор в итоге отказался. Для этого сравним тексты двух редакций пьесы, выделив несколько аспектов сравнения сюжетных мотивов, личностных характеристик, социальных и иных статусов образа главной героини. Определим содержание этих аспектов в первой редакции пьесы «Васса Железнова (Мать)».

Социальный статус Вассы. Васса Петровна Железнова – хозяйка собственного дела, капиталистка, у нее есть «завод» по изготовлению кирпича и изразцов. Но уровень доходов семьи, размер капиталов и имущества в пьесе не уточняется. В пьесе фигурируют некоторые суммы, которые позволяют косвенно определить, насколько богаты Железновы. У Прохора Ивановича Железнова в семейном деле брата – 100 тысяч рублей. Прохор грозит деньги из предприятия забрать, чем и подписывает себе смертный приговор. Изъятие такой суммы разорит предприятие. Значит, 100 тысяч – очень серьезная потеря для Вассы. Для примера, семья Демидовых с 1890 годов получала ежегодно 1 млн. руб. только от продажи рельсов для железной дороги, а доход Саввы Морозова в 1910 году составил примерно 250 тысяч рублей. В 1905 году мукомольная фабрика «Алтайская фабрично-промышленная компания» царицынских купцов Туркиных и иркутского купца И. Кулаева имела годовой капитал в 800 тысяч рублей. В 1910 году «Ново-Николаевское крупчато-мукомольное товарищество» имело капитал в 545 тысяч рублей [14]. Следовательно, предприятие Же-

лезновых – среднее по доходности. О том, на чем поднялся муж Вассы из «простых мужиков» и что является семейным делом Железновых, в пьесе говорится вскользь, без подробностей. Выясняется это из рассказа Вассы и из оброненного Семеном замечания. Васса вспоминает о тяжелых обстоятельствах рождения сына Павла: «Тюрьмой, судом дело пахло – мы о ту пору под заклад тайно деньги давали... чужого добра полны сундуки, все надо было спрятать, укрыть» [5]. Семья начинала с банального ростовщичества, потом стала торговать торфом, дровами, изготавливать кирпич и изразцы, а теперь, по словам сына Вассы Семена, дело вообще надо «сократить... торф невыгодно работать». Других уточнений про «дело Железновых» в первом варианте пьесы нет. Дело, видимо, налажено хорошо, потому что не требует постоянного внимания хозяйки: за пределы дома Васса выходит в пьесе всего однажды – «на завод ушла», по словам невестки Натальи. Живет семья за городом, в селе, в своем доме с садом. Иной собственности у семьи нет.

Таким образом, социальный статус Вассы достаточно высокий: собственный дом, собственно дело, но не очень прибыльное, не почетное, его не хотят наследовать дети Вассы.

Семейное положение Вассы. В первой редакции пьесы Васса Петровна Железнова 48 лет – мать трех детей: у нее старшая дочь Анна (возраст не определен) и два сына (Семен, 27 лет, и Павел, 24 года). Все дети Вассы имеют семьи. Сыновья с женами живут с матерью и находятся в полном подчинении и в полной зависимости от Вассы. Анна живет отдельно, материально не зависит от матери – ей выделен был «кусочек» в 10 тысяч под расписку, на иное наследство Анна претендовать не может. У Анны есть дети. Известно, что первый ребенок Анны умер, остальные дети (неизвестно, сколько их) здоровы. Муж Вассы Захар Иванович Железнов – из «простых мужиков», а теперь хозяин большого дела – давно болен, в последней сцене пьесы умирает. У Захара Железнова есть компаньон – его брат Прохор Иванович Железнов, развратник и гуляка. О семье Вассы, в которой она жила в годы девичества, неизвестно.

В первой редакции пьесы намечена мелодраматическая линия каких-то тайных отношений Вассы с управляющим Михайло Васильевым. Михаил относится к Вассе с необыкновенным почтением, он ей предан, служит всю жизнь. О семье Михаила ничего не известно, но у него есть дочь Людмила – ныне невестка Вассы, жена ее старшего сына Павла. Васса относится к Людмиле с непонятной любовью, всегда защищает ее. Несколько раз говорит, что была против брака сына с Людмилой, и только угроза самоубийства последнего заставила Вассу согласиться на этот брак, по сути фиктивный. Васса называет Людмилу «дочкой», та называет Вассу «мамой», упоминает в разговорах с Анной «доброе, ласковое мамино лицо», привязана к ней, любит ее – они вместе обихаживают сад возле дома, во время садовых работ чувствуют духовное родство, Людмила даже поет

весь день. Людмилу пытается совратить Прохор, что вызывает гнев Михаила и Вассы. Во всем этом ощущается некая тайна, недосказанность. Особые отношения Вассы и Михаила прочитываются, например, из следующего текста.

Васса. ...Мне не расчет обижать тебя. Я только тогда спокойн вижу, когда с тобой говорю...

Михаил. Вы не забудьте, что всю жизнь я вам служил... за совесть... И даже дочь ...единую мою ...которая после вас...

Васса. Ну, ну, полно...полно, дружок... Мы еще, слава богу, жить можем, погоди! А за Людочку – меня не вини! Я ее люблю ... я против была...

Михаил (вдруг с глухой яростью). Он! Знаю-с... Он! У всякого жулика свой расчет... я его расчет верно понял! Девуцу любовницей сделать побоялся, выдал ее замуж за племянника... знаю-с! <...>

Васса. Ну иди...иди! ...

(Михаил почтительно наклонился, поцеловал ее руку, она ответила поцелуем в лоб и дважды погладила голову его...) [5].

В этом коротком фрагменте личного разговора с глазу на глаз очевидны длительные отношения: и намек на прошлое (дочь ... единую...которая после вас...), и перспектива на будущее (слава богу, жить можем... погоди), и нынешняя теплота отношений (дважды погладила голову, только с тобой «спокой»). Текст не дает оснований строить расчеты о глубине отношений Вассы и Михаила, степени родства Вассы и Людмилы, но какая-то тайна в их отношениях очевидна. Васса, по сути, устраивает будущее Людмилы, отправляя сына Павла в монастырь и освобождая Людмилу от тягостного брака, желая ей божьего благословения «хорошими детьми». Вассу гнетет недееспособность сыновей, она сетует, что некому передать дело, поэтому готова устроить жизнь Анны и Людмилы в своем доме, чтобы жить «для внуков». При этом у Вассы уже было два внука: один здоровый – внебрачный сын служанки Липы и сына Вассы Семена (задушенный Липой), второй больной – это ребенок Натальи. О нем упоминает только однажды сама Наталья («у меня ребенок (мальчик? – Т. М.) больной, и по ночам я мало сплю»), о нем ни разу не упоминает ни Васса, ни другие домочадцы, даже пол ребенка трудно определить. Этот внук в расчеты Вассы не входит как «никудышный», не наследник (больной).

Родственные конфликты. По мнению Б.А. Бялика, для пьесы «Васса Железнова» характерно сужение коллизии до внутрисемейного конфликта, следствием чего является укрупнение психологических портретов персонажей [2, с. 226]. Пьеса имеет камерный характер. Действительно, центральный конфликт пьесы – семейные отношения, определяемые деньгами. В доме «спуталось все», отношения в семье враждебны. В центре всех частных конфликтов – Васса как владелица дома, хозяйка дела, устроительница жизни семьи. Против Вассы восстают, прежде всего, муж-

чины: брат мужа и ее собственные сыновья. Прохор хочет забрать свою долю из дела, передать деньги внебрачному сыну, который нашелся в Москве. Сыновья Вассы – конкуренты в борьбе за наследство, они только и ждут смерти отца, чтобы потребовать своей доли. Дело семейное никто не хочет продолжать: Павел хочет ездить по свету, Семен – уехать «в город» и открыть на Дворянской улице ювелирную лавку. Выбывание конкурентов из борьбы за наследство только на руку оставшимся. Смерть Прохора радует Наталью и Семена: «Теперь – ты пойми! Всё наше делается!» [5]. Решение Вассы отправить Павла в монастырь тоже выгодно семье Семена, что втолковывает мужу Наталья: «Ой... это хорошо! Понимаешь?» [5].

Таким образом, в первом варианте пьесы действия Вассы и ее семейный статус определяются вторым заголовком пьесы – «Мать». Толкование материнства в пьесе расширительное. Васса «своим детям мать, и твоим [Анны. – Т. М.] детям мать». По сути, в руках Вассы четыре реальных семейных союза (семьи Анны, Семена, Павла и своя) и судьба нескольких скрытых союзов (Семена и Липы, возможной семьи Прохора и его «московского сына»). Таким образом, определяет отношения между персонажами в пьесе только семейная стратификация, и за пределы семьи конфликт пьесы не выходит. Внешние связи Вассы с миром = хозяйством = заводом определяются тоже материнским модусом: «Везде – дети! У меня – тоже ребята... и работники им нужны хорошие. А ежели я обставляю их пьяницами да лентяями, – какая же я мать им?» [5].

«Материнство» Вассы – мотив всех ее поступков, решений, размышлений, мыслей вслух. Васса все время говорит о «великом грехе» и «великой муке»: «Матери – все удивительные! Великие грешницы, а – и мученицы великие!» [5]. «Великий грех» Вассы в прошлом связать можно с двумя фактами: смертью внебрачного ребенка Семена, рожденного служанкой Липой и задушенного ею же, но очевидно по указанию Вассы, и с Михаилом и Людмилой. Иных «грешных» воспоминаний Вассы в тексте нет. Но нынешних грехов у Вассы много – на ее совести подделка завещания, решение судьбы Прохора Железнова (подстрекание к отравлению и убийству), смерть Липы (повесившейся). Васса понимает последствия своих поступков и, хотя себя оправдывает, вины с себя не снимает. Материнство Вассы имеет какой-то производственный характер: «не годящий» к делу – недостойн ни любви, ни заботы. Васса решительна в оценках и поступках, что отличает ее от всех домочадцев – себялюбивых, безвольных, слабых.

У Вассы есть критерий оценки людей и событий. Об этом говорит Людмила: «Знаете вы, мама, что хорошо! Вы – знаете, а кроме вас – никто не знает хорошего... Сад ваш хорош, мамаша! С малых лет я его люблю и теперь, когда гуляю в нём, вас люблю за то, что вы украсили землю...» [5]. Васса-делательница, Васса-работница имеет право на оценку иных, потому что они «не работники».

Таким образом, в первой редакции пьесы образ Вассы получился хотя и сильный, противоречивый, но камерный.

Во второй редакции он получает большую определенность, подвергшись изменениям. Проанализируем содержание этих изменений в пьесе 1935 года.

Социальный статус Вассы. Васса Борисовна Железнова из рода Храповых – хозяйка «миллионного» дела: у нее несколько домов, «пароходство Храповых и Железновых», пристани. Совладельцами являются муж Вассы Сергей Петрович Железнов и ее брат Прохор Борисович Храпов. Они делами не занимаются: муж «безобразно кутит», бессемейный Прохор Борисович тоже пьет и распутничает. «Полтора десятка лет» этот огромный воз хозяйства везет Васса Борисовна. Социальный статус Вассы упрочен в этой редакции семейным контекстом: она из богатой «старинной честной фамилии», по любви вышла замуж за человека не своего круга – бедного капитана Железнова. Васса понимает свое положение, знает себе цену (хотела бы, «чтоб губернатор за мной урыльники выносил, чтоб по служил молебны не угодникам святым, а вот мне, черной грешнице, злой душе моей...!» [6, с. 155], никому «не кланяется», очень решительная и авторитарная.

Семейный статус Вассы. Васса Борисовна Железнова стала моложе на 6 лет – ей 42 года и, более того, она ещё и «кажется моложе» [6]. В этой редакции у Вассы более богатая и более драматичная семейная история, более многочисленная родня. Она вышла замуж в шестнадцать лет, родила девять детей, из которых выжили трое. Муж «пил много» и «бил часто», дети рождались слабые, и шестеро из них умерли в раннем детстве. Старший сын Федор тяжело болен, живет за границей, умирает. С Вассой живут 2 дочери – Людмила, 16-ти лет, и Наталья, 18-ти лет. Одна слаба умом, другая пристрастилась пить. Брат Вассы Прохор Борисович Храпов, 57 лет, был женат, теперь одинок, бездетен, пьет и распутничает (как в первой редакции брат Железнова). Во второй редакции распутник – брат Вассы, который спаивает племянницу Наталью, сожительствует со служанкой Липой, но его распутное поведение смягчено и личным обаянием, и сестринской жалостью. Материальных претензий к сестре Прохор не имеет.

Муж Вассы находится под следствием по позорному обвинению (сращение малолетних). В первой редакции муж Вассы тоже был картежник, кутила и греховодник, но его грехи были исторические, сам он болел «за сценой» более полугода и наказан болезнью и смертью. Во второй редакции тяжесть преступного поведения Сергея Петровича усилена его публичностью и возможностью реального суда, позора, тюремного заключения. Он – виновник тяжелой женской судьбы Вассы, публично же им унижаемой и регулярно жестоко избиваемой, чему свидетель Прохор.

На сцене Сергей Петрович озлоблен, слаб, по отношению к Вассе Борисовне и детям несправедлив.

У Вассы есть внук Коля, сын Федора. Васса отнимает внука у невестки – революционерки Рашели Моисеевны, растит сама как наследника состояния, потому что Федор болен, значит, «к делу негоден», а девицы – «не хозяйки» (и молоды, и не способны).

Конфликты. В новой редакции пьесы содержание конфликтов углублено, и они выходят за пределы только семейных интересов. Малолетство дочерей и их очевидная незаинтересованность в хозяйственных делах лишают конфликт между ними и Вассой конкурентных основ, как было в первой редакции пьесы, когда детьми Вассы были взрослые женатые сыновья, жаждавшие своей доли. Здесь конфликт воспитательный: Людмиле плохо от того, что мать уделяет ей мало времени и внимания, а Наталья ведет себя развязно, грубит и дерзит матери. Между младшей дочерью и Вассой есть душевное родство, они вместе обихаживают сад (как в первой редакции пьесы с невесткой Людмилой), Людмила любит мать (Людмила говорит, что живет «удивительно хорошо», «счастливо»), а мать хочет сделать ей подарок «для жизни» – прикупить у соседки княгини Кугушевой соседний дом с садом: «вот садик-то наш разрастется». Дочери очевидно обделены вниманием и материнским теплом, потому что Васса пятнадцать лет работает одна и огромную силу растратила на хозяйство, а не на семью.

Васса Борисовна Железнова – пожалуй, первый пример эффективного женского предпринимательства в России 1910-х годов. В семье Вассы ни один мужчина (ни муж, ни брат, ни сын) не оказался способен содержать семью. В пьесе речь идет не о том, что Васса – «загнивающая капиталистка», а о том, что Васса вынуждена (!) работать, чтобы содержать семью в ущерб своей природной задаче.

Этот мотив появился только во второй редакции. Примеров усадебной женской хозяйственности дворянок разной степени достатка в литературе много (от Лариной до Головлевой), и хозяйствование их понятное: соленье, варенье, шитье, вязание и прочее. Была и утопическая швейная мастерская Веры Павловны, но женщина как владелица миллионного дела героиней литературы стала впервые. Реальные типы таких женщин встречались в жизни (о чем упомянул сам Горький в письме к актрисе С.Г. Бирман, говоря о купеческих вдовах или властных жёнах, которые – держа слабохарактерных, пьяных, разгульных мужей «под башмаком» – самостоятельно вели промысла и торговлю» [12]). У Вассы тоже есть реальный прототип – это вдова нижегородского пароходчика и домовладельца купца I гильдии М.М. Кашина Мария Капитоновна Кашина, мать пятерых детей, которая после смерти мужа руководила пароходством до 1916 года [6, с. 328].

Васса Железнова, в первую очередь, «сильный дельный человек». Во второй редакции пьесы в доме Вассы появился телефон, она все время на

связи, часто отбывает из дома по срочным и иным (в театре бывает) делам, все время говорит о хозяйстве, и дельное говорит, например, о конкуренции своих «пароходиков» с крупными судами: если поднять грузчиков крупных пароходов потребовать повышения оплаты труда, а пароходства вынудить поднять цену перевозки «до пятишницы с тысячи пудов», «тогда наши пароходики охотнее грузиться будут, ну и мы матросам прибавим» [6, с. 130]. Дело и хозяйство – главный мотив поступков Вассы: «Мое дело – в моих руках. И никто мне помешать не может, и застрашать меня нельзя» [6, с. 164]. Васса по-деловому относится к членам своей семьи, отношения с ними строит по принципу – годны или не годны к делу: с сыном Федором «неласкова была» – «на что он мне годен, больной?» [6, с. 149], дочерям и по 50 тысяч наследства «много», «...дети...вся моя надежда, и оправдание мое – внук» [6, с. 150]. «Укрепление хозяйства» заставляет жертвовать общением с семьей, многие члены которой Вассе просто не интересны, но материнский долг она выполнила сполна.

Усилен во второй редакции и нравственный конфликт между Вассой и ее мужем. В первой редакции преступление Вассы было связано с конкуренцией. Васса причастна к смерти брата мужа, который хотел забрать из предприятия свои деньги. Во второй редакции безнравственность Сергея Петровича Железнова усилена многочисленными фактами его беспутства (привозил в дом «гулящих девок», заставлял детей «вино пить», бил жену, виновен в «растлении» малолетних с фотографиями жертв). Васса принуждает мужа к самоубийству из-за семьи и будущего детей («не позорь семью», «вспомни о дочерях», «кто порядочный их замуж возьмет»), а не из-за финансовых соображений и вовсе уж не из-за карьеры брата. «Липкие» «пакости» мужа отвратительны Вассе: «Лучше бы тебе, Сергей, человека убить, чем пакости эти содеять» [6, с. 134]. Васса пыталась погасить конфликт деньгами, чтобы избежать публичного суда, но когда это не удалось, она обращается к совести мужа. Суд над собой совершил сам Железнов, который вину за собой признает, как признает и то, что пытался откупиться крупным проигрышем в карты прокурору.

За Вассой поступков, порочащих ее достоинство, не наблюдается. Она скромна в быту, живет без излишеств, в прошлом никаких грехов и тайн у Вассы нет. Романтический намек на тайную страсть в новой пьесе Горький снял, поэтому Васса в такой ситуации больше жертва, чем злодейка. Она до последнего не уверена, права ли она, не уверена, что муж решится принять порошок, поэтому так странно ведет себя в сцене перед известием о его смерти: впервые (неожиданно громко от волнения) говорит дочерям о своем многолетнем унижении и гибели шестерых детей, слабых от рождения. Васса не судит Сергея, она не считает себя лучше и чище его, ее единственная цель – избежать огласки.

В пьесе 1935 года Горький включил социальный классовый конфликт двух умных женщин – капиталистки Вассы и ее невестки революционерки

Рашели. У Рашели нет ни семейных ценностей (уехала от больного мужа, сына хочет отдать бездетной сестре, живущей за границей, и не видит в этом ничего плохого), ни практических хозяйственных ценностей, «рабой» которых она называет Вассу. Рашель – тоже раба, раба идеи разрушения, если Васса – раба вещей, то есть созидания. Последствия деятельности таких революционерок Горький к 1935 году видел и мог оценить. В споре Рашели и Вассы авторские симпатии на стороне последней. Их конфликт в пьесе представлен как социально-исторический, привязанный к предреволюционным событиям в России, исход которых автор уже знает, поэтому правда как будто на стороне победителей: Рашель свое дело успешно продолжает, Васса умирает. Ее смерть неожиданна по-базаровски: что делать с личностью такого масштаба, автор не знает. История с ними расправилась в 1917 году, в конкретной ситуации Васса обречена, но вне конкретного исторического времени именно Васса – устроительница и созидательница жизни. В пьесе Горького конфликт между Вассой-матерью и Вассой-предпринимательницей оказался неразрешимым. Вернее, он разрешился трагически – смертью Вассы.

Таким образом, движение авторского замысла от первой ко второй редакции пьесы «Васса Железнова» шло по пути укрупнения образа главной героини, своеобразного выпрямления и усиления целостности характера. Во второй редакции Горький отказался от мелодраматических тайн и недосказанности. Васса обрела цельную, открытую и понятную жизнь. Горький изменил мотивацию поступков и действий Вассы: если в первой редакции главным и единственным мотивом действий Вассы было материнство (о чем свидетельствует и второй заголовок пьесы «Мать»), то во второй редакции пьесы мотив поведения и цель жизни Вассы – процветание дела, укрепление хозяйства ради семьи. Она человек долга, титанического труда, неустанных забот о благе семьи, лишенный мелочного своекорыстия и себялюбия. Васса – безусловно положительный образ своего класса, в пьесе нет ни одного героя, равного ей по силе характера, поэтому смерть Вассы – глубокая семейная трагедия и большая общественная утрата. Со смертью Вассы обречено и высокоэффективное хозяйство – поддержать и продолжить его никто больше из семьи Железновых-Храповых не в состоянии.

Список литературы

1. Барахов В.С. Драма Максима Горького. – М., 2004.
2. Бялик Б.А. М. Горький – драматург. – М., 1977.
3. Вальков П.В. Некоторые синтаксические особенности диалогической речи по пьесе Горького «Васса Железнова» (вариант 1910 года): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1954.
4. Голубков М.М. Максим Горький. – М., 2000.
5. Горький М. Васса Железнова (Мать). – [Электронный ресурс]: <http://ModernLib.Ru>

6. Горький М. Васса Железнова. Второй вариант // М. Горький. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. – М.: Наука, 1973. – Т. 19. Пьесы, сценарии, драматические наброски. 1917 – 1935. – С. 127 – 172.
7. Зайцева Г.С. М. Горький: итоги и перспективы изучения // Русская литература XX века. Материалы международной научной конференции. – М.: Макс-Пресс, 2000.
8. Иезуитов С. А. Пьесы А. М. Горького 1930-х годов: текст и контекст: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2007.
9. Ившина Л. Ф. Тема капитализма в пьесах М. Горького 10-х годов XX века («Васса Железнова», «Зыковы», «Старик»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1954.
10. Кабак М.А. Тема семьи в творчестве М. Горького: На материале драматургии 1908-1916 гг.: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005.
11. Письмо С. Г. Бирман. – [Электронный ресурс]: <http://mgorky.su/TEXTS/LETTERS/1192.htm>
12. Примочкина Н.Н. Писатель и власть: М. Горький в литературном движении 20-х годов. – М., 1998.
13. Примочкина Н. Горький и писатели русского зарубежья. – М., 2003.
14. Скубневский В.А. Сибирские мукомолы // Былое. – 1994. – № 8; Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001.
15. Словарь драматургии М. Горького: «Сомов и другие». «Егор Булычов и другие». «Достигаев и другие»: в 3 вып. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984.
16. Спиридонова Л.М. Горький. Новый взгляд. – М., 2004.
17. Спиридонова Л.А. М. Горький: диалог с историей. – М., 1994.
18. Телешева Е. Режиссерский комментарий к пьесе М. Горького «Васса Железнова» // Васса Железнова: Материалы и исследования. – М.: ВТО, 1946. – С. 81 – 104.
19. Фенина С.В. Две редакции пьесы М. Горького «Васса Железнова»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1963.
20. Хьетсо Г. Максим Горький: Судьба писателя / пер. с норв. – М., 1997.
21. Юзовский Ю. В. Максим Горький – драматург. – М., 1959.

Родная/чужая земля в романе М. Пришвина «Кашеева цепь»

Оппозиция «родная/чужая земля» в романе Пришвина «Кашеева цепь» связана с выявлением глубинных основ авторского мирообраза. В статье рассматриваются способы реализации указанной дихотомии, ее семантическое своеобразие. Стихийная мощь, материнская сила предстает у писателя основой великого всеединства мира, что противопоставлено прагматическому, расчетливому представлению европейцев о земле.

The opposition is a "native/foreign land" in Prishvin's novel "Kashcheeva chain" involves identifying the underlying foundations of copyright miroobraza. This article discusses how to realize this dichotomy, its semantic identity. The elemental power, maternal power appears at the foundation of the great writer's world unity that contrasted with the pragmatic, prudent European perceptions of the earth.

Ключевые слова: М. Пришвин, мифологема, родная земля, чужая земля, земная стихия.

Key words: M. Prishvin, mythology, native land, a foreign land, the earth element.

В народном сознании и литературной традиции природные стихии, и земля в первую очередь, органично связаны с формированием философско-этических констант национальной картины мира. В творческом наследии М. Пришвина тайна земной стихии, ее "зеленого покрова", мистика земли, столь значимая для национального самосознания, выступает как важнейшая доминанта художественной системы писателя. В этом он очень близок русским представлениям о земле-матушке, земле-кормилице.

Мифологема «земля» обладает многослойной структурой и занимает главенствующее место в традиционной системе национальных ценностей. Земля издавна считалась матерью всего живого, в том числе и человека. В образе Матери-Земли воплотилось народное представление о ее величии и могуществе, она почиталась как источник жизни и хранительница прошлых поколений. Такая сакрализация земли в русском сознании обусловлена тем, что основным занятием народа с глубокой древности традиционно являлось земледелие, поэтому земледельческий народ не мог относиться к земле только как к территории. Влечение к земле, ее притяжение – глубочайшее чувство русского человека, которое определило многое в традиционной культуре.

Однако мифологический образ земли у Пришвина сложен и амбивалентен. Семантическое своеобразие этого образа отражено в оппозиции «родная земля/чужая земля». Стоит отметить, что в словаре Ю.С. Степанова «Константы: словарь русской культуры» «все компоненты концепта

«Родная земля» как он реально существует в русском менталитете нашего времени, даны здесь у Пришвина один за другим: а) «боль» за свою землю, б) «естественное богатство», в) сама земля, г) родной человек, д) природа, увенчанная родным словом» [5, с. 170].

Наиболее ярко почти все грани указанной мифологемы воплощены в романе Пришвина «Кашеева цепь». В структуре архетипического образа земли, центрирующего семантическое пространство романа, актуализировано представление о русской вольнице, о нашем просторе, реализованном в понятиях «поле» и «степь». Человек ощущает на себе власть окружающего его пространства. Главным пространственным образом, воплощающим русскую землю, является, прежде всего, поле.

Слово «поле» в пространственном значении в русском языке многозначно: «1) Безлесная равнина. 2) Обрабатываемая на посев земля, возделанный участок. 3) Обширное природное пространство» [3, с. 898 – 899].

Пришвину, по его собственному признанию, «выпала доля родиться в усадьбе с двумя белыми каменными столбами вместо ворот, с прудом перед усадьбой и за прудом – уходящими в бесконечность черноземными полями» (курсив наш. – М.М.) [4, с. 12]. Полевой простор русского подстепья оставлял в душе ребенка глубокое впечатление. Не случайно в национальном сознании поле было той материнской стихией, в которой человек дышал и жил, но и в которую возвращался, умирая: «умирающий пахарь в последнюю минуту, часто бывает, выходит из дому и говорит, уходя умереть в поле, «домой иду», и умирающую птицу сразу узнаешь в лесу, когда она – хлоп! хлоп! хлоп! о землю крыльями, и это у них тоже значит свое: «домой, домой улетаю» [4, с. 37].

В русской культуре поле выступает символом национальной души. Пришвин очень близок к такой символике. Не случайно важнейшие этапы интеллектуального созревания автобиографического героя в «Кашеевой цепи» символично связаны с бескрайними черноземными полевыми горизонтами: «По большаку полями идет юноша с раскрытой душой, как поля, и готов всему на свете дивиться и все любить» [4, с. 177]. Необъятные русские ландшафты гармонируют с внутренним миром его героев.

Поле становится местом первого сражения маленького Курымушки с его реальным или воображаемым врагом: «что же там под голубым небом и палящими белыми лучами полдневного солнца? Там – то самое страшное, желтое, непереходимое поле (курсив мой. – М.М.) пшеницы, где живет ужасный кровавый гусак. И там, где-то в этом же поле, на одном месте все кричит и стонет жалобно птица. Курымушка слушает и стоит у входа в пшеницу на озорной тропе» [4, с. 36].

Но поле, к сожалению, предстает как разделенный, утративший свою целостность первообраз: «Далеко, как море, раскинулась эта земля, вся разделенная на мельчайшие полоски, с большими островами именей» [4,

с. 173]. Разделенная земля тревожит душу подростка, «а сама земля зеленеет нерадостно под вечной угрозой черного бога» [4, с. 178].

Не только земля, но и степь дорога сердцу русского человека. Выступая как архетипический символ свободной России, она гармонирует с внутренним пространством человека. Пытаясь понять национальный русский характер, философы, писатели, историки склонны считать, что бескрайние русские просторы, дающие ощущение безграничности, полного отсутствия контроля, объясняют специфику русского менталитета и характера: «в судьбе России огромное значение имели факторы географические, ее положение на земле, ее необъятные пространства» [1].

Н.А. Бердяев проницательно замечал, что «необъятные пространства, которые со всех сторон окружают и теснят русского человека, - не внешний, материальный, а внутренний, духовный фактор его жизни. Эти необъятные русские пространства находятся и внутри русской души и имеют над ней огромную власть. <...> Широкий русский человек, широк как русская земля, как русские поля» [1].

С образом степи философ В. Шубарт связывал пространственный дух России. Степь с ее раздольем и бескрайними горизонтами являлась синонимом свободной Руси, не знавшей никаких границ и преград, и воспитывала в русском человеке чувство широты. По его мнению, «из духа земли вырастает душа народа. Этот дух определяет его постоянные национальные качества. В бесконечно широких, беспредельных равнинах человек особенно ощущает свою малость, свою затерянность» [6, с. 15].

Так, ночная степь показана у Пришвина матерью, украдкой приходящей заботиться о своих взрослых детях: «тут, наверно, где-нибудь под той старой лозинкой, купцы стелили себе коврик, и сама степь во мраке ночи осмеливалась приближаться к самовару, и обнимать, и нянчить людей и стада» [4, с. 102].

Степь выступает в роли защитницы и укрывательницы человека:

«— Зови как хочешь. Только лучше забудь его совсем; нынче ночью он от нас пропадет.

— Куда же пропадет он, дядя, можно спросить?

— В степь пропадет.

— Дядя, — осмелился Алпатов, — <...> Я хотел бы знать, как это можно пропасть в степи?

— А степь такое дело <...> Один политик у нас так и вовсе пропал.

— Погиб?

— Зачем погиб. Живет где-нибудь. Слышали даже, что и женился. Только этот аул перекочевал далеко за Голодную степь, оттуда уж ничего не доходит» [4, с. 125].

Образ степи в большей степени соотносится не только с субъективно-личностным «я» героя-повествователя, но и всеобщим сознанием: «и ничего больше не было, ничего вокруг себя он в эту минуту не видел; над не-

объятной степью-пустыней у берегов могучей бездушной реки носилось какое-то его «*я сам*», без Астахова, без Алпатова» [4, с. 139].

В Сибири возникают иные картины: «А земля на берегах реки мало-помалу все преображалась, и в одно утро, выйдя на палубу, Алпатов не узнал ее, – все было теперь по-иному: не осталось и следа тайги, она ушла куда-то в другую сторону, а тут везде, казалось, на весь мир раскинулась степь, но совсем не такая, как у Кольцова, желтая, с низенькой, глазу неотличимой от песка травкой, – это была бесконечная, как океан, глазастая степь-пустыня» [4, с. 117 – 118]. Пришвин скуп в своих пейзажных зарисовках. Главное заключается в том, что здесь живут особые люди: степняк – открытый для общения человек, потому что ничто не закрывает его жизненный горизонт.

Особое значение для понимания специфики пришвинской мифологии приобретает женское начало. В архаическом сознании писателя земная стихия получает материнские черты: «У многих чувство родины очень связано с ландшафтом земли, на которой родился. <...> Но чувство к матери-родине дает мне возможность каждый ландшафт, к которому я прикоснусь этим чувством, преобразить в мою родину. Мне даже и жить не нужно долго в каком-нибудь краю, мне довольно взглянуть на любой ландшафт с тем страстным чувством земли, какое было у моей матери, чтобы эта земля стала мне родной» [4, с. 456].

Он уверен, что вся Россия похожа на его мать: «мальчишкой, бывало, проснусь раньше, чем следует, и в дырочку алькова смотрю на лицо матери. Она тоже проснулась, но в одиночестве она совсем не такая, какой мы все ее знали: странная, смутная, лоб сморщен, думает до того мучительно, что нет-нет и вздрогнет. Так станет страшно, забудешься, высунешь голову к ней, и она вдруг обрадуется, засияет, совсем будто солнце взошло ...

На родину свою я тоже как на мать смотрел тогда в дырочку алькова и видел ее страданья» [4, с. 457 – 458].

Более того, апокалиптические настроения его эпохи, ожидания мировой катастрофы в сознании писателя связаны также с женским началом, с женщиной будущего, о которой он мечтал в юности. Мечта об идеальной женщине удивительным образом сопрягается с мыслями о родной земле, «но мировая катастрофа не наступала, и мало-помалу эта женщина будущего у меня превратилась в мою родину, и любовь к ней повела меня по пути странничества: я стал писать о земле, о птицах родных и зверях, как будто я родину свою потерял и она стала показываться мне в этих ветках, почках, березах, птицах, зверях...» [4, с. 461].

Материнский архетип земной стихии Пришвин обнаруживает в родовом материнском месте. Белевская «родная земля на родине моей матери, легкая, покрытая лесами земля по Оке» [4, с. 13 – 14] контрастирует с ландшафтом елецкого края, родиной отца, которая «представляет собою край того обезлешенного, выпаханного чернозема, где богатейшая когда-то

земля нашего центра покрылась оврагами из красной глины, как трещинами» [4, с. 13 – 14].

Пришвин признается, что «не любил в своей юности ландшафта моего родного елецкого края, эту черноземную землю, изрытую, рассеченную желтыми глиняными оврагами с мелкими дубовыми кустарниками: ни степь, ни лес, и никакого благоустройства» [4, с. 456].

Возвращаясь из гимназии, автобиографический герой испытывает чувство боли, глядя на бесприютность и необустроенность родных мест: «Так идет Миша по большаку и не любит перемены цветов на земле и на небе, далью бескрайных полей, заволоченных фиолетовой дымкой. Только иногда отрывается от своих дум, чтобы удивиться огромному красноглиняному оврагу на черной земле и что там на дне его все еще зеленеет, лежа с обнаженными корнями, поврежденная весенней водой лозинка. Тогда вместе с жалостью к несчастному дереву и к этой прекрасной земле, изуродованной непереходимыми оврагами, является и еще такое сиротливое чувство конца, и потом щемящая серая дума о невозможности все так оставить, как есть, и на этом устраивать свою жизнь. После того вдруг обрывается всякая связь с этой землей» [4, с. 206 – 207].

Но она богата по-другому. В этих местах рождались богатыри духа: «Я пробовал думать о множестве замечательных людей, рожденных на этой земле: вон там, не очень далеко отсюда, пахал Лев Толстой, там охотился Тургенев, там ездил на совет Гоголь к старцу Амвросию, да и мало ли из этого черноземного центра вышло великих людей, но они *вышли* действительно, как духи, а сама земля через это как будто даже стала беднее: выпаханная, покрытая глиняными оврагами и недостойными человека жилищами, похожими на кучи навоза» [4, с. 6].

Родная земля у Пришвина противопоставлена "чужой земле". Жизнь писателя была тесно и глубоко связана с Европой, поэтому образ европейской земли занимает в романе "Кашеева цепь" особое место и является двойственным и противоречивым в изображении писателя.

В Европе Пришвин обнаруживает иной ландшафт, иную землю, незнакомую и непохожую на русскую матушку-землю с ее бескрайними горизонтами и волнующими душу запахами.

Главы «Кашеевой цепи», посвящённые описанию Германии, на первый взгляд преисполнены радостного и светлого чувства. Именно там, на уютной и аккуратной немецкой земле, путешествующему Алпатову открывается «величие преобразующего труда человека не гениального, а самых обыкновенных людей, которых в России презрительно называют обывателями» [4, с. 301], но которые могут превратить неводеланную землю в благоустроенную территорию. Только благодаря кропотливому труду обывателей «мещанская страна превратилась в прощеную землю, Зеленую Германию» [4, с. 301].

Алпатов воочию видит здесь исполнение библейской заповеди хранить и возделывать землю, где свободно гуляют дикие животные, не боящиеся человека, и кажется ему, что «будто библейское проклятие человека – осуждение на подневольный труд – относилось только к России и туда, в черноземный центр России, был низвергнут из рая первый Адам. Сколько слышится там жалоб человека, осужденного обрабатывать землю в поте лица, сколько там стонов женщины, рождающей в муках детей, иногда прямо в полях или на поскотине» [4, с. 301].

С одной стороны, автобиографическому герою нравится вид возделанной земли, результат человеческого труда. Все устроено, расчищено, обихожено. Он, путешествуя по Германии, сразу увлекается шумным ритмом ее деятельных сил. Если в России труд на земле воспринимается как наказание и проклятье, то в Зеленой Германии, напротив, это радость. Даже такая, казалось бы, простая и незначительная работа по уходу за обычным навозом вызывает у человека чувство гордости: «А великан с большой охотой и радостной гордостью рассказывает о своем простом деле: из этой большой кучи навоза ночью стекает жидкость в бетонную канавку – это драгоценная жидкость. Каждое утро жидкость надо вернуть навозу, и она потом снова стекает в канавку и опять возвращается.

– Это золото прошлого, – сказал великан, – и мы его охраняем: от нашего ухода навозу бывает очень хорошо» [4, с. 303].

Убеждение садовника, что «сначала навозу бывает хорошо, а потом и человеку, потому что это известно, если хорошо навозу, то и хозяину потом бывает хорошо» [4, 303], помогает автобиографическому герою по-новому посмотреть вокруг. Алпатов «теперь, на что только ни глянет, ничто от него не отвертывается и не упрекает, как на родине. Прекрасная, совершенно белая дорога по зеленым полям, ровные канавки возле дороги, плоды на деревьях, свисающие до самого рта, красивые коровы, среди которых ходит и египетский Апис, рабочие кони-великаны с огромными телегами, перелески с поющими птицами, белые двухэтажные дома в деревнях и, главное, сама земля, возделанная, удобренная, с верхним бархатным слоем, – все говорит по-своему:

– Мне хорошо, и потому хорошо человеку» [4, с. 303 – 304].

Автобиографический герой восхищается обустроенной Германией, где чистота и аккуратность возведены почти в религию, где хорошо плодоносит земля, «каждый аршин которой был любовно преображен человеком» [4, 301]. Но несмотря на кажущуюся внешнюю идеальность, на завораживающую и очаровывающую красоту, попавший на картофельный участок берлинского рабочего Алпатов останавливается. Везде следы цивилизации, напряжение человеческих сил, но чего-то недостает. Он вдруг понимает, что вокруг чужая земля, и, самое главное, она не пахнет.

Чтобы убедиться в своем подозрении, «Алпатов даже взял в руку немного, понюхал: совершенно не пахло землей. <...> все окружали Алпато-

ва и спрашивали, почему он нюхает землю, и разве земля в России как-нибудь особенно пахнет?» [4, с. 277]. И Алпатов рассказывает своим новым друзьям, что «у него на родине чернозем толщиной в аршин так прекрасно пахнет, что каждый рабочий, рожденный на этой земле, непременно рано или поздно возвращается на родину. Алпатов замечал по себе, что больше всего связывает с родиной человека запах земли, ее трав, хлеба, цветов. И если земля не пахнет, то, значит, все остальное существует обманчиво» [4, с. 277].

Отто Шварц со скептическим недоверием относится к словам Алпатова, утверждающего, что в России «сила земли столь велика, <...> что люди полей, где нет совершенно лесов, сжигают для отопления своих избушек солому и навоз – земля там родит без навоза» [4, с. 273 – 274]. Скепсис Шварца объясняется особым европейским отношением к земле, при котором сила земли «превращается в *ренту*, или, как говорил посадчик, в *акциз*» [4, 205].

Отто – городской человек, дед и отец которого всю жизнь проработали на фабрике в Берлине, и не имеет понятия о настоящей земле, она скрыта от его взгляда каменными плитками и асфальтом. Ему неизвестно, чем пахнет земля, что у нее есть свой собственный запах, что она дышит в разные времена года по-разному. Ему непонятно, почему Алпатов испытывает глубочайшее потрясение, видя, как «с двух сторон тесно зажали каменные стены клочок земли величиной в небольшую комнату, на клочке в одном углу беседка, в другом сортир – и все! Рядом с этим соседний участок, точно такой же картофельный с беседкой и сортиром, и так без конца» [4, с. 276].

Все, что автобиографический герой видит вокруг себя в Германии, «настойчиво навязывает ему впечатление границы, предела, точной определенности, строгой отчетливости и ежеминутного, повсеместного присутствия человека с внушительными признаками его упорного и продолжительного труда» [2].

Все это, безусловно, слишком мелко для Алпатова, лишено расчетливости и излишней педантичности европейского человека: «в русском человеке нет узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет этой расчетливости, экономии пространства и времени, интенсивности культуры» [1].

Автобиографический герой в Германии глубоко прочувствует обаяние родных просторов: «Там, в России, ни в чем нет счета и меры, как в Германии, и если начнутся поля, то это поля: никакой глаз не может досмотреть их до конца, все рожь или пшеница, овес и картофель» [4, с. 274]. Территориальная ограниченность Германии, маленькой страны, вызывает у Алпатова тоску по бескрайним просторам русских полей. Только жена Отто, Мина, понимает тоску и боль Алпатова, «ведь у нее тоже прекрасная родина – Саксония, там горы и лес. И она очень хорошо знает запах родной

земли. А тут какая земля! Да, какая это земля, если даже не пахнет» [4, с. 277]. Она рассказывает Алпатову, что на ее родине «там, в Тюрингенских горах, покрытых милыми лесами, всегда окутанными фиолетовой дымкой, расположились маленькие города, в которых живут садовники, эти города не враждуют с природой, и люди там очень добрые» [4, с. 294]. Вернувшись из Европы, Алпатов по-новому ощущает силу и красоту родной земли. Он идет пешком, «чтобы с родной землей поздороваться, и какая же, оказывается, прекрасная эта черная земля и как хорошо пахнет!» [4, с. 164].

Пришвин воспринимает Европу через призму России. Европа в прозе писателя представлена в оппозиции «Россия – Европа». В творческом сознании писателя причудливым образом соединяется тяготение к Европе и нелюбовь к ней, преклонение перед европейским культурным наследием и вместе с тем неприятие современной ему буржуазной Европы.

Родная земля в Черноземье, в Сибири, ее стихийная мощь, величие и материнская сила представлена у писателя основой великого всеединства мира.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Судьба России. Сборник статей (1914 – 1917). – [Электронный ресурс]: <http://www.lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt>
2. Ключевский В.О. Курс русской истории. – [Электронный ресурс]: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch04.htm>
3. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000.
4. Пришвин М.М. Кашеева цепь // Пришвин М.М. Собр. соч.: в 8 т. – М.: Худож. лит., 1982. – Т. 2. – С. 5 – 483.
5. Степанов Ю.С. Константы русской культуры. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004.
6. Шубарт В. Европа и душа Востока. – М.: Русская идея, 2000.

Дефицит психологизма литературных характеров как причина жанрового кризиса производственного романа

В статье рассмотрено явление дефицита психологизма в литературном портрете героя производственного романа, что дает представление о генезисе жанрового кризиса романа. Проанализировано влияние литературной критики на образ положительного героя, а также специфика антагонизма "положительного" и "отрицательного" персонажей как композиционный тупик жанра.

The article analyses the demonstration of psychologism deficiency phenomenon in the shoppy novel's character sketch that gives an understanding on the nature of the shoppy novel's literature crisis. An influence of the soviet lit-crit to the "SN positive character" as well as antagonism of the "positive" and "negative" characters as the SN compositional impass have been analysed.

Ключевые слова: производственный роман, дефицит психологизма, художественный тупик, жанровый кризис, советская критика, политическая пропаганда.

Key words: shoppy novel, psychologism deficiency, artistic impass, literature genre crisis, soviet lit-crit, political propaganda.

Ведущей научной проблемой, определившей задачи нашего исследования, является художественный кризис жанра производственного романа (далее ПР), характеризующийся большим количеством произведений, обладающих в литературных портретах персонажей низким уровнем психологизма.

На сегодняшний день проблема жанрового кризиса ПР остается практически не изученной, поскольку, в силу прямой генетической зависимости этого направления от политической конъюнктуры эпохи, вся литературоведческая критика советского времени имела характер публицистики, но не научного анализа. Однако феномен художественного кризиса ПР заслуживает самого пристального научного внимания, имея безусловную историческую ценность как показательный прецедент скрытого механизма саморазрушения крупного литературного жанра. Современные исследователи, изучающие русскую литературу XX века, анализируют проявление в ПР прежде всего специфики «соцреалистического канона» [7, с. 528], не углубляясь в исследование самого жанра ПР, априорно именуя это направление низкохудожественным [11, с. 30] и поэтому не заслуживающим научного исследования. Однако, на наш взгляд, эта априорность является не вполне корректной, поскольку в жанре ПР были созданы литературно удачные, сопровождающиеся яркими литера-

турными спорами произведения таких художников слова, как Л. Леонов, Н. Ляшко, А. Малышкин, Ю. Крымов, В. Кочетов, В. Дудинцев, Г. Николаева. Нашей задачей является системный анализ литературных портретов героев жанра ПР с целью поиска механизма эволюционного кризиса жанра. Для этого нами обработан большой материал художественных произведений жанра ПР с точки зрения генезиса дефицита психологизма и проявления этого литературного феномена.

Рассмотрим генезис дефицита психологизма героев ПР. Генезис и проявление феномена недостатка психологизма литературного портрета героя производственного романа дают нам представление о природе художественного кризиса жанра производственного романа. На наш взгляд, истоки художественного кризиса жанра производственного романа следует искать в анализе литературных характеров. ПР существовал как литературный феномен от первой мировой и гражданской войн и до эпохи НТР и покорения космоса. Эволюция специфики индустриальной прозы оказалась в жесткой зависимости от истории развития промышленности в стране.

В годы хрущевской «оттепели» и покорения космоса образ рабочего вытесняет образ ученого. «Сегодняшняя индустриальная проза незначительна, – по масштабам, по коллизиям, по характерам, по ассоциациям. Есть общее беспокойство за судьбу индустриальной прозы, <...> за ее прямо скажем, сегодняшнюю слабость» [14, с. 210]. Однако, проблема художественной слабости индустриальной прозы характерна для ПР не только в годы правления Н. Хрущева и расцвета НТР, но и на всем эволюционном отрезке существования жанра.

Генезис дефицита психологизма в образе героя ПР следует связывать с пролеткультовской идеологией и ее «механистическими» установками по отношению к творчеству. Так, пролетарский идеолог В. Фриче пишет, что «в новом искусстве образ человека должен уступить место «образу – вещи»» [12, с. 49]. Тенденция к схематизации в изображении героев ПР восходит к идеологии пролеткультовских критиков, проводящей знак равенства между «психологизмом» и «буржуазностью» [3, с. 26]. Пролеткультовский теоретик А. Гастев, выступая с футурологическим прогнозом, утверждает: «Будущее – царство вещей, людей-автоматов. Там будут лица без экспрессий, душа, лишенная лирики, эмоция, измеряемая не криком, не смехом, а манометром и таксометром» [3, с. 43]. Специфика депсихологизма в художественном портрете героя проявляется в изобразительной установке на «плакатность» и социальный пафос образа действительности. Это коррелируется с воспитательной функцией жанра ПР. Литературная критика на протяжении всего существования соцреализма декларирует, что «изображая передовых людей, искусство создает образцы поведения» [13, с. 220]. Отсюда берет свое начало представление о положительном герое соцреализма как о психологически однолинейном. Таким образом, художественный образ из категории цели перемещался в

категорию средство, и отвечал задачам политико-воспитательного воздействия на общественное сознание. Эти ущербные для художественного образа установки вынуждают авторов укладывать свои детища в прокрустово ложе политических схем, художественно упрощая, схематизируя литературные портреты своих персонажей. Это прекрасно видно при сравнении рукописного «Цемент» Ф. Гладкова [4] и его опубликованной в печати версии.

Для героя-производственника эпохи первых пятилеток ведущей личностной характеристикой становится нечеловеческая воля, целеустремленность в создании индустриальной мощи страны. И в этой грандиозной задаче все личное, даже любовь, отступает на второй план: «Сергей не чувствовал грусти. Отец вернул его от мечтаний к реальной жизни, и в этой реальной жизни все складывалось великолепно. Завтра он сам поведет паровоз. <...> – " Девушек позвал бы. Есть у тебя знакомые девушки?" – " Знакомые есть, а звать некого", – " Что ж так? не завел?", – "Некогда", – хмуро ответил Сергей. Тимофей Иванович понимающе пожевал губами, сощурился, что-то прикидывая в уме. – "Ну что ж, мы с тобой сынок, машинисты, – сказал он. – Может привезем случайно и такую девушку что у тебя и время найдется"» [6, с. 662].

Интеллектуальная сфера в раннем ПР о рабочем также отходила на второй план, и такого рода герои создавались по единому лекалу мифов о Прометее и Данко. «Молодого героя производственного романа взрастил период количественного накопления индустриальной мощи, когда сколько ты произвел, было важнее того, как и что именно ты произвел, и арифметика производства господствовала над его алгеброй» [14, с. 221].

В эпоху хрущевской «оттепели» экономику начинает активно обслуживать интеллект. Прежняя монолитность рабочего труда сменяется профессиональной дифференциацией. Поскольку социальная роль определяет личность, а не наоборот [14, с. 237], рабочий нового времени оказывается в ситуации социального конфликта, он вынужден самоопределяться в профессиональной среде. Однако профессиональная дифференциация, как ни странно, не добавила художественности к образу героя ПР эпохи НТР. Это во многом можно объяснить прежней воспитательной ролью ПР, когда критика, пытаясь сформировать поток общественно полезных романов, ставила политические задачи выше художественных.

Проблема эмоционально яркого, достоверного, созвучного переживаниям читателя, психологического портрета персонажа для образа героя ПР становится краеугольным камнем. В большинстве своем литературный портрет оказывался либо ярким, но не реалистичным (плакатные, созданные на социальном пафосе мифологизированные по лекалу Данко и Прометее герои ПР 1920-30-х гг.), либо реалистичным, но неярким (очерковые герои-обыватели периода «оттепели»).

Рассмотрим влияние критики на образ положительного и отрицательного героя ПР. Влияние советской литературоведческой критики на представления об положительном и отрицательном герое для ПР огромно. Это коррелируется с воспитательной функцией жанра. Художественный принцип политического схематизма сохранится в направлении ПР вплоть до «оттепели». Два основных подхода к созданию образа героя ПР, именуемые нами условно как «художественная типизация» и «политическая мифологизация», предопределяют проявление литературного характера в сюжетных коллизиях. В случае классического воспитательного ПР мы имеем дело с плакатным образом героя, основанным на социальном пафосе. В этом случае ведущей личностной чертой персонажа является героический энтузиазм. Очевидно, что при подобной фильтрации психологических черт получаются гротескные, схематизированные персонажи. К сожалению, литературная критика именно такой подход к созданию образа героя и культивировала в писательской среде – линейность, искусственность эмоционального мира героя, объявляя противоречивость и полифоничность литературного характера авторским "незнанием жизни"» [13, с. 202]. «Либо и впрямь не было и нет острых драматических коллизий в жизни общества первооткрывателей, либо и впрямь не существует в нашей жизни Вальганов и Бахиревых, Мартыновых и Борзовых, Лобановых и Тонковых, – героев, якобы лишь "выдуманных" в ходе неудачных "лабораторных" экспериментов Николаевой, Овечкиным, Граниным. Либо, напротив, не существует того идиллического мира, который по недоразумению называют "жизнью", некоторые из наших критиков. Компромисс здесь исключен, либо прав был Рябов, либо правы Салтыков и Нагибин. Либо "знает жизнь" критик Хватов, либо знала ее писатель Галина Николаева» [14, с. 221]. Так критический фильтр предписывает авторам ПР наполнять своих героев специфическим набором черт, не связанным с психологией личности, системой личностных ценностей. Это характерно как для начала века, так и для эпохи «оттепели». Таков соцреалистический канон, когда социальная функция жанра, в которой политические задачи поставлены выше художественных и в котором средства смещены на цель, художественность прозы становится обслуживающей функцией по отношению к задаче воспитанию коллективиста.

При идеализации образа героя ПР и социальной среды, в которой он строит коммунизм, его включенность в цепь реалистичных сюжетных перипетий и коллизий, построенных на антагонизме положительного и отрицательного персонажей, становится невозможной. Отсюда размытость композиции, избыток нефункциональной детализации, описательность вместо действия, слабые логические связи между эпизодами («Мужество» В. Кетлинской, «Гидроцентральный» М. Шагинян, «Энергия» Ф. Гладкова). В такого рода произведениях легко безболезненно вынуть из текста целые

куски повествования, не опасаясь разрушить сюжетную логику, и это доказывает несоответствие такого рода произведений жанру романа.

ПР, основанный на героическом социальном пафосе, лишен сюжетной возможности развития конфликта между положительным и отрицательным персонажами, поскольку не вполне ясно, что собой представляет отрицательный персонаж. И что собой представляет эта отрицательность – личностную характеристику или же социальную функцию. В раннем ПР на отрицательного персонажа автор вынужден был в первую очередь взвалить не психологические, а социально-классовые функции. Поэтому отрицательный герой – это капиталист, враг народа, предатель, человек, яростно препятствующий социалистическому строительству. Это или кулак Петр Соустин («Люди из захолустья», А. Малышкин), или предатель Гранатов (В. Кетлинская, «Мужество»), или даже реальная историческая фигура, в которой, как утверждает сам автор в эпилоге, персонифицировалось социальное зло всего мира – полковник английской разведки Ф. Бейли (Б. Ясенский, «Человек меняет кожу») [15, с. 490].

Как справедливо подметила Н. Драгомирецкая, для героев соцреализма справедлива установка, что «положительный образ – это характер, проявивший в решающие моменты социально ценное человеческое содержание <...> отрицательный образ – это характер, человеческое в котором решающие моменты сюжетного действия социально обесценено» [5, с. 117]. Исключения из этого тотального правила крайне редки. Ярчайший пример, когда положительность и отрицательность проявляются в моральной основе личности, а не ее социальной функции на заводе – «Сладкая каторга» Н. Ляшко. Здесь отрицательность образа героев появляется не в ситуации классовой борьбы, а психологического, морального выбора. Мастер Степан Шевардин, забыв, что именно для своей невесты Тани Завьяловой он создает ликерную карамель, которая обеспечивает успех и фабрике и ему лично в карьере, решает на подлость и предательство именно по отношению к любимой девушке. Так, из заводского лидера, положительного героя Степан Шевардин становится отрицательным персонажем! [9]. Литературная находка Н. Ляшко в том, что в разных системах координат (производство и психология личности) один и тот же герой может быть и положительным, и отрицательным! Художественная удача Николая Ляшко в создании им сюжетных коллизий на драматической основе нравственного выбора героев, а не их производственных функций, именно это делает произведение неустаревающим для разных поколений.

Концепция, которая не сможет продемонстрировать зло, не сможет объяснить и добро. «Так вот, вопрос состоит в том, откуда в действительности, полной одних "вдохновенных песен" берутся Вальганы? (Николаева, «Битва в пути»). Или Тонковы? (Гранин, «Искатели») или Денисовы (Гранин, «Иду на грозу»). Просто неоткуда взяться в "действительности" этим мрачным фигурам. Но если все эти воинствующие "враги прогресса"

лишь "мелкие изъянчики" то из-за чего же подняла такой шум Николаева? В чем смысл борьбы Бахирева? Ведь и впрямь воюет он с ветряными мельницами!» [13, с. 220]. Однако советская критика, не делающая различия между понятиями профессиональная карьера (профессиональная самоактуализация) и должностная карьера, выступала против самой идеи того, чтобы успешный производственник выступал в сюжете в качестве морального урода и изворотливого проходимца, руководствуясь принципом «в человеке все должно быть прекрасно». «Теперь понятно, почему не приглянулся нашим критикам талантливый производственник Дмитрий Бахирев, один из главных героев индустриальной прозы. Вне его противостояния с формалистом Вальганом, отброшенным критиками как некая несущественная деталь картины, вне его жестокой и непримиримой борьбы за свержение этого идола хозяйственной иррациональности, вне духа и мощи этой борьбы, составляющей смысл книги Николаевой, Бахирева как героя и впрямь нет» [13, с. 221].

Таким образом, проблема положительного героя в истории ПР – это одновременно и проблема отрицательного героя. Художественный портрет героя создавался сквозь фильтр политических установок, оторванных от общечеловеческих ценностей. Это оказало огромное значение на кризис жанра.

Композиционным тупиком жанра РП стал и антагонизм персонажей. Попытки создания полифоничного, противоречивого, лично неоднозначного героя, который в одной системе координат (например, завод) был бы положительным, а в другой системе координат (например, номенклатура) отрицательным (как инженер-теоретик Дмитрий Лопаткин у В. Дудинцева в «Не хлебом единым» или инженер-практик Дмитрий Бахирев у Г. Николаевой, «Битва в пути»), со стороны критики резко пресекаются. Так, например, критик А. Власенко в одной из своих монографий пишет, что слова литературного героя «звучат как вдохновенная песня», а в сюжете «звонит могучая поступь советского человека» и ее «романтический ответ» [2, с. 10]. И таких схематизированных персонажей критик А. Власенко считает идеальными литературными героями, ведь они выполняют главную функцию ПР – воспитательную.

Идею создания литературного характера, построенного на противоречиях, проявлении полярных граней личности в ситуации морального выбора, советские идеологи воспринимают в штыки. Так, А. Власенко пишет: «Неопределенность и противоречивость характера героя в большинстве своем являются следствием слабого знания и понимания художником основных закономерностей жизни» [2, с. 42]. В унисон А. Власенко пишут самые яркие советские критики. Так, например, критик А. Хватов отмечает: «Задача подлинного искусства – показать советского человека, нашего современника во всем блеске и благородстве его мыслей и чувств, изобразить его яркую и сильную натуру, не оскорбить его красоту крохоборче-

ским фиксированием мелких изъясничков, которые якобы призваны сообщить ему черты неповторимого своеобразия» [13, с. 204].

Таким образом, в своем представлении об идеальном герое и А. Власенко и А. Хватов уводят литературу от реальных жизненных коллизий. Любая сложность жизни и любой конфликт между людьми объясняется критиками непонятливостью и недальновидностью писателей, которые принижают успехи советского строительства. Влияние советской критики на литературный процесс оборачивается кризисом ПР как жанра, генетически пограничного между прозой и публицистикой, и потому особенно чувствительного к политической конъюнктуре эпохи. Критик В. Архипов, например, яркий и глубоко психологичный роман Галины Николаевой «Битва в пути» расценивает как неудачу, поскольку «пафос героя подтачивается, и плесень хибары начинает покрывать самого героя» [1, с. 181]. Однако, сам текст главы «Крушение хибары» в этом романе демонстрирует абсурдность этих критических оценок: «Лицо, улыбка, взгляд Дмитрия всегда жили в ее воображении, но встречаясь с ним, она каждый раз изумлялась, – настолько он был милее, роднее, желаннее, чем она себе представляла. Все опасения сразу выпали из ее сознания. Он смотрел на нее просящим, умиленным и покорным взглядом, так не шедшим к его волевому лицу, и в этом взгляде было счастье, за которое она готова была платить любой ценой. <...> С тех пор, как Дмитрий полюбил ее, он стал восприимчив к некоторым стихам. Ему хотелось говорить с Тиной красивыми, небывалыми словами» [10, с. 632]. Как иронично подметил социолог А. Янов, «в жизни конфликты существовали, а в производственном романе – нет. В результате, жизнь оставалась драматичной, а производственный роман – не жизненным. "Битва в пути" Г. Николаевой была литературным открытием нового мощного героя» [14, с. 221]. Но критика отвергла этот образ, он не соответствовал «каноническому лекалу» жанра, или, по выражению Катарини Кларке, «вербальной иконе» политического лидера. [7, с. 578]. По мнению критика А. Хватова, психологическая основа образа рабочего человека – безоглядный героизм и энтузиазм кирки и лопаты. В противном случае, происходит «искажение самого типа современного рабочего» [13, с. 204].

Почему же критики, призывая во всем блеске воплотить смелость творческого дерзания в индустриальной прозе, так дружно и яростно отвергли ее действительного героя? Таким вопросом задается социолог А. Янов, [14, с. 221] и утверждает, что в критической концепции А. Хватова, И. Рябова и А. Власенко нет ни слова о художественной задаче исследования действительной жизни. Вместо этого – метафизические разглагольствования о коммунистическом идеале в литературе и об идеализированном герое.

К идеальным (с точки зрения советской идеологии) в жанре ПР можно было бы отнести образы Глеба Чумалова (Ф. Гладков, «Цемент»), Саши

Басова (Ю. Крымов, «Танкер "Дербент"»), инженера Ищенко (В. Катаев, «Время, вперед!»). Но все это политическая система координат советской этики, ставящая перед писателями журналистскую задачу пропаганды коллективизма и вдохновенного строительства на альтруистическом энтузиазме. Такие этические категории, как любовь, красота, мужская дружба, женская верность для возведения индустриальных гигантов нефункциональны. Именно поэтому мы встречаем в каноническом ПР диалоги, подобные тем, что у В. Кетлинской в «Мужестве»: «"Пожалуйста, без драм! – сказала Тоня и вытерла лицо мокрой рукой. – Ты все преувеличиваешь. Любви нет. Есть половая потребность, было – и сплыло. И незачем мочнуть под дождем из-за таких пустяков. Умирать из-за тебя я не намерена. <...> И она пошла по болотистой почве, не разбирая дороги. Сергей догнал ее. Он силился понять, чего она хочет?» [6, с. 226]. Однако именно вечные этические категории взаимодействия между личностями, а не между функциональными единицами строительства и создают литературные характеры, не зависящие от конъюнктуры эпохи! К сожалению, такие романы, как «Сладкая каторга» Н. Ляшко являются в жанре ПР художественно успешными исключениями из правила. «Мальчики сгрудились вокруг Васьки Камышина, и он стал рассказывать, как карамельщик Степан Шевардин бросил свою невесту, беременную Таню Завьялову, как она в темноте вместо него облила кислотой незнакомого человека, и тот лежит теперь в больнице, а она даже во сне стонет и мечется у его, Васькиной матери.

Мальчики выслушали его, убитого, разошлись и легли. От двери лампочка слезила на них грязный, желтоглазый свет.

- Гаси эту холеру!

Силен, сладок сон, но загладить обиды и боли не может. Из храпа и тяжелого дыхания вырвались крики; "Ой, не буду! Пусти!". Даже в забытьи мальчики жили фабрикой, - обжигались, взмахивали руками, ойкали, бранились. И оттуда из бреда вырвался желчный голос

- За это убить мало!

- Кого же? - вздрогнул Васька.

- Шевардина, кого ж еще!

Голос потонул в липкой тишине. Затем кто-то охнул, заскрипел зубами. Васька вслушивался в звуки до тех пор, пока на запах тела из щелей не выползли клопы. Он давил их на себе, мысли то вспыхивали, то угасали. Через щель на потолок спальни взбежала острая желтая стрела. В полосе света через порог шагнул Якваныч в валенках, широченных кальсонах и пиджаке. Он нес над собой керосиновую лампу» [9, с. 79].

Отметим, что тенденция к схематизму в литературном портрете персонажа привела к тому, что жанр ПР, ориентированный на плакатного положительного героя, не сумел создать также и правдоподобного отрицательного героя. Советская идеология предписывала искать конфликты и противоречия не в людях и не в их взаимоотношениях, а в

столкновении разных моделей экономического хозяйствования. Большинство сюжетных коллизий сводилось к двум линиям: конфликт новатор-консерватор (В. Катаев, «Время, вперед!», Маргулиес и Ищенко против Налбандова) и к столкновению советской плановой экономики и западной рыночной модели, противостояние героев советской ударной стройки американскому опыту («Человек меняет кожу» Б. Ясенского, «Большой конвейер» Я. Ильина). Вариантами этой идеологической линии была тема противостояния политически грамотных строителей коммунизма и врагов народа (В. Кетлинская, «Мужество» – комсомольцы и предатель Гранатов, наброски к «Черной металлургии» А. Фадеева). Однако данная проблематика закончилась сюжетным тупиком. Социолог А. Янов пишет: «Можно сказать, что проблема отрицательного героя есть своего рода теодицея любой идеологической концепции, оправдание ее "бога", идеала. Ведь сам факт существования фигур, имеющих возможность встать поперек прогресса, требует объяснения, и отнюдь не риторического. Объяснения, которого у наших критиков нет!» [14, с. 220].

Специфика советской этики, определившей канон литературного характера положительного героя как персонажа, наделенного в первую очередь социально полезными функциями вместо общечеловеческих чувств и ценностей, во многом разъясняет вопрос о краткосрочности жанра ПР.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Дефицит психологизма литературных характеров в ПР проявляется на протяжении всей эволюции жанра, что обусловлено политико-социальной функцией жанра, превалирующей над художественной. Проблема поиска образа положительного героя ПР коррелируется с проблемой художественного портрета отрицательного героя. Обе эти проблемы так и не были разрешены в силу политического прессинга жанра ПР.

Следует выделить два ключевых фактора, влияющих на процесс эволюции жанра, – генезис художественного портрета героя и влияние литературной критики. В годы зарождения и формирования канонического ПР литературный портрет героя, созданный по образу и подобию мифа о Прометее и легенды о Данко, выполняет политическую миссию «вербальной иконы», отвечая задаче влияния на общественное сознание, призывая к коллективизму и героическому строительству индустриальных гигантов. Для такого рода персонажа значимы социальные функции, а следствием становится схематизм и депсихологизация портрета героя.

В годы хрущевской «оттепели» на фоне растущей дифференциации рабочих специальностей и тенденции к наукоемким технологиям писатели начинают экспериментировать с литературными портретами, обращаясь в прозе к индивидуально-психологическому миру героя, общечеловеческим и полифоничным темам любви, верности, дружбы. В том случае, когда автор обращается к вечным проблемам, имеющим яркое эмоциональное наполнение (любовь, верность, взаимопомощь, дружба), демонстрируя силу

характеров героев, противостоящих превратностям судьбы, читательские симпатии оказываются наиболее устойчивыми, а роман – долговечным. Однако советская критика по-прежнему настроена рассматривать ПР как жанр политический пропаганды, но не художественной прозы, объявляя противоречивые, полифоничные образы персонажей ошибочными и нереальными, тем самым направляя жанр ПР к своему художественному тупику.

Влияние критики на жанр ПР проявляется в неадекватной оценке художественных образов ПР, предписывающей жанру публицистические функции и потому принижающей подлинные художественные находки авторов и возвеличивающей художественно ущербные портреты героев. Влияние социального очерка эпохи Н. Хрущева на литературные портреты героев ПР выражается в их измельчании, упрощении личностных задач, вытеснении героической мотивации житейски рутинной. Одновременно проявляется зависимость жанра от социального престижа пролетарского труда. В «оттепель» происходит падение престижа социального статуса рабочего, который из героя дня (как это было в годы индустриализации крестьянской страны) становится вторичной профессиональной фигурой, обслуживающей интеллектуальную верхушку экономики, проигрывая новому герою дня – ученому.

Художественно успешные портреты производственных лидеров создаются по алгоритму реалистической типизации, противоположной плакатной мифологизации. Такого рода персонаж занимает в сюжетных коллизиях роль героя-антитезы по отношению к герою, чей негативный портрет создается на основании морально-личностных (а не только производственных, социальных) характеристик. При этом производство (стройка, завод) для художественного яркого и психологически правдоподобного героя служит инструментом личностной профессиональной самореализации, а не просто должностной карьеры или заработка. К сожалению, эти художественные особенности литературного портрета героя ПР были редкостью для жанра ПР, поскольку оказались несовместимы с политической конъюнктурой и соцреалистической критикой.

Список литературы

1. Архипов А. От «проблемы» (Заметки при чтении романа Г. Николаевой «Битва в пути» // Нева. – 1958. – № 1. – С. 177 – 182.
2. Власенко А. Н. Герой и современность. – М.: Советская Россия, 1964.
3. Гастев А. О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. – 1919. – № 9 – 10. – С. 35 – 45.
4. Гладков Ф. В. «Цемент». Рукописная версия романа. РГАЛИ. Ф. 1052, 547 ед. хр. 1905 – 1954.
5. Драгомирецкая Н. В. Автор и герой в русской литературе XIX-XX вв. / АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1991.
6. Кетлинская В. К. Мужество // Кетлинская В.К. Собр. соч.: в 4 т. – Л.: Худож. лит., 1978. – Т. 1.

7. Кларк К. Положительный герой как вербальная икона // Соцреалистический канон / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. – СПб.: Академич. проект, 2000. – С. 570 – 584.
8. Курелла А. Против психологизма // На литературном посту. – 1928. – № 5. – С. 25 – 32; – № 6. – С. 22 – 26.
9. Ляшко Н. Сладкая каторга: роман: в 2 кн. – М.: Гослитиздат, 1935.
10. Николаева Г. Битва в пути // Николаева Г. Собр. соч.: в 3 т. – М.: Худож. лит., 1987. – Т. 2.
11. Русская литература XX века, 1917-1920-е годы: учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования: в 2 кн. / под ред. Н. Л. Лейдермана. – М.: Академия, 2008. – Кн. 2.
12. Фриче В. К вопросу о характере образа в стиле индустриального капитализма // Литература и марксизм. – 1928. – № 3. – С. 163 – 174.
13. Хватов А. Пути изображения характера // Нева. – 1959. – № 7. – С. 199 – 206.
14. Янов А. Движение молодого героя. Социологические заметки о художественной прозе 60-х годов // Новый мир. – 1972. – № 7. – С. 232 – 261.
15. Ясенский Б. Человек меняет кожу. – Л.: Лениздат, 1980.

Далматинско-дубровницкая поэзия эпохи Возрождения

В статье анализируется возникновение дубровницкой поэзии эпохи Ренессанса, основанной на южнославянском эпосе и народно-песенной традиции. Первые дубровницкие поэты Джоре Држич, Шишко Менчетич, Ганибал Лулич, находясь под итальянским влиянием, в своих исканиях обращались к народной поэзии. Своеобразие далматинской поэзии проявилось в развитии патриотической темы, направленной против турецкого владычества на Балканском полуострове.

The article is devoted to the origin of Dubrovnik poetry of the Renaissance based on the epos of the south slavs and the tradition of folk songs. The first Dubrovnik poets Dzhore Drzhich, Shishko Menchetich, Ganibal Lucich, who were under the Italian influence in their searches turned to folk poetry. The peculiarity of Dalmacia poetry is shown in the developement of the patriotic theme direct the Turkish dominion on the Balkan peninsula.

Ключевые слова: Ренессанс, поэзия, южнославянский эпос, поэты, Дубровник, итальянская традиция, Далмация.

Key words: Renaissance, poetry, epos of south slavs, poets, Dubrovnik, Italian tradition, Dalmacia.

Далматинско-дубровницкая литература развивалась в окружении богатейшего эпоса сербских, хорватских, боснийских крестьян. В литературных сочинениях описывается особый ренессансный, образ жизни, отличный от итальянского, испанского, английского. Дубровницкие поэты благодаря народной песенной традиции возвысили миф о виле (о женских духах, очаровательных девушках с распущенными волосами и крыльями) до художественного воплощения мифологических образов греческих и римских богов.

В Дубровнике появляется самобытная литература на родном языке. Возникает поэзия, основанная на южнославянском эпосе и народно-песенной традиции. Именно к XV–XVI векам относится цикл юнацких песен о Бранковичах и Якшичах, управлявших Сербией после ее порабощения турками. Этот цикл называют песнями среднего времени. В них упоминается Дубровник, где происходит действие. Например: «снарядился в славный он Дубровник», или «спокойно двинулся в Дубровник». В одном из эпизодов описывалось, как стоя перед дубровницкой крепостной стеной герой сербского эпоса королевич Марко обращается со следующими словами к Новаку–Дебеличу: «Старый друг, дубровницкий владыка!» [6, с. 7 – 16].

Песни, сложенные при дворе Бранковичей в середине XV века, распространились в Хорватии и Южной Далмации через Среднюю Сербию, а затем стали достоянием далматинских гуманистов. Именно поэты Дубровника занялись собиранием и толкованием юнацких песен, сербского героического эпоса [13, с. 35 – 36]. Первые дубровницкие поэты Шишко Менчетич (1457 – 1527), Джоре Држич (1461 – 1502), Ганибал Луцич (1482 – 1553), подражая поэзии петраркистов, находясь под итальянским влиянием, тем не менее обращались к славянской языческой мифологии, народной поэзии. Именно они стали для выдающегося драматурга эпохи Возрождения Марина Држича образцом для подражания.

Дядя Марина – поэт Джоре Држич – учился в дубровницкой гуманистической школе ("Studia humanitatis"), основанной итальянским гуманистом Филиппом де Диверсисом, в которой в середине XV века особое внимание уделялось латинскому языку, риторике и философии [13, с. 9 – 31]. Там преподавали дубровницкий гуманист Илия Цриевич (1463 – 1520), ученик Помпония Лэта, и Юрий Драгишич (1450 – 1520). Джоре Држич в Италии изучал право, с 1497 года приступил к обязанностям священнослужителя церковей Всех Святых (Домино) и аббатства Св. Петра на Колочепу. Он был автором первой светской драмы «маскераты» "Gizdave mladosti i vi svi ostali" («Прекрасной молодости и вы, все остальные»), а также эклоги «Радмило и Любмир».

Шишко Менчетич был родом из старейшей дубровницкой аристократической семьи. Он окончил гуманистическую школу в Дубровнике, обучаясь искусству поэзии у Тидея Аччарини. В Дубровницком архиве сохранилось много судебных протоколов, свидетельствующих о бурной молодости поэта, не случайно в его акростихах встречается двадцать пять зашифрованных женских имен.

Менчетич был типичным дубровчанином, который занимался торговлей и ездил по многим городам Балкан. В конце жизни его выбрали князем Дубровницкой республики. Умер он, как и многие горожане, в год эпидемии чумы (1527). До нас дошло 500 стихотворений рукописного наследия поэта в сборнике Никши Ранины (1494 – 1582). В поэтическом творчестве Менчетича заметно воздействие поэзии Петрарки. Для примера сравним его стихотворение «Блаженны час и миг, когда я в первый раз...» ("Blaženi čas i hip najprvo kad sam ja") с сонетом Петрарки LXI "Benedetto sia l'giorno, e'l mese, et l'anno..." («Благословен день, месяц, лето, час»).

Образы Менчетича созвучны образам итальянского поэта: описание возлюбленной, ее лучистые глаза, пафос самопознания. Но Менчетич снижает образ любимой, он очерчен поэтом более зримо и чувственно и он утрачивает возвышенность, свойственную Петрарке. Однако при этом нельзя исключить, что итальянская традиция заметно корректировалась творчеством петраркистов, таких, как Каритео, Серафимо дель Аквила, и страмботистов. Этому же мнению придерживался и И.Н. Голенищев-

Кутузов, указывая на то, что поэзия Менчетича гораздо ближе к ним, чем к самому Петрарке [1, с. 85].

Поэзия Серафимо ставила своей целью развлекать, вызвать эмоциональные переживания у слушателей, и часто исполнялась под аккомпанемент струнного инструмента, как правило, лютни. А повседневная жизнь Дубровника того времени изобиловала различными торжествами, свадебными пирами, праздниками, на которых декламировались стихи и показывались представления.

Для нас это стихотворение Менчетича представляет интерес еще и потому, что в одной из пасторальных драм М. Држича мы обнаруживаем вариацию сонета Петрарки LXI:

Blažen je večni raj, koji te uživa,
blažen je i cvitak taj ki tvoj pram odiva,
zemlja blažena ku pleše stupaj
i trava zelena, kralice svih gospoj.

Blažen je i pogled taj ki pozri.

(Блажен вечный рай, которым ты наслаждаешься,

Блажен тот цветок, который ты надела,

Земля блаженна от твоих танцующих шагов,

И трава зелена, королева из всех королев.

Блажен твой взгляд, кто видит твою красоту) (Пер. наш. – М.Д.).

Однако не только влияние итальянских поэтов проявилось в лирике Менчетича. Перед поэтом стояла более важная цель – создание любовной поэзии на народном языке. Его поэтические сочинения близки поэтике народной стихотворной традиции. Эпос не изображал любовные страдания, любовные переживания, что было характерно для итальянцев; именно поэтому Менчетичу пришлось в своих исканиях прикоснуться к творческому наследию Петрарки и его последователей. Как отмечают исследователи, XVI век в истории итальянской литературы без преувеличения можно назвать «веком петраркизма» [7, с. 6]. У Петрарки существовал целый ряд принципов изображения возлюбленной, поэт использовал устоявшиеся, неизменные сравнения и метафоры, как, например: «Лаура – солнце», «волосы Лауры – золото, зубы и уста – жемчуг и розы». Поэты, как правило, следовали за эстетикой установленного, разработанного ещё трубадурами Прованса. Затем эта традиция была подхвачена сицилийской школой поэтов и уже во второй половине XIII века перешла в школу нового «сладостного» стиля.

Для Менчетича и его современника Джоре Држича основой для выражения любовных чувств служили образцы петрарковской поэзии: поэт пленен Дамой сердца, сгорает от любви. Эта поэтическая традиция, поэтическая тема наблюдается в стихотворении Менчетича “Nikud bez tebe” («Никуда без тебя»): “...u rakli ove dni bez tebe da sam bil, ter da se odcela hoće svit oborit, iz čela do čela vas ognjem pogorit...” («...без тебя все дни я провел в аду...»). Почти в каждом стихотворении возникает мотив безыс-

ходной влюбленности, например: «...зачем не умер я во чреве материнском! Или жизнь без тебя лишь мука!» (“...kako se bez sebe ne more živiti takoj ja bez tebe ne mogu živ biti”). В его поэзии встречались сюжеты, подобные мотивам Петрарки, – это и любовь с первого взгляда, и красота как эстетическое наслаждение. Передавалось и отчаяние, когда «Госпожа» проявляла бессердечие к лирическому герою. Однако в стихотворениях Менчетича отсутствовало трагическое начало, которое было в «Канцоньере», и поэт не писал стихов на смерть героини, как Петрарка. Стихотворения не завершались обращением к Богу или к Богородице.

Современник Менчетича Джорге Држич использовал петрарковские образы: “rajsko lice” («райское лицо»), “gomon s nebesa” («небесная музыка»), “rajske liposti” («красоты рая»), “smih stvori sramom bez priroka” («стыдливая, непорочная улыбка»).

В стихотворениях Менчетича и Д. Држича звучит народная интонация, используются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Возлюбленная, госпожа, «розочка» (“ružice”), «солнышко» (“sunačce”), «птичка» (“ptica”). Так, например, в стихотворении “Nikud bez tebe”: “Reci mi, ružice” («Скажи мне, розочка»). Дубровницкие поэты подробно описывают внешность возлюбленной, что было характерно и для народной поэзии. Поэтому очевидно, что Менчетич обращался к поэтике юнацких эпических песен. Так, например, он использует характерный для эпической песни стиль повторений и вариаций в стихотворении “Blažena ti i sva tvoja ljepota” («Блаженна ты и вся твоя красота»). В этом стихотворении восемь раз повторяется эпитет: “blaženi čas, blažena sva mesta, blažen čas, blaženi boljezni, blaženo varinje, blaženi trak, blažena ljepos” (блаженный час, блаженны все места, блаженные страдания, блаженный плач, блаженный след, блаженная красота).

Неоднократно встречается и тавтология, как в эпической поэзии: “...kad se ja s tobom, ružice, razdilju, kako sam se sobom razdiljen uscvilju, ter tebe želeći, sam sebe toj želju?” или “sebi čas da ne dam živiti životom. Razdilju uscvilju” (поделимся – разделен горюю) (želeći – želju (желаю – желание). Повторение наблюдается и в окончании строк, как и в народной песне: “A zatoj’ ne dopust’ toliku na svit zled, daruj mi tvoje ust’ iz kih vri slatki med” или “... koralj crljeni, ... cvite rumeni! Na svit gled – slatkimed” (на свет злой – сладкий мёд); Koralj crljeni – cvite rumeni” (коралл красный – губы алые).

В одном из своих стихотворений, “Moja ispovijes” («Моя исповедь») поэт для создания акростиha применил не имя возлюбленной, а характерное для тех мест народное далматинское междометие “ajme!”, что означает восклицание «ой, ох». Таким образом он подчеркивает мятущееся состояние души героя. В его лирических стихах, подобно эпической поэзии, встречаются диалоги, например, в стихотворениях “Čovjek je slab prema ljubavi”, “Moja molitva” и “Nikad da se rastanemo” («Человек слаб в любви»,

«Моя молитва» и «Никогда не расстанемся»): в них используются глаголы “se govori”, “molim te”, “pusta rič hrlo”.

В поэзии дубровницких стихотворцев проявляется соединение христианского и мифологического, фольклорная основа. Главной героиней поэзии и Менчетича, и Д. Држича, и других поэтов становится вила. В своем небольшом стихотворении “Njena kosa” («Ее волосы») Менчетич рисует свою «Госпожу», Даму сердца в образе вилы с распущенными волосами, обладающими необыкновенной, чудесной силой: “Pogledaj svak hrlo gdi je ovaj pustila niz bil vrat i grlo kosice jak vila: lipo t’ bi po dvori ovako da pogre, neka se pomogi tko ljevos nje pozre” («Когда бы госпожа с распущенными волосами, как у вилы, вышла бы из дома, каждый бы мог увидеть такую красоту»).

Д. Држич в своей поэзии хотя и говорит о смерти, но при этом создается ощущение веселого легкого состояния духа, как, например, в стихотворении: “Kada bih najvolio umrijeti?” («Когда бы захотелось умереть?»). В стихотворении “Gorčije žalosti jesu li gdi komu?” («Томлюсь печалью») поэт свои переживания передает целым рядом выражений, взятых из устного народного творчества: пословиц, словосочетаний, воссоздающих повседневную жизнь.

В поэзию включаются и герои эпоса: девушка-крестьянка, мать-старуха, юнак, добрый молодец, преданный брат и вила. Д. Држич широко использовал эти образы народной поэзии

Менчетич сочинял стихотворения на екавском штокавском наречии с элементами икавизмов и чакавизмов. У далматинских поэтов того времени не существовало единого литературного языка, поэтому они писали на различных диалектах. Например, поэтический язык Г. Луцича состоял из чаковского диалекта Хвара с элементами штокавского и дубровницкого.

В связи со становлением поэзии на народном хорватском языке необходимо упомянуть Ганибала Луцича и Петра Гекторовича с острова Хвара. Каждый из этих поэтов попытался сказать новое слово в развитии хорватской поэзии. Так, в стихотворении “Jur nijedna na svit vila” («Всех красавиц меркнет слава») Г. Луцич прославляет идеальный женский образ, в его поэтических строках прорывается сильное чувство, в котором он восхваляет «вилу», смеясь и радуясь счастьем бытия, изображая в своем стихотворении свою госпожу веселой и жизнерадостной. Его состояние передается особым ритмом стиха, музыкальностью:

Blažen tko joj bude grlit
Grlo i vrat, bil i gladak,
Srića ga će prem zagrlit,
Živiti će život sladak,
Žarko sunce neće hrlit
Da mu pojde na zapadak
Grlo i vrat, bil i gladak,
Blažen tko joj bude grlit [12].

Счастлив тот, моя царица,
Кто твое обнимет тело.
Этот миг пускай продлится!
Солнце, стой! – он скажет смело.
В том объятии таится
Счастье – нет ему предела.
Кто твое обнимет тело,
Счастлив тот, моя царица! [5, с. 140]
(Перевод А.М. Ревича).

В поэзии Г. Луцича неоднократно повторяются эпитеты, характерные для народной поэзии, например, «черные глаза»:

Obrve su tanke i crne	(Брови тонкие и черные
Nad crnima nad očima,	Над черными очами.
Črne oči kada svrne,	Черные очи сверкают
.....
Nad crnima nad očima	Над черными над очами
Obrve su tanke i crne.	Брови тонкие и черные.)

Г. Луцич создал и панегирическую поэму «Похвала Дубровнику», в которой высказал мнение о том, что свободу от турецкого нашествия можно обрести только в Дубровницкой республике:

Стоишь неколебимо – и нет прочней твердыни.

.....

Дубровник, твердо стой, смотри в глаза напасти,
Удел извечный твой – творить для граждан счастье (перевод Е.А. Левашова).

Далматинские поэты были живыми свидетелями страшных событий турецкого нашествия, что, несомненно, нашло отражение в хорватской литературе Далматинско-Дубровницкого региона. В результате появились стихотворения антитурецкой направленности. Именно в развитии патриотической темы, отраженной в сюжетах героической песни югославян, и проявилось своеобразие далматинской поэзии. Однако в течение XIV–XV веков ситуация в Дубровнике значительно изменилась вследствие захвата Турцией славянских государств [2, с. 117]. Завоевание турками-османами городов Балканского полуострова началось с вторжения в византийский город-порт Гелиболу (Галлиполи) в 1354 году, а затем в 1371 году, после битвы на Марице, им подчинилась Македония. В 1389 году на Косовом поле сербы потерпели поражение, в 1393–1396 годах туркам покорилась Болгария, а в 1456–1459 годах Сербия. В 1453 году пал Константинополь, а затем прекратило существование и Боснийское королевство, а его король Степан был казнен по приказу султана Магомета II. Албания покорилась султану в конце XV века. В 1482 году Герцеговина стала одной из турецких областей. В Далмации первое столкновение турок с венецианцами произошло в сентябре 1468 года. Особенно жестокими были нападения турок на Далмацию в 1473, 1475 и 1478 годах.

В XVI веке Славония и большая часть городов далматинского побережья оказалась под властью турок. Турецкое владычество имело тяжелые последствия для духовной жизни южных славян. Завоеватели принесли с собой пеструю, чуждую славянам культуру, влияние которой выразилось в многочисленных турецких заимствованиях, а также в арабских и персидских элементах поэтической народной образности, особенно в чувственном тоне, красочности, характерных для магометанской народной лирики.

Антитурецкая тема нашла отражение в южнославянской литературе. Реальные события тех лет – борьба с турецким нашествием и гнетом – воссоздаются в сюжетах героических песен южных славян, начиная с песен косовского периода, цикла о королевиче Марко и циклов о Бранковичах и Якшичах, о хорватских банах, венгерских воеводах, совместно с которыми сербы сражались против турок на протяжении XV – XVII веков. Существовали циклы и о гайдуках, боровшихся внутри страны.

Дубровницкие поэты более эмоционально и страстно, чем западноевропейские, выражали свой гнев против турецких завоевателей. Так, Марко Марулич в «Молитве против турок» («*Molitva suprotiva Turkom*») отражает реальные события, происходившие в Далмации, описав зверства «бусурманских рук».

Свидетелем турецкого нападения на Шибеник был поэт Юрай Шижгорич. В «Элегии на опустошение полей Шибеника» («*Elegia de Sibenicensis agrī vastatiane*»), написанной на латыни, он попытался отобразить реальные события сентября 1468 года, участником которых он был, когда отряды турецкой конницы разорили окрестности Шибеника. Это было первое столкновение турок с венецианцами на территории Далмации. Враги не сразу смогли завоевать город, хорошо защищенный фортификационными укреплениями:

А нечестивцы, ярьась, пожару предали села,
Уничтожая дотла все по деревням дома.
Нежные всходы хлебов, высоко колосющихся в поле,
Без сожаления стравил турок голодным коням.
И виноградники все с листвою и Вакховым цветом
Были растоптаны, став кормом для угнанных стад.
Славные все деревья Паллады даются Вулкану
Или Минерва дает тень их на месте домов.
Тут же уведятся в плен во множестве юноши, старцы,
Всех забирают детей, все забирают добро [5, с. 32 – 37].

В стихотворении М. Марулича наряду с полным описанием насилий и зверств, совершаемых турецкими завоевателями, проглядывает поучительно-назидательная интонация, свойственная автору религиозно-моральных сочинений, таких как «Трактат об устройстве доброй и праведной блаженной жизни святых» («*De institutione bene beateque vivendi per exempla sanctorum*», 1506), или «О вере и любви» («*Evangelistarium*», 1516 -?), или «О подлинных ценностях жизни» («*De Laudibus Heraculis*», 1524 - ?). Марко Марулич был ученый гуманист, в его моралистических поэтических сочинениях ощущается мягкий, добрый сердечный юмор, как, например, в стихотворении «*Anka satira*» («Анка сатира»). Необходимо отметить, что на хорватском языке он предпочитал писать стихами. Изучив хорватские глаголические бревиарии, М. Марулич обратился к библейскому сюжету о Юдифи и создал одноименную поэму «Юдифь» («*Judita*») [9], в которой поэт в странствиях сопровождает некое лицо, почитающее языческих богов, – образ, напоминающий Вергилия, сопровождающего Данте в его

странствиях [3]. Ариосто высоко ценил поэзию Марулича и называл его божественным поэтом.

Творческие искания Данте повлияли на становление далматинских поэтов. Его книги имелись в библиотеках городов Далмации и Дубровника. В библиотеке Марко Марулича было не только жизнеописание Данте, составленное Боккаччо, но и другие итальянские книги. О знании Маруличем «Божественной комедии» свидетельствует то, что он перефразировал в латинских гекзаметрах начало ее первой песни. Если брат Марулича сражался с турками на галерах, то поэт-гуманист силой своего поэтического пера боролся с турецким нашествием, создав аллегорическую поэму «Юдифь» (“Judita”). Этот библейский образ часто встречался в хорватских глаголических бревиариях. Марулич воссоздал пленительный образ девушки-далматинки в типичном национальном наряде, характерном для женщин того региона, а не каноническую библейскую героиню:

Splete glavu kosom, vitice postavi,
Kontus, s urehom svom vazam na se stavi;
S ošvom nike spravi, uši s ušerezmi,
Na godah napravi cizmice z podvermi [10, с. 37].

И волосы косой вкруг головы сложила,
Наряд печальный свой на праздничный сменила,
Рукав пышнее взбила, сережек блеск в ушах,

Ногам не тесно было в изящных сапожках (перевод Е.М. Солоновича).

В этой поэме автор иносказательно выразил свое отношение к завоевателям. Марулич полагал, что «нашествие их – наказание Божье за грехи христиан, и за спасением он обращается прямо к Богу», – писал Н. Петровский [4, с. 35]. Главными героями его поэзии становятся Юдифь, Давид, Геракл, вступающие в борьбу с тиранами. Чистота, добродетель Юдифи противопоставляется дьявольскому сладострастию Олоферна.

Патриотическая тема воплощалась и у бенедиктинского монаха Мавро Ветрановича, призывавшего бороться с турками. В его стихотворении «Галион» есть строки, звучащие как издевка над неприятелем. Ветранович в своих стихотворениях дал оценку политической ситуации на Балканах. Турки находились в расцвете своего могущества и несли угрозу христианскому миру больше, чем когда-либо. Между западными державами происходил разлад, они стремились втянуть нейтральную Дубровницкую республику в действия, направленные против Османского царства. Ветранович глубоко сочувствовал братьям-славянам, поработанным турками на Балканском полуострове. В стихотворении “Pjesma slavi carevoj” («Песня славы царской») он обращается к господам и королям Боснии, воеводам и князьям: «Где, славные баны, ваша свобода, а также и к славным хорватам, кого не пощадил огненный змей, ни одного не оставив храброго витязя, сжигая города». М. Ветранович не забывает и других неприятелей Дубровника – венецианцев, советуя им оставить в покое дубровчан и биться с турками: “Dubrovnik ohajte a s Turci bite boj” [12, с. 49 – 51].

Анализ творчества поэта позволяет оценить степень его художественного мастерства, поэтического таланта, образности языка, к тому же отдельные произведения отличались политической остротой. Но главное – эти стихотворения позволяют представить события на Балканах так, как воспринимали их современники Марина Држича.

Далматинцы и дубровчане участвовали в обороне Шибеника, Сплита, Трогира, Задара, поэтому их сочинения полны гнева и страсти. Воспоминания Кориолана Чипико, сочинения дубровчанина Феликса Петанчича (1455 – 1522) описывают нависшую над Европой угрозу турецкого вторжения. В своем трактате “*Quitus itinecilus Turci sunt agrediendi*” Петанчич высказал свою позицию, как следует защищаться от турок и «бить их на собственной территории» [11, с. 362 – 384].

Необходимо подчеркнуть, что в Хорватии, Далмации и Дубровнике турецкое нашествие усилило внимание поэтов-гуманистов к народным корням, активизировало желание понять суть устного народного творчества. Проявилось стремление сохранить свое национальное искусство и культуру. Вторжение грозило ассимиляцией славян турками. В силу особых исторических условий поэты не имели возможности прямо обличать турок, их протест реализовывался в опосредованной форме. Всемирная литература создавала на протяжении столетий излюбленные образцы. Одни выходили за рамки их конкретно-исторического содержания породившей их эпохи, становясь вечными, появление других объяснялось укладом, бытом, отношением к действительности, традицией.

Список литературы

1. Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV – XVI веков. – М.: Наука, 1963.
2. История Югославии. – М., 1963. – Т. 1.
3. Кравцов Н. Н. Данте в литературах югославянских народов // Данте и славяне. – М., 1965. – С. 157 – 182.
4. Петровский Н. М. О сочинениях Петра Гекторовича (1485 – 1572). – Казань, 1901.
5. Поэты Далмации эпохи Возрождения XV–XVI веков / сост. и пер. И. Н. Голенищев-Кутузов. – М., 1959.
6. Сербский эпос. – М., 1960.
7. Якушкина Т. В. Итальянский петраркизм XV – XVI веков: Традиция и канон. – СПб., 2008.
8. *Diversis De Filip. Opis slavnoga grada Dubrovnika predgovar, transkripcija i prevod Zdenka Janekovic-Romer.* – Zagreb, 2004.
9. Hamm J. *Judita u hrvatskim glagoljskim brevijarima* // *Radovi Staroslavenskog Instituta.* – Zagreb, 1958. – Knj. III. – С. 103 – 201.
10. Marulić M. *Pjesme.* – Zagreb: JAZU, 1869.
11. Matković P. *Putovanja po Balkanskom poluotoku u XVI v.; Felix Petančić i njega opis puteva.* – Tursku: Rad JAZU, 1879; Felice Petanzio di Raguza... *Archivio storico per la Dalmazia.* – Roma, 1938. – XXIV.
12. *Pjesme Mavro Vetranića. Stari Pisci.* – Zagreb: JAZU, 1871. – Т. I.
13. *Pjesme Š. Menčetića i Gjore Držića. Stari Pisci.* – Zagreb: JAZU, 1870.
14. Soerensen A. *Beitrag zur Geschichte der Entwicklung de serbischen Helden-dichtung “Archiv für slavische philologie”.* – Berlin, 1892. – Bd. XV.

Художественное своеобразие романа М. Чабона «Приключения Кавалера и Клея»

В статье роман американского писателя М. Чабона «Приключения Кавалера и Клея» рассматривается с точки зрения принципов постмодернизма; показывается, как писатель иронизирует над стереотипами американского национального сознания и создает роман-трагифарс в духе традиций американской «школы черного юмора».

The author of the article speculates on the postmodernist features of the novel american author M. Chabon "The Amazing Adventures of Kavalier & Clay", showing the writer's irony about the stereotypes of American mentality and life, when, following the traditions of the "school of black humor", he creates a tragic farce.

Ключевые слова: постмодернистское повествование, приключения, ирония, трагифарс, Холокост, Америка, «американская мечта», комикс.

Key words: postmodernist narrative, adventures, tragic farce, irony, the Holocaust, America, "American dream", comic book.

Майкл Чабон (Michael Chabon, род. 1963) — известный современный американский писатель, заслуживший признание читателей и критиков уже первым своим романом «Тайны Питтсбурга» (*The Mysteries of Pittsburgh*, 1988), вслед за которым вышли и другие его произведения. Они переведены на многие языки, в том числе на русский. В России на сегодняшний день опубликовано четыре книги писателя. «Тайны Питтсбурга» и «Вундеркинды» (*Wonder Boys*, 1995) вышли в 2005 году, «Приключения Кавалера и Клея» (*The Amazing Adventures of Kavalier & Clay*, 2000) в 2006, «Союз еврейских полисменов» (*The Yiddish Policemen's Union*, 2007) в 2008 году.

Самый знаменитый роман М. Чабона «Приключения Кавалера и Клея» стал национальным бестселлером и был удостоен Пулитцеровской премии 2001 года. Роман получил одобрительные отзывы критиков и литературоведов. Автор рецензии, опубликованной сразу после его выхода в газете «Нью-Йорк таймс», отмечает: «Проникнутые трагическими событиями "Приключения Кавалера и Клея" все же представляют собой комический эпос, по своей сути оптимистичный относительно человеческой природы, особенно, когда речь идет о борьбе за свободу личности» (Здесь и далее перевод цитат из англоязычных источников мой. — О.К.) [4].

Следует отметить, что в русском переводе заголовок романа потерял авторскую иронию, так как слово *amazing* – занимательные, забавные – было проигнорировано переводчиком. В оригинале же оно отчасти вводит читателя в заблуждение: он ожидает приключенческого романа, полного забавных эпизодов, однако то, что случается с героями, хотя и является в полной мере приключениями, зачастую весьма странными и экзотическими, все же скорее трагично, чем забавно.

Роман представляет собой сложное постмодернистское повествование, полное аллюзий. В основе сюжета – история Джо (Йозефа) Кавалера и его двоюродного брата Сэма Клея (Самуила Клеймана), авторов популярных в США комиксов. Это вымышленные персонажи, однако у американского читателя неизбежно возникают ассоциации с реальными изобретателями комиксов и авторами рисованных историй о супергероях – Супермене, Бэтмене и т. п. Джо Кавалер – пражский еврей, бежавший из родного города, оккупированного нацистами, – и Сэм Клей, живущий в Нью-Йорке, прореживают множество приключений на пути к успеху и становятся воплощением «американской мечты». В романе периодически появляются вставные истории, сочиненные героями – Сэмом как автором сюжета и Джо как художником – о подвигах Эскаписта – супергероя, которого они придумали и который принес им всеамериканскую популярность.

Мотив побега-эскейпа проходит через весь роман. Автор не раз вспоминает американского иллюзиониста Гарри Гудини, который прославился своими трюками с высвобождениями и побегами и фактически стал первооткрывателем жанра эскейпа. Он является кумиром юного Йозефа Кавалера, мечтающего стать профессиональным иллюзионистом, мастером эскейпа. Йозеф начинает брать уроки у ученика самого Гудини Бернарда Корнблюма, который не только обучает юного героя секретам мастерства, но и становится тем человеком, который оказывает решающее влияние на формирование его личности. Представляя читателю Корнблюма, М. Чабон вводит в произведение еврейскую тематику и проблему этнической идентичности, ставшую одной из основных во всем его творчестве, так он сам происходит из семьи еврейских иммигрантов. «Убежденный атеист, Корнблюм тем не менее придерживался кошерной пищи, избегал субботней работы и держал на восточной стене своей комнаты стальную гравюру древнего иерусалимского храма. До знакомства с Корнблюмом четырнадцатилетний тогда Йозеф очень мало думал на предмет собственного еврейства. Он считал – и это было отражено в чешской конституции, – что евреи представляют собой всего лишь одно из бесчисленных национальных меньшинств, составляющих молодое государство, быть подданным которого Йозеф так гордился. Пришествие Корнблюма с его балтийским запахом, его изрядно застарелым воспитанием, его идишем произвело на Йозефа сильное впечатление» [2, с. 33]. Будучи евреями по происхождению герой и члены его семьи вполне ассимилированы, они говорят на

чешском и немецком языках и вполне комфортно чувствуют себя в Праге. Осваивая мастерство эскейпа, Йозеф не подозревает, какую роль оно сыграет в его реальной жизни. Его взросление, освоение профессии иллюзиониста и осознание себя евреем, жителем Праги и гражданином Чехии приходится на конец 30-х годов, когда город уже оккупирован нацистами. Гонения на евреев приобретают все более явный характер, и семья Кавалеров оказывается в гетто. Конечно, чешские евреи не могли предположить, какая судьба ждет их самих и их соплеменников в других странах Восточной Европы, однако читатель, зная историю Холокоста, понимает неизбежность трагедии. Герой при этом ощущает необъяснимый ужас перед будущим. «Тут в животе у него буйным цветом расцвел страх, и он вдруг проникся полной уверенностью в том, что манера, в какой его отец и все остальные себя поведут, не будет ровным счетом ничего значить. Порядочно или хаотично, тупо или изобретательно, вежливо или по-хамски — все это было уже неважно. Пражские евреи стали теперь всего-навсего пылью под немецкими сапогами, дожидаясь лишь того момента, когда их сметет в стороне неразборчивая метла. Никакой стоицизм и вдумчивая догадка ничего им не дадут» [2, с. 76]. Трагедия Холокоста становится определяющей в судьбе персонажа.

Формирование этнической и профессиональной идентичности Йозефа Кавалера происходит одновременно и обусловлено оно нацистской оккупацией Европы. С детства мечтая о карьере иллюзиониста – специалиста по трюкам с побегами и высвобождениями (эскейпами) и считая своим кумиром Гарри Гудини, он сознательно отказывается от своей мечты. Помимо прямого упоминания Г. Гудини М. Чабон вводит в роман и аллюзию на известное произведение живого классика американской литературы – роман Э. Доктору «Регтайм», в котором иллюзионист появляется в качестве персонажа. Так М. Чабон реализует постмодернистский принцип сближения массового и «элитного» искусства – рядовой американский читатель с легкостью представляет себе фокусы Г. Гудини, тогда как подготовленный интеллектуал разгадывает литературную аллюзию.

Свой главный, как он считает, в жизни эскейп Йозеф Кавалер совершает, тайно выбравшись из родного города, находящегося под контролем нацистов. С помощью Корблума он выехал оттуда, спрятавшись в гробу со «спящим» Големом, которого европейские евреи решили эвакуировать из Праги, где, согласно легенде, он несколько веков лежал в Староновой синагоге. Пережив множество приключений, Йозеф добрался до Нью-Йорка, и именно там происходит его «перерождение»: он знакомится со своим двоюродным братом Сэмом, меняет имя на американский манер, становится Джо, и оставляет мечту стать иллюзионистом, переключившись на комиксы – американское изобретение и своеобразный национальный символ. Однако еврейская идентичность начинает явным образом проявляться в его новой, типично американской, деятельности: не забывая

о том, что происходит в оккупированной Европе и мечтая, что его семья сможет также перебраться в США, он рисует комиксы, в которых действует супергерой Эскапист – «сверхчеловек, мастер эскейпа, самовысвобождения. Никакие наручники не могут его сдержать. Любой замок бессилён. Он приходит на выручку тем, кто томится в цепях тирании и несправедливости. Гудини, но с примесью Робин Гуда и чуточку Альберта Швейцера» [2, с. 187]. Сэм и Джо придумывают сюжеты, в которых герой освобождает людей от фашистских захватчиков, что настораживает издателей, так как в тот момент США еще не находятся в состоянии войны с нацистской Германией, и появление в популярных комиксах явных намеков на Гитлера в лице главного злодея, и символики, в которой очевидно угадывается свастика, рассматриваются как нарушение политкорректности. Однако именно эта серия комиксов постепенно завоевывает все большую популярность, что приносит Джо значительный доход и дает надежду, что в конце концов у него появится возможность перевезти в Америку свою семью.

Джо фактически доводит комиксы, которые, несмотря на популярность, никто не воспринимает всерьез и рассматривает лишь как «чтиво», до уровня «высокой» литературы и искусства. «Все эти вторжения в новые сферы, кромсание элементов сюжета, смешение и выделение необычных углов зрения, растягивание пределов изложения в комиксе (насколько это было возможно в те времена под бдительным оком убойно-пресыщенного редактора и издателей, главным образом заботившихся о твердой прибыли) – все эти опыты вне всякого сомнения поднялись гораздо выше простых упражнений карандаша Джо Кавалера, вооруженного его выпущенной на свободу изобретательностью» [2, с. 436 – 437]. Автор сам дает оценку таланту героя и его произведениям, показывая, каким образом происходит его профессиональная эволюция, а вместе с ней формируется осознание этнической принадлежности и восприятие себя как части истории. Подвиги Эскаписта, которые описывает Джо, – это выражение надежды на окончательную победу над нацизмом.

Изобретая истории о супергерое, который громит нацистов, найдя свою любовь в Нью-Йорке (история его любви с Розой Сакс занимает значительное место в сюжете романа) и став по-настоящему успешным американцем, Джо все более чувствует себя евреем, однако его мучает тот факт, что он в своем благополучии далек от тех, кто находится в Европе, тех, кто вынужден жить в гетто, соблюдать комендантский час и кто ежеминутно подвергается опасности (на то момент речь еще не идет о Холокосте, и о нем, как и о гибели в концлагере своих близких, Джо узнает гораздо позже). Осознание происходящей трагедии и собственной сопричастности судьбе пражских евреев не позволяет Джо полностью ассимилироваться и принять американский образ жизни. Известие о смерти младшего брата, которого он на заработанные средства пытался спасти вместе с другими еврейскими детьми из оккупированной Праги, становится

поворотной точкой в его судьбе. Узнав о кораблекрушении, Джо теряет надежду и пытается покончить жизнь самоубийством. Однако, этот «эскейп», побег из жизни, полной ужаса и отчаяния, оказывается неудачным, и тогда он решает оставить успешную карьеру, возлюбленную, друзей и поступает в военно-морской флот США, чтобы бороться с нацизмом не на страницах книг, а в реальности. К этому времени страна уже вступает в войну, однако герою не суждено принять участие в настоящих боевых операциях.

В течение войны Джо становится участником множества невероятных событий, которые все более походят на приключения придуманного им супергероя Эскаписта, однако, в отличие от описанных им подвигов, эти события носят в основном трагический характер. Поэтому по окончании войны Джо не хочет возвращаться ни к бывшим друзьям, ни к родственникам, ни к возлюбленной, хотя и знает о рождении сына. То, что происходит с Джо, можно охарактеризовать как «комплекс вины выжившего», известный в психологии. В его жизни был целый ряд ситуаций, в которых он оказывался единственным уцелевшим, и главным из этих событий стал Холокост: его отец умер в пражском гетто; брат утонул на корабле, вывозившем еврейских детей из Европы на средства американцев; дедушка и мать погибли в концлагере. Только пережив все это, Джо полностью осознает свою еврейскую идентичность, свое место в жизни и прекращает попытки эскейпа. В финале романа он знакомится со своим сыном, мечтающим о карьере иллюзиониста, и возвращается к семье.

Тема Холокоста является одной из главных в европейской и американской литературе второй половины XX века. Как пишет в своей статье, посвященной романам другого молодого американского автора Дж.С. Фоера, профессор Т.Н. Денисова «можно считать, что вся западная культура после Второй мировой войны – от «Дневника Анны Франк» до «Списка Шиндлера» Спилберга – как стержнем пронизана трагедией Холокоста. И судя по политической ситуации, деактуализации темы не предвидится. Основной пафос в освещении этой темы, как правило, подчеркнут личной трагедией человека, который выступает просто жертвой, ибо его существование, а вернее, его обреченность никак не зависит ни от его поведения, ни от деятельности, ни от личных качеств, – все предопределено в данном месте и времени исключительно его принадлежностью “проклятому” народу» [1, с. 28]. Обращение к этой теме свойственно современным американским писателям – представителям третьего поколения еврейских иммигрантов из Восточной Европы. В этом смысле роман М. Чабона открывает целый ряд произведений литературы США XXI века, в которых реализуется постмодернистский подход в этой теме: в 2002 году вышел нашумевший роман Дж.С. Фоера «Полная иллюминация» (*Everything is Illuminated*), а затем романы Н. Краусс «Хроники любви» (*The History of Love*, 2005) и «Большой дом» (*Great House*, 2010). Для этих авторов, ро-

дившихся в США через два-три десятилетия после окончания Второй мировой войны, воспитанных на американских ценностях, у которых английский – родной язык, и которые слышали об антисемитизме и гонениях на евреев только от своих бабушек и дедушек, интерес к теме Холокоста – это прежде всего желание почувствовать себя частью еврейской истории. Им недостаточно осознавать себя только американцами, и поиск собственных корней, восстановление истории семьи становятся частью формирования идентичности. В своей статье о новом поколении американских еврейских писателях критик Д. Герман называет эту тенденцию «ренессансом», имея в виду, конечно, возрождение интереса к собственным корням, к истории еврейского народа и к трагедии Холокоста как ее части. «Что происходит? Почему эти молодые американские евреи вдруг заинтересовались историей своих отцов и дедов? Я думаю, каждый из них пытается ответить на вопрос: как написать американский еврейский роман после Беллоу и Рота? Большинство классиков современной американской еврейской литературы одной ногой стояли в той стране, откуда прибыли их родители, а другой – в иммигрантских кварталах восточного побережья Америки. Фоер, Чабон и Краусс, которые принадлежат к младшему поколению, не имеют такой очевидной связи с той историей и традицией, которая формировала еврейских писателей, родившихся в США в начале XX века» [3, р. 50]. Трагедия не коснулась этих писателей напрямую, однако сохранение памяти о ней и воспроизведение истории своих предков становится для них способом осознания себя частью истории народа.

Это происходит и с героем романа М. Чабона. Испытывая чувство вины за то, что он остался жив, он еще острее ощущает себя евреем, частью истории народа и его трагедии. Это заставляет его спустя десятилетие после окончания войны вновь обратиться к старинной еврейской легенде о Големе, по мотивам которой он создает комикс, куда вкладывает весь свой талант, и где воспроизводит атмосферу довоенной Праги и ее знаменитых еврейских кварталов. «Сэмми не потребовалось много времени, чтобы узнать изящные остроконечные башни и осыпающиеся арочные проходы города, который наверняка был Прагой, ряды причудливых домов, сгрудившихся в снегу, мост со статуями, что отбрасывал изломанную лунную тень на черную реку, извилистые проулки. Персонажи по большей части казались евреями – старомодными, в черных одеждах, – выписанными со свойственной Джо детальностью и плавностью линий. Все лица, отметил Сэмми, были куда более особенными, причудливыми и уродливыми, нежели физиономии из обычного джентльменского набора комических злодеев, который Джо досконально изучил, а затем эксплуатировал во всех своих ранних работах. Нет, здесь были настоящие человеческие лица, худые, голодные, чьи глаза словно бы предчувствовали ужас, но в то же время по-прежнему на что-то надеялись» [2, с. 637]. Джо изображает город таким, каким он помнил его до войны, а также людей, которых больше нет.

Таким образом, происходит возвращение героя к своему прошлому, к трагедии, произошедшей с народом, к миру, который был уничтожен, и все это он пытается восстановить в памяти, чтобы воссоздать в своем творчестве. Именно этот комикс становится вершиной творчества Джо Кавалера, хотя, как дает понять автор, американские читатели вряд ли могли бы оценить его по достоинству. В то же время, творчество становится способом для преодоления трагедии: выражая свое горе в рисованных историях, он постепенно возвращается к жизни.

Миф о Големе играет особую роль в романе. К этой легенде обращались многие писатели, среди которых Густав Майринк и Исаак Башевис-Зингер; реминисценции на эту историю явно угадываются в романе М. Шелли «Франкенштейн», эпизод о Големе присутствует в романе У. Эко «Маятник Фуко», голем как искусственно созданное существо упоминается в повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» и романе В. Пелевина «Чапаев и пустота». У М. Чабона сюжет о Големе появляется на различных уровнях. В первую очередь, это своеобразное продолжение классической легенды, берущей свое начало в XVII веке. Согласно ей, праведный раввин Лев (Бен Бецалель) создал глиняного великана для того, чтобы спасти евреев от кровавого навета – безосновательного и абсурдного обвинения в ритуальных убийствах. Голем использовался также для исполнения тяжелых работ. Как только в нем исчезала необходимость, раввин стирал с его лба магические письмена, и великан «засыпал». По некоторым версиям он должен был посыпаться к жизни каждые 33 года. Согласно преданию, пражский Голем спит в Староновой синагоге – древнейшей синагоге Европы.

М. Чабон придумывает продолжение истории пражского Голема. Его герои принимают участие в поисках спящего великана, которого находят в одной из квартир дома в еврейском квартале, а затем организуют его эвакуацию. Эти эпизоды, с одной стороны, носят мистический характер, с другой, выглядят вполне правдоподобно, когда писатель включает в них вполне повседневные детали – такие, как поиски одежды, подходящей для глиняного великана. Ее находят среди вещей, оставленных бывшими пациентами отца Йозефа – доктора, который однажды лечил человека гигантского роста, приехавшего в Прагу с цирком. Тем не менее, вся операция по эвакуации Голема и спасения Йозефа в специально сделанном гробу вместе с ним, напоминает фарс, хотя и происходит на фоне трагических событий перед началом Второй мировой войны. М. Чабон, следуя принципу постмодернистской игры, соединяет старинную легенду, уже превращенную в сказку, с реальными событиями, и происходящее выглядит для читателя вполне реалистично. «В кругу хранителей Голема нашлось немало тех, кто сопротивлялся предложению отправить его за границу – пусть даже безопасности ради. Один из их аргументов был таков, что поскольку Голем изначально был создан из глины реки Мольдау, ныне Влтавы, то,

перемещенный из своей природной среды обитания, он может пострадать от физического распада. А хранители с историческим складом ума – которые, как и историки всего остального мира, гордились своим уравновешенным ощущением перспективы, – резонно указывали, что Голем уже пережил многие столетия вторжений, бедствий, погромов, никем не обнаруженный и никуда не перемещенный, и советовали не делать резких движений в связи с очередным временным поворотом в судьбе евреев Богемии. В этих рядах оказались даже несколько человек, которые после определенного нажима признались, что не хотят удалять Голема из Праги, ибо в глубине своих сердец все еще лелеют детскую надежду на то, что великий враг жидоненавистников и кровавых клеветников однажды, в час отчаянной нужды, восстанет, чтобы сражаться вновь» [2, с. 20 – 21]. Таким образом, в романе реализуется одна из традиционных черт американской литературы – синтез художественного и документального. История с Големом – плод фантазии автора, возникшей на основе старинной легенды, соединяется со вполне документальными описаниями жизни оккупированной Праги.

Сцены, изображающие поиски Голема, подготовку к эвакуации, а затем и путешествие Йозефа в гробу с глиняным великаном, представляют собой трагифарс. Приемы, которые использует здесь М. Чабон, вписываются в эстетику американской «школы черного юмора», главным принципом которой становится смех над тем, что вызывает страх и над чем традиционно не принято смеяться. Как и произведениях классиков этой школы (К. Воннегута, Т. Пинчона, Дж. Хеллера), «черный юмор» М. Чабона происходит не от цинизма. Он является своеобразной защитной реакцией, способом преодоления страха и стремлением к переосмыслению той трагедии, которая произошла с европейским евреями, и которой удалось избежать тем, кто эмигрировал в США.

В то же время, соединяя комическое и трагическое в своем романе, писатель создает у читателя ощущение абсурдности окружающего мира, в котором ничто не поддается логическому объяснению, но все взаимосвязано. «Приключения Кавалера и Клея» фактически представляют собой синтез приключенческого романа, комикса, новой версии мифа и даже сказки. В рецензии в «Нью-Йорк таймс» отмечается: «Обычно самым привлекательным для читателя в романах являются неожиданные повороты сюжета. “Приключения Кавалера и Клея” даже превосходят квоту на сюрпризы, но все же более неожиданным становится стиль и манера, свойственные комиксам, с их невероятными историями, ярко и эмоционально рассказанными. И читатель заранее знает, что герой одержит победу. Эта книга могла бы стать хорошей серией комиксов о двоюродных братьях: один из них имел бы квадратную челюсть, другой был бы крайне неуклюж. Однако глубина, которую сумел придать этой истории Чабон, его острый язык и

изобретательность дают основание назвать этот роман действительно выдающимся достижением» [4].

Таким образом, роман М. Чабона «Приключения Кавалера и Клея» представляет собой яркое постмодернистское повествование, в котором автор в трагикомическом свете показывает многие стереотипы американского национального сознания, такие как стремление к осуществлению «американской мечты», а также типичны черты национальной культуры США: жанр комикса; популярность историй о супергероях, обладающих сверхъестественными способностями и борющихся с универсальным злом; ценности рядовых американцев, зачастую сводящиеся к материальному благополучию; миф об исключительности американской нации. Все это показано с иронией, которая становится одним из основных художественных средств создания романа-трагифарса.

Список литературы

1. Денисова Т.Н. Всесвітні трагедії від Джонатана Сафрана Фоеера // Слово і час. – 2009. – № 1. – С. 28 – 38.
2. Чабон М. Приключения Кавалера и Клея. – СПб.: Амфора, 2006.
3. Herman D. New World Reorder. David Herman Hails the Younger Generation of Jewish-American Writers // New Statesman. – 2011. – April 18. – P. 49 – 50.
4. Kalfus K. The Golem Knows // The New York Times. – 2000. – September 24. – [Электронный ресурс]: http://www.nytimes.com/books/00/09/24/reviews/000924.24_kalfust.html

Лексикографическое описание немецких терминов инженерной психологии

В статье рассматривается проблема лексикографического описания немецких терминов инженерной психологии, раскрывается содержание некоторых понятий данной отрасли, приводятся примеры структуры словарных статей в существующих словарях, предлагается авторский подход к составлению нового терминологического словаря тезаурусного типа.

The problem of lexicographical description of German terms of engineering psychology is presents in the article, the content of several terms of the given fields is described, the examples of the structure of dictionary articles in the existing dictionaries are given as examples, and the author approach to the compiling of new terminological dictionary of thesaurus type is offered.

Ключевые слова: терминология, инженерная психология, словарь, словарная статья, лексикография.

Key words: terminology, engineering psychology, dictionary, dictionary entry, lexicography.

Совокупность немецких терминов инженерной психологии (далее ИП) – научной дисциплины, изучающей объективные закономерности процессов информационного взаимодействия человека и техники с целью использования их в практике проектирования, создания и эксплуатации систем «человек-машина-среда» (СЧМС), являющаяся предметом настоящей статьи, никем ранее не рассматривалась, поэтому первым шагом по пути создания понятийного аппарата инженерной психологии является упорядочение ее терминологии.

Систематизация и научное обоснование немецкой терминологии ИП – важное условие развития ее теории и практики. Используя научные данные (в число которых входят понятийный аппарат, терминология, методика исследования) психологии, социологии, медицины, физиологии, эргономики, информатики, основ математики и кибернетики, инженерная психология сформировалась в качестве самостоятельной научной и учебной дисциплины. В терминологии ИП функционируют понятия перечисленного ряда наук, на стыке которых она возникла, поэтому рассматривать ее нужно, учитывая особенности тех направлений, с которыми она сотрудничает [8].

При проведении систематизации и упорядочения немецкой терминологии инженерной психологии мы руководствовались работами ведущих терминоведов. На начальном этапе при подборе терминов мы воспользовались работой Д. С. Лотте, в которой подробно излагаются принципы отбора терминов [11, с. 15]. Нам также была полезна работа В. А. Татарина, в которой присутствуют рекомендации по методике и приемам практической терминологической работы, что существенно облегчило решение поставленной нами задачи [16]. В. М. Лейчик выделяет в своих работах два основных вида объединения средств обозначения общих и специальных понятий, существующих в лексике языков для специальных целей, – терминологии и терминосистемы [10].

Рассматривая зарождение терминологии инженерной психологии, мы воспользовались работой В. Н. Кострова, посвященной истории русской технической терминологии. В своем исследовании автор анализирует пути и причины проникновения иноязычных терминов в русскую техническую терминологию, опираясь на исторические факты [9].

Особое значение в проведении настоящего исследования мы придаем работе Л. И. Божно, в которой рассматривается научно-техническая терминология на материале немецкого языка. Автор трактует техническую терминологию как неотъемлемую часть языковой системы и заостряет внимание на отражении технического прогресса в научно-технической терминологии, выражающемся в росте дифференциации и специализации, что приводит к «образованию специальных терминологий» [2].

При комплексном описании рассматриваемой терминосистемы мы принимали во внимание некоторые общие принципы описания различных терминологических систем, разработанные А. С. Гердом, но учитывали при этом специфику нашей терминосистемы. Полезными для нас стали принципы упорядочения и унификации терминологии, предложенные автором, которые мы использовали при составлении словаря исследуемой нами терминологии [3].

В своих исследованиях мы опирались также на пособие Г. М. Стрелковского и Л. К. Латышева, в котором авторы уделяют большое внимание особенностям немецкоязычной научно-технической литературы и ее переводу и, в первую очередь, терминам и терминологии [13]. Авторы подробно рассматривают систему понятий всей техники и соответствующую им терминосистему. Нами также была отмечена в работе методика сопоставления немецкой научно-технической терминологии с соответствующей русской, предложенная авторами данного пособия. Они рассматривают в широком плане немецкую терминологию, важнейшие свойства термина, отталкиваясь от общих свойств любого термина, независимо от языка.

Рекомендации по улучшению состава терминологических словарей Б. Н. Головина [4] и Ю. Н. Марчука [12] были приняты нами к сведению

при составлении терминологического словаря по ИП, облегчающего перевод и профессиональную коммуникацию специалистов данной области научного знания, а также были учтены комплексы исследовательских тем, которые до настоящего момента не утратили своей актуальности.

Как отмечает В. П. Даниленко, при становлении терминосистемы любого подязыка следует различать сферу фиксации терминов и сферу функционирования терминов [5, с. 38 – 39]. Под сферой фиксации терминологии понимаются специальные словари, терминологические ГОСТы, сборники рекомендуемых терминов, т.е. такие условия, где термины существуют изолированно. К сфере функционирования В. П. Даниленко относит научную речь, специальную научную литературу в широком смысле слова. Данное положение было подтверждено В. П. Лейчиком и дополнено следующим: сферы функционирования являются первичными, а сферы фиксации вторичными, в них термины попадают уже отработанными и поэтому поддающимися разного рода операциям по устранению или уменьшению многозначности, синонимии, «неудобопроизносимости», «несоответствия» понятию, «длинноты» и т.п. [10, с. 7 – 10].

Лексикографическая работа с немецкой терминосистемой «инженерная психология» подразумевает осуществление ряда процедур, одной из которых является анализ терминологических словарей. Одноязычные терминологические словари – справочники энциклопедического или толкового типа являются важными, так как в них регистрируется большая часть системы понятий данной области научного знания. С одной стороны, они могут стать предметным ориентиром, с помощью которого определяются границы предметного поля и сам состав словника, с другой стороны, «.. энциклопедия и толковые словари необходимы для определения содержания понятия, в том случае, если возникают неясности или тогда, когда в разных языках содержание понятия различно» [12, с. 36].

В рамках своего исследования мы проводим анализ становления терминосистемы именно с указанной точки зрения. Выборка терминов исследуемой терминологии была составлена преимущественно на основе сплошного просмотра ряда тематических изданий, в том числе монографий зарубежных специалистов, а именно: В. Хаккера, П. Рихтера, К.-П. Тимпе, М. Форверга, Ф. Кликса и Б. Краузе, И. Ноймана, Г. Раума и К. Шульца, Г. Вандке и Е. Ветценштайн-Олленшлегер и др. Количество изданной специальной литературы, посвященной проблемам инженерной психологии, свидетельствует о том, что первичный аспект становления – сфера функционирования, успешно выполняется.

Рассмотрим дальнейшее развитие немецкой терминологии – сферу фиксации, которая является вторичным аспектом становления терминосистемы. Первые попытки фиксации немецких терминов инженерной психологии предпринимают в 1989 году в городе Мюнхене (Германия) С. Грайф, Г. Голлинг и Н. Николсон. Эти авторы выпустили учебный словарь по ин-

женерной и организационной психологии [20]. Составители этого справочника стремятся к максимальному описанию лексики. Наряду с этимологической характеристикой по входной единице в микроструктуре приводятся также возможные дериваты заглавного слова с указанием их частей речи.

Далее, в 1990 году, в опубликованной в городе Гёттингене (Германия) психологической энциклопедии был представлен раздел, посвященный инженерной психологии [19]. Специальная энциклопедия ориентирована на глубокое понимание термина, позволяя специалисту выявить его особенности. Микроструктура этого раздела психологической энциклопедии дает подробную характеристику термина, включая этимологическую справку, и полностью отвечает целям и задачам справочника: дать информативный обзор и подробное объяснение того или иного понятия.

В 1994 году Ю. Чарват выпускает толковый словарь по инженерной психологии на немецком языке “Lexikon der Mensch-Maschine-Kommunikation”, в котором термин *Ingenieurpsychologie* трактуется как «Begriff für sämtliche Aspekte der Mensch – Maschine – Beziehung» ~ *понятие для всех без исключения аспектов взаимодействия «человек - машина»* [17, с. 223]. Словарные статьи данного источника обладают большой информативностью. Наряду с грамматическими пометами, морфологически формами даются иллюстративные примеры в виде законченного предложения. Употребление входной единицы в речи, наравне с толкованием, служит важным средством раскрытия значения слова. В данном словаре представлены толкования тех или иных явлений с разных позиций; в большинстве случаев содержание проблемной статьи отражает точку зрения написавшего ее специалиста, а библиография в конце статьи включает источники с иным, нежели авторский, подходом к проблеме.

Составляя выборку немецких терминов ИП, мы обращались также к немецко-русскому словарю по психологии под редакцией Ю. Т. Рождественского [15]. Из 17000 терминов, нами были выбраны 170 единиц с пометой *инж. психол.* – ИП. Полезным в нашем исследовании оказался список сокращений, приведенный автором в конце словаря, примером может послужить аббревиатура IST [*Intelligenzstrukturtest*] ~ *тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра*.

Психологическая энциклопедия под редакцией Р. Корсини и А. Ауэрбаха (2003) трактует термин инженерная психология «как ветвь психологии, которая изучает человеческое поведение в его связи с оборудованием, компьютерными программами, производственными условиями и системами «человек - машина», характерными для современной техники и технологии. В первую очередь, ее интересуют возможности и ограничения человеческой деятельности, касающиеся использования техники, а также способы для подготовки людей и создания машин, обеспечивающие их приспособление друг к другу, где слово «машины» понимается в широ-

ком значении – это творения не только инженеров, но и программистов, аналитиков, архитекторов, разработчиков программ производственного обучения и проектировщиков» [14, с. 246].

В 2004 году коллективом авторов Г. В. Залевским, Е. И. Залевской, В. Г. Залевским был выпущен краткий русско-англо-немецкий словарь, в котором немецкие термины даны в соответствии с новыми правилами немецкой орфографии с пометами на грамматический род термина [6]. Словарные статьи пронумерованы в пределах каждой буквы алфавита для возможности отыскания английских терминов по указателям. Словарная статья имеет следующий вид: *All r абулия* (патология воли), *e abulia*, *d Abulie f*.

Появление современных словарей и справочников говорит о несомненной актуальности терминологических проблем и указывает на пути их решения. Лексикографическая обработка терминологии ИП требует учета по возможности всех преобразований в понятийно-терминологической системе данной отрасли, имеющих концептуальное значение для формирования представлений о современном знании психологии.

Электронный словарь ИП, размещенный на сайте Берлинского университета имени Гумбольдта, предоставляет специалистам-психологам лишь ядерные термины, тем самым снимает проблему чрезмерного объема словника. Лексикографический анализ электронного словаря на немецком языке продемонстрировал информацию о новых способах регистрации, фиксации и средств описания и терминов ИП [18].

Таким образом, прослеживая хронологию, мы можем утверждать, что в немецком языке терминология инженерной психологии на сегодняшний день функционирует как сформированная терминосистема, имеющая полевую организацию. Но, учитывая стремительное развитие науки и техники, нужно принимать во внимание тот факт, что идет постоянный прилив новых терминов, как исконно-немецких, так и заимствованных.

Поскольку в нашей выборке значимую часть занимают англо-американские заимствования (далее ААЗ), под которыми понимаются лексические единицы, возникшие либо в английском языке, либо в немецком с использованием лексем английского языка, при условии, что их словообразовательная функция активизировалась именно в английском языке.

Наш интерес именно к англо-американским заимствованиям обусловлен их значительным количеством в немецкой терминологии инженерной психологии (1228 единиц), а заимствования из других языков весьма многочисленны, в частности, из японского языка пришло 3 единицы, из французского – 5.

Для доказательства утверждения о широкой представленности ААЗ в немецкой терминологии инженерной психологии мы представляем данные количественного анализа немецкого толкового словаря по инженерной психологии 1994 года [17] в виде следующей таблицы (Таблица №1).

Сведения о терминах, содержащихся в лексиконе Ю. Чарвата
«Lexikon der Mensch-Maschine-Kommunikation» (1994 г.)

Количество страниц	Общее количество терминов инженерной психологии	Количество ААЗ терминов инженерной психологии
516	1873	624

Таким образом, из 1873 терминов и терминологических сочетаний, содержащихся в данном лексиконе, 624 являются ААЗ. Данное сопоставление показало, что на момент издания словаря (1994 год) каждый третий термин заимствован из английского языка.

При составлении нашей выборки мы учитывали также ААЗ, не зафиксированные в лексикографических источниках. В результате, в выборке терминов исследуемой терминологии общим объемом 3512 терминологических единиц нам удалось обнаружить 1228 ААЗ, к примеру: **acting out** ~ отыгрывание (замена мысли действием), **Firmware** ~ программно-аппаратные средства. Из общего количества ААЗ в отдельную группу мы выделяем 604 Интернет-ААЗ, к примеру: **Internet** ~ Интернет, **File-Server** ~ файловый сервер, **Groupmail** ~ групповое сообщение, **Netdrive** ~ сетевой запуск; сетевая передача. Их проникновение в немецкую терминологию инженерной психологии обусловлено масштабным использованием сети Интернет. Как видно из результатов анализа, по сравнению с 1994 годом соотношение ААЗ к общему числу терминов в подязыке инженерной психологии сохраняется 1:3, что доказывает не только интенсивность англо-американского заимствования, но факт развития немецкой терминологии инженерной психологии на базе исконного языкового материала.

Результаты данного исследования послужили основанием для включения английского эквивалента в разрабатываемый нами словарь терминов инженерной психологии, что, несомненно, облегчит работу специалистов изучаемой области научного знания.

При разработке словаря терминов ИП мы принимали во внимание следующие принципы отбора терминов, предложенные Ю. Н. Марчуком: 1) системность, 2) семантическая ценность (практическая необходимость термина в данной области наук), 3) тематический принцип. Ю. Н. Марчук подчёркивает, что задача терминологических словарей – облегчить научную коммуникацию с помощью упорядочения слов-терминов. Автор также отмечает: «В переводческой практике важна удобная организация словарной информации, и здесь на первый план выступают два аспекта: классификация семантических значений и типология словосочетания» [12, с. 5].

Учитывая рекомендации ведущих ученых в области терминографии по составлению учебных словарей, мы проанализировали выборку общим

объемом 3512 терминологических единиц, которые вошли в немецко-англо-русский словарь по ИП. В словарь вошли термины ИП, отражающие как профессиональный, так и научно-теоретический уровень познания данной области. В связи с тем, что ИП является стыковой наукой, мы сочли нужным включить в словарь не только внутриотраслевые термины, но и часто употребляемые в текстах по инженерной психологии терминологические единицы из смежных областей, что поможет, на наш взгляд, не только овладеть терминологией данной дисциплины, но и осознать место инженерной психологии в системе наук.

Таким образом, мы, вслед за Е. С. Анюшкиным, считаем, что упорядоченная и/или стандартизированная терминология конкретной сферы человеческой деятельности не только является результатом познания определенных закономерностей развития терминологии, но и становится активной производительной силой, способствующей более быстрому развитию этой сферы деятельности и качественной подготовке специалистов. Терминологическая работа при этом ведется с учетом диалектического взаимодействия социальных факторов [1, с. 31].

Проведенный анализ немецкой терминологии инженерной психологии позволил сделать следующий вывод, что тезаурус данной предметной области должен включать как понятийную, так и лингвистическую информацию об исследуемой терминологии и быть по возможности текстоориентированным, то есть в рамках словарной статьи должна присутствовать ссылка на полнотекстовый вариант материала или учебное пособие. Исходя из вышесказанного, автором намечена тенденция к дальнейшей детализации структуры словарных статей в разрабатываемом терминологическом словаре.

Список литературы

1. Анюшкин Е.С. Терминология и языковая культура // Актуальные проблемы научно-технического перевода. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – С. 30 – 31.
2. Божно Л.И. Научно-техническая терминология как один из объектов изучения закономерностей языка // Филол. науки. – 1971. – № 5. – С. 18 – 29.
3. Герд А.С. Основы научно-технической лексикографии. – Л., 1986.
4. Головин Б.Н. Типы терминосистем и основания их различия // Термин и слово. – Горький, 1981. – С. 3 – 10.
5. Даниленко В.П. и др. Лингвистический аспект стандартизации терминологии. – М., 1993.
6. Залевский Г.В. Краткий русско-англо-немецкий словарь по психологии: ок. 3500 терминов / Г. В. Залевский, Е. И. Залевская, В. Г. Залевский. – М.: Академия, 2004.
7. Клёстер А.М. Немецко-англо-русский словарь терминов инженерной психологии. – Омск: Омский государственный технический университет, 2006.
8. Клёстер А.М. Системное взаимодействие немецких терминов инженерной психологии // Омский научный вестник. – 2011. – № 5 (101). – С. 132 – 136.
9. Костров В.Н. Из истории русской технической терминологии // Труды Ин-та истории естествознания и техники АН СССР. – 1955. – Т. 3. – С. 116 – 126.

10. Лейчик В.М. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века // Вопросы филологии. – 2000. – № 2. – С. 20 – 30.
11. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии // Вопросы теории и методики. – М.: АН СССР, 1961.
12. Марчук Ю.Н. Основы терминографии. – М., 1992.
13. Стрелковский Г. М. Научно-технический перевод / Г. М. Стрелковский, Л. К. Латышев. – М.: Просвещение, 1980.
14. Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини и А. Ауэрбаха. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2003.
15. Рождественский Ю.Т. Немецко-русский словарь по психологии. – 2-е изд., стереотип. – М.: РУССО, 2001.
16. Татаринов В.А. Категориальная многозначность терминов как языковой способ систематизации и структурирования научного мира // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2013. – № 8. – С. 84 – 86.
17. Charwat Hans Jürgen: Lexikon der Mensch – Maschine – Kommunikation. – 2 verb. Auflage. – München; Wien: Oldenbourg, 1994.
18. Ingenieurpsychologie. Glossar. – [Электронный ресурс]: <http://macs2.psychologie.hu-berlin.de/aio/index.php/glossar>
19. Enzyklopädie der Psychologie – Themenbereich D: Praxisgebiete Serie III. Wirtschafts-, Organisations- und Arbeitspsychologie. – Göttingen: Hogrefe-Verlag, 1990. – B. 2. Ingenieurpsychologie. – S. 572 – 595.
20. Greif S., Holling H., Nicholson N. Arbeits- und Organisationspsychologie. Internationales Handbuch in Schlüsselbegriffen. – München: Psychologie –Verlagsunion, 1989.

Ласкательные вокативы: деривационный аспект

В статье рассматривается группа ласкательных имен немецкого языка. Автор определяет семантические потенции ласкательных семем, обосновывает ценностные предпочтения социума во взаимном переименовании. Исследуются словообразовательные особенности вокативов, анализируются комбинационные возможности элементов в их составе.

The article deals with endearing names in the German language. The author defines the semantic potency of endearing sememes and substantiates value preferences of society in mutual renaming. The article also covers word-building features of vocatives, and the author analyzes possible combinations of elements in their composition.

Ключевые слова: ласкательный вокатив, диминутив, метафора, метонимия, речь влюбленных, деривация, словообразовательный элемент.

Key words: endearing vocative, diminutive, metaphor, metonymy, lovers talk, derivation, word-forming element.

Постановка вопроса. Ласкательные вокативы представляют собой лексические единицы, выражающие в своей семантике положительно оценочное отношение к партнеру, которому приписывают определенные добродетели, внешние и внутренние. Их примерами могут служить слова *Schatz/Schätzchen*, *Liebling*, *Herz*, используемые в ситуации интимного общения. Такое индивидуальное название любимого человека имеет древнюю традицию и подчеркивает особенности адресата, его непохожесть на всех остальных, выражает ласку, степень доверия к адресату. Э. Лайзи связывает значение специфического называния партнера при близких отношениях с традиционными представлениями о «магии имен», в соответствии с которой «человеческое имя стоит в центре круга магических представлений» и составляет существенную и необходимую часть человеческой личности [4, с. 27]. Выражая свои нежные чувства, коммуниканты при создании новых ласкательных вокативов проявляют блестящие творческие способности. Используя метафору Э. Лайзи, можно утверждать, что речь влюбленных просто «кишит» метафорами, уменьшительно-ласкательными словами и формами: *Ach du, mein kleines unschuldiges Lämmchen! Du hast uns beide unsagbar gequält, nicht wahr?; Aber es wird vorüber gehen, denn ich habe ja dich. Dich, du meine geliebte Frau!* В риторике влюбленных эти слова звучат как музыка сфер. М. Шнайдер называет их афродизиаками: влюбленные все время повторяют их, наслаждаясь их звучанием, они наркотизируют себя таким образом [5, с. 140]. Взаимное

«переименование» всегда индивидуально, вокатив не имеет порой общепринятого лексического значения, но это не мешает ему выполнять свою главную функцию – поднять близкого человека над повседневностью.

Непреходящая важность этой группы лексических единиц обусловила актуальность настоящей статьи, имеющей целью обратить лингвистический взгляд на уникальную семантику ласкательных вокативов, а именно: определить деривационные (семантические и словообразовательные) потенциалы ласкательных семем, используемых носителями немецкого языка, обосновать ценностные предпочтения социума в интимной сфере общения.

Семантическая деривация. Разнообразные лексико-семантические варианты ласкательных вокативов связаны между собой отношениями семантической деривации, к которой принято относить довольно широкий круг преобразований, самым частым и традиционным из которых является перенос наименования – метафора и метонимия. На основе метафорического/метонимического переноса рождаются корневые ласкательные вокативы, которые по своей семантике могут быть разделены на следующие группы обозначений.

1. Слова-фаунонимы, представляющие собой зоосемантические метафоры, эллиптированные сравнения, в которых подчеркивается особенное качество (*tertium comparationis*) – устанавливаемая эмпирическим путем общность поведения, внешних признаков, ощущений от восприятия двух объектов. Так, для метафоры *Maus*, употребленной по отношению к женщине, аспектом сравнения являются внешние качества: ей приписывают признак небольшого размера, проворности. Тем самым одновременно познается сущность человека, создается его образ и порождается новый смысл: вокатив *Maus* приобретает формальное значение "маленькое безобидное существо, нуждающееся в защите и заботе". При ласкательном употреблении слова *Bär* перенос осуществляется по признаку "большой, сильный", метафорический вокатив *Hase* основывается на признаке "мягкий, пушистый", возможно, не последнюю роль играет признак "половоактивный". *Tertium comparationis* при ласкательном употреблении слова *Tiger* является сила и дикий нрав, слова *Biene* - трудолюбие, слова *Katze* - изящность, слова *Spatz* - небольшой размер.

Названия животных в группе фаунонимов можно условно разделить на две подгруппы. С одной стороны, в качестве вокативов употребляются зооморфизмы, обозначающие крупных, хищных животных, которые в природе несут высокую степень опасности (*Tiger, Bär, Löwe*). Очевидно, что эти ласковые обращения направлены мужчине, и хотя их выбор происходит чаще всего интуитивно, за ними обязательно скрывается внутреннее (глубинное) семантическое согласование: такая метафорическая номинация "приручает" мужчину, большого и сильного во внешнем мире, способного за себя постоять в жизни, превращает его в безобидного "зверя".

С другой стороны, большая группа ласкательных фаунонимов включает слова, называющие небольших зверушек, птиц и насекомых (*Biene, Hase, Spatz, Igel, Küken*). Анализ слов этой группы показывает, что для использования лексемы-фаунонима в качестве ласкательного вокатива совершенно неважно, чтобы образ представителя фауны идентифицировался в сознании говорящего с положительными аксиологическими и эмоциональными характеристиками. Некоторые вокативы – наименования небольших животных/насекомых (как *Maus, Käfer, Frosch, Laus, Wurm, Motte, Cobra*) – вызывают при изолированном назывании скорее отвращение или страх, чем любовь, поэтому их появление не вписывается в классическую теорию метафоры – постулированным сходством между первым и вторым обозначаемыми. Наличие таких странных, на первый взгляд, ласкательных обращений объясняется влиянием факторов ситуативного и контекстуального характера: внимание номинирующего концентрируется на определенной детали, которая в исходной ситуации привлекает наибольшее внимание или имеет основополагающее значение: например, природная беспокойность адресата (*Wurm*), ядовитая язвительность (*Cobra*), беззаботность (*Motte*) и др.

Зависимость характеризующего значения метафоры от варианта образного воплощения предопределяет использование при отражении одного и того же предикативного признака разных ассоциативных образов: вспомогательные субъекты в ласковых обозначениях партнера фаунонимами, называющими небольших животных или птиц (*Hase, Maus, Kücken, Spatz*), не обладают контекстуальной взаимозаменяемостью, несмотря на общее значение (небольшой размер), поскольку названные вокативы имеют в системе национальных ориентиров различную коннотацию: в первом образе (*Hase*) небольшой размер сочетается с мягкостью, пушистостью, во втором (*Maus*) – с проворством, в третьем (*Kücken*) есть дополнительное указание на беспомощность, в четвертом (*Spatz*) – на задорность, непоседливость. Выбор лексемы в качестве ласкательного вокатива определяется только субъективным отношением говорящего к объекту сравнения.

2. За анималистическим обозначением любимых следует группа имен, в основе которых находятся метонимический перенос названия эротически привлекательных частей тела как *Muschel*, часто скрывающихся за диминутивными эвфемизмами: *Öffchen, Luftballönli, Paketchen, Pfläumchen, Artischöckchen*. Эротика, относящаяся к области эмоционального, являющаяся вершиной в отношениях пары, обладает огромной продуктивностью при создании новых слов и значений, специфических терминов соблазна, поэтому частный эротический лексикон влюбленной пары может быть очень богат.

3. Слова - названия сладостей: *Honig* и др. Причина появления таких "сладких" вокативов очевидна: сладкое - источник гормона счастья, влюбленные рассматривают друг друга как сладкий десерт (это в какой-то мере

связано с эротическими играми) и вербализуют в ласкательных именах искреннюю надежду на близость и обоюдные удовольствия. Кондитерские пристрастия не всегда уточняются, все многообразие возможного "сладенького" обобщается в вокативах *Süße/Süße (Sweet/Sweety)* или просто *Leckerchen*.

4. Слова - имена мифологических героев, библейских и сказочных существ (*Aphrodite, Amor, Amazone, Zeus, Venus; Engel, Fee, Cinderella, Dornröschen, Elfe, Nixe* и др.). Собранные в эту не очень распространенную группу мифонимы (онимические номинации) обозначают вымышленных, существующих лишь в воображении героев, которые однако прочно закрепились в сознании и наделяются определенными типичными для них качествами. Так, имя *Aphrodite* ассоциируется у каждого с представлением о необыкновенной красоте, *Amazone* – с представлением о независимости и т.д. Естественно, что для ласкательных номинаций выбираются героини, которые ассоциированы с однозначно положительной оценкой в сознании носителей языка. Налицо обожествление влюбленными друг друга, надделение друг друга сверхчеловеческими качествами, способностью сделать жизнь светлее, внести в нее элемент мечты, сказочности.

В этой же группе ласкательных метафор следует обозначить фикциональные имена – имена героев художественных произведений и кинофильмов, реже имена реальных людей, прославившихся чем-либо (*Alcapone, Alibaba, Casanova*). Прецедентные имена, используемые в нарицательном значении для характеристики партнера, имплицитно ассоциирующие говорящему качества, как, например, у Казановы – сексуальная неистощимость, с одной стороны, и чувственность, сентиментальность, с другой стороны.

5. Слова - названия небесных светил: *Stern, Sonne*. Небольшое количество слов этой семантической группы с лихвой компенсируется их "высотой", недостижимостью. Возлюбленный/ая рассматривается как центр Вселенной, как путеводная звезда, освещающая путь. Возможно, в использовании таких метафор проявляется некая "предписанность" романтической любви, о которой много говорят исследователи: любовная литература формирует наши представления о том, какой должна быть любовь и как она должна "произноситься".

6. Слова - названия драгоценных камней и металлов, обозначения сокровища в целом: *Schatz, Rubin, Juwel*. Причина появления таких ласкательных вокативов не вызывает сомнений – золото и драгоценные камни испокон веков играют огромную роль в истории человечества, из-за них начинались войны, менялись правительства, египетские фараоны уносили их с собой в загробную жизнь. Древние ацтеки считали, что золото излучает божественную силу, проистекающую от солнца. Называние любимого человека сокровищем поднимает его на невидимый пьедестал, бессознательно превращает его в объект слепого поклонения (ср. "поклонение зо-

лотому тельцу"). В использовании этой метафоры, особенно в сочетании с притяжательным местоимением, проявляется стремление владеть любимым человеком, как владеют сокровищами. Р. Барт писал о состоянии, когда влюбленный "без конца хочет присвоить в той или иной форме любимого человека" [2, с. 149]. Неудивительно, что ласкательный вокатив *Schatz* является самым распространенным среди возможных в языке немецкоговорящих влюбленных.

8. Слова - названия растений (флористические метафоры). Цветочная метафора в качестве ласкательного вокатива (от гиперонима *Blume (Blumlein)*) до самых разнообразных гипонимов: *Butterblume, Gänseblümchen, Glitzerblume, Honigblume, Kirschblüte, Maiglöckchen, Kaktusblümchen, Rose*) адресована, безусловно, женщине: цветы являются олицетворением радости, нежности, изящества. Наиболее любимым цветочным образом в интимном общении является роза с вариациями *Röschen, Rosenblüte, Roserle*, цветок, с одной стороны, символизирующий божественное совершенство, гармонию и олицетворяющий, с другой стороны, земную страсть и чувственность.

9. Слова - названия мягкого, приятного на ощупь материала или его элементов – ворсинок, ниточек, пуха: *Fussel, Fuzzi, Flauschi* и т.п. Появление таких ласкательных вокативов объяснимо – нежное прикосновение к коже - одно из самых приятных ощущений, которые нам дано испытать, это фундаментальный язык любви. Называние партнера элементом объективного мира, способным доставить тактильное наслаждение, основано либо на личном тактильно-эротическом опыте пары, либо на особенностях внешности одного из партнеров (например, пушистые волосы).

Словообразование. Метафорические преобразования значения часто сопровождаются активными словообразовательными процессами. Перенос наименования с предмета или животного на обозначения человека является, безусловно, эффективным способом характеристики последнего, но часто оказывается недостаточным для выражения интимного положительного отношения к субъекту оценки. В таких случаях эмоциональное воздействие метафоры усиливается посредством прибавления к ней еще одной положительно заряженной семы, создающей новый ласкательный вокатив (*Herzschnuppe, Mondscheinengel* и т.п.), и уменьшительно-ласкательных суффиксов *-chen, -lein, -i, -le/-li, -che/chi, -erl*, вносящих в семантическую структуру слова эмоциональную оценку положительного свойства: *Mausi, Tigerchen, Katerle, Hasilein, Hascherl*. Важно подчеркнуть, что наличие диминутивного суффикса не ограничивает семантику ласкательного вокатива "уменьшением" размера партнера (*Tigerchen = ein kleiner Tiger*), эта функция нейтрализуется при использовании зоометафор от наименований животных, имеющих априори небольшой размер (*Mausi, Hasilein*). Диминутивные суффиксы в таких словах реализуют скорее свое второе - ласкательное - значение, актуализируют эмотивное отношение го-

ворящего к партнеру, выражают ласку, симпатию. Очевидна специфическая прагматичность ласкательных вокативов с диминутивными суффиксами, включение адресата в личную сферу говорящего [1, с. 146].

Необыкновенно разнообразны словообразовательные модели сложных (составных) ласкательных вокативов, которые, как правило, являются определительными композитами. Каждая из названных выше семантических групп ласкательных вокативов имеет специфический перечень детерминирующих компонентов. Например, для зоометафор характерны в качестве определяющих отглагольные морфемы *Bumse-*, *Schmuse-*, *Kuschel-*, *Knutsch-*, *Knuddel-*, отсылающих наше восприятие к действиям влюбленных в ситуациях интимного общения: *Schmusekater*, *Knutschibär*, *Kuschelmaus*. Часто подобные элементы становятся частью зооморфизмов, обозначающих крупных животных и адресуются мужчине. Такая словообразовательная операция одновременно меняет характер референта, превращает мужчину, большого и сильного во внешнем мире (*Bär*, *Tiger*), способного постоять за себя в жизни, в плюшевую игрушку, абсолютно укрощенного, усмиренного любимой женщиной "ласкового и нежного зверя" (*Kuschelbär*, *Knutschibär*, *Kosebärchen*, *Kuscheltiger*, *Knuddeltiger*), сосредоточенного на интимных действиях (*Bumsebärchen*) и т.д. Нередко отглагольная морфема в составе сложного вокатива используется и для индивидуальной характеристики партнера, выводит на передний план его специфические черты, особенности личности или поведения: *Brummbärchen* (ворчливый мишка), *Grinsebär* (хитро улыбающийся мишка), *Hoppelbär* (мишка-попрыгун). При всех индивидуальных характеристиках ядром семантической структуры таких вокативов остается сема "большой, сильный, но безобидный зверь".

Такую же функцию индивидуальной характеристики партнера выполняют отыменные морфемы, уникализующие его метафорическое название: *Chaosbär* (беспорядочный мишка), *Bussibärchen* (ласковый мишка, любящий поцелуи), *Flauschbärchi* (мягкий мишка), *Glücksbärchi* (мишка, приносящий счастье), *Fratzmaus* (мышка-шалунья). При назывании партнера именем небольших малопрятных животных или насекомых детерминирующим элементом часто становится "приятный" отыменной компонент *Zucker-*, *Gold-*, *Herz-*, "улучшающий" общее значение слова до наивысшей степени: *Goldkäferchen*, *Herzkäferchen*, *Honiglaus*, *Honigmaus*.

Среди фаунонимов-комполит встречаются специфические вокативы, в основе которых лежит метонимический перенос *pars pro toto*, – лексемы, называющие часть животного – его лапку, хвост, ухо или даже зуб: *Hasenpfötchen*, *Hasenöhrchen*, *Hasen-/Mausezähnenchen*, *Hasenzeh*, *Mauseschwänzchen*, *Mauseherzchen*, *Mausefüßchen*, *Mausebeinchen*, *Igelschnäuzchen*. Трудно найти рациональное объяснение такому необычному выбору лексем для называния любимого человека (как правило, женщины). Вероятно, одной из причин может быть стремление влюбленного мужчины стать

быть большим и сильным, чтобы защищать свою избранницу от всех жизненных невзгод и напастей. В этом случае женщина рассматривается как объект защиты и заботы, маленькое беспомощное существо, вызывающее бесконечное умиление, при обращении к которому требуется крайняя диминутивность. В использовании таких вокативов проявляется та самая "бесконечная метонимия" нежности, когда "каждая часть тела любимого, даже до крайности неуловимая (чуть выщербленный зуб, прядь волос и пр.), вызывает изумление и обожание" [2, с. 172].

В группе зоометафор следует выделить еще одну подгруппу составных вокативов, обозначающих странных животных, "невиданных зверушек": *Hasibär/le*, *Mausebär/chen/le* и т.п. Их достаточно много, за ними, как правило, стоит нечто интимное, специфически кодированное в языке каждой отдельной пары. Названные выше вокативы констатируют наступление в жизни влюбленного референта фазы укрощенности его дикой и агрессивной природы (*Bär, der ganz lieb und kuschelig wie ein kleines Häschen ist; Bär, der klein und hilflos wie eine Maus ist*). "Гибридный" вокатив *Mauseschnuckelchen* объединяет в одной единице качества, наиболее важные для влюбленного в партнере – мягкость и покладистость (*Schnuckelchen*), с одной стороны, и незащищенность маленького животного (*Maus*), с другой. Наличие таких слов доказывает мысль о том, что частный код влюбленных представляет собой "языковое месиво", "область смятения, где языка одновременно оказывается и слишком много и слишком мало" [2, с. 278]. Необходимость выразить много смыслов в краткой форме заставляет влюбленных искать нешаблонные, неконвенциональные средства вербальной ласки.

Наблюдения показывают, что при создании сложных ласкательных вокативов проявляется весь творческий потенциал пользователей языка. Все названные выше семантические группы корневых ласкательных вокативов легко "скрещиваются" между собой, образуя новые лексические единицы индивидуального использования, своего рода авторские неологизмы. Наиболее популярными определяющими компонентами в таких новообразованиях являются лексемы *Glücks-*, *Herz-*, *Engels-*, *Gold-*, *Honig-*, *Liebes-*. Они сочетаются с элементами из разных семантических групп, называющих части тела (*Engelshaar, Engelsauge, Honigmäulchen*), обыденные предметы объективной реальности (*Goldstück, Goldfederchen*), названия кондитерских изделий (*Glückskekchen, Honigkuchen*), названия сказочных персонажей (*Glücksprinz, Herzkönigin*), названия животных (*Goldspatz, Engelmaus*) и др. "Эмоциональный паводок", захлестывающий влюбленных, приводит к значительному увеличению эмоционально-оценочной «плотности» ласкательных вокативов [3, с. 150]. Речь идет о некой конвергенции эмоционально-оценочных элементов в рамках одной лексической единицы, дублирующих друг друга, интенсифицирующих содержание вокатива (*Herzgoldkirsche, Mondscheinengel, Goldplätzelperlchen, Hasiputzischatzima-*

si, *Leckersüßehonigkuchenmirabelle*), что говорит о недостаточной эмотивности любого элемента для адекватного выражения сиюминутной эмоции.

Отдельно следует сказать несколько слов о непостижимой для восприятия внешнего наблюдателя группе ласкательных вокативов на основе слова, использующегося в "нормальной" жизни для стилистически маркированного (грубого) обозначения громких выделений газа кишечника: *Pup(s)* с вариациями *Pupsi*, *Püpschen*, *Hasenpfurz/-pups (Hasipups)*, *Knuddelpups*, *Pupsmaus/-bär*. Первоначально эта лексема использовалась как ласкательный вокатив только по отношению к грудным детям, неспособным сознательно регулировать собственную физиологию. Далее произошел, очевидно, метонимический перенос – с действия, произвольного совершаемого младенцем на самого младенца. На основе этого переноса возникла прочная когнитивная связь между словом и образом крепкого, пухлого розовощекого малыша (в этом значении слово было заимствовано русским языком, ср.: *пупс (пупсик, пупсёнок)* – *кукла в виде маленького голлого ребенка*). И далее уже на основе этого нового (пока еще не зафиксированного словарями) значения происходит следующий этап в развитии семантики вокатива *Pups* – метафорическое называние любимого человека, представляемого существом, нуждающимся в заботе. В использовании такого странного варианта ласкательного имени в очередной раз проявляется факт «слепоты» любви: мозг влюбленного человека теряет способность к критическому анализу окружающей действительности. Он буквально все видит «через розовые очки» и очень эмоционально реагирует на все, что ему нравится, не замечая того, что раньше вызывало у него неприязнь или даже отвращение. И естественно, наиболее интенсивно это проявляется в том случае, если рядом с ним оказывается объект его обожания. Поэтому следует просто акцептировать наличие таких вокативов и подивиться фантазии и силе воображения влюбленных, для которых даже физиологические подробности деятельности организма получают определения с наивысшей степенью положительной оценки: *Honigpupserchen*, *Schatzripusi*. Ведь важно, что такие вокативы выполняют свою главную – эмотивную – функцию и выражают ласку, нежность, симпатию по отношению к именуемому, а их внутренняя форма становится практически не востребуемой (как и в вокативах, акцентирующих отрицательно оцениваемые «нормальными» людьми особенности внешности и характера как *Dickerehen*, *Brummel*, *Flusspferd*).

В заключение следует сказать о группе вокативов, не поддающейся классификации, – словах с индивидуальной историей. Степень оригинальности при придумывании индивидуальных ласкательных вокативов различна и зависит от словотворческих способностей и умений именуемого. Здесь встречаются как непроемные слова, так и слова, образованные при помощи суффиксов или словосложения: *Schadibu*, *Schmüderli*, *Fui*, *Pip*, *Bobole*, *Nanu*, *Ladli*, *Mimeli*, *Sputz*, *Glogu*, *Knutschiwutschi*, *Knuddelmuddel/-*

wuddel, Knuffelpuffel, Utzibutzi и т.п. Расшифровать эти слова невозможно, они бессмысленны. Они возникают *ex nihilo* и являются либо результатом сильного эмоционального возбуждения именуемого, который не удовлетворяется сравнением любимого человека с милым животным, ангелом или золотым слитком. Вербальная любовь облекается в этом случае в форму некоторого ряда звуков, которое нам напоминает общение с детьми («сюсюканье»). Либо новое имя дается ситуативно с опорой на какой-то известный только влюбленным факт, остающийся тайной для окружающих. Примером такого тайного вокатива могут служить примеры *Taf-Taf* – акроним восторженного *die tollste aller Frauen*, или *LoWu* – аббревиатура вокатива *Lockenwürmchen*.

Изложенное выше показывает, что ласкательные вокативы представляют собой специфический элемент частного языкового кода влюбленных, они являются символами любви и интимности. Основанием для их появления являются эротические переживания, связанные с сексуальным влечением, благожелательность и заботливость в отношении к партнеру, нежная романтичность и благоговение, восхищение и самозабвенное любование партнером. Являясь своего рода золотыми ключами к миру, где существуют только двое и где всё пропитано неповторимой атмосферой и уникальными ритуалами, ласкательные вокативы облекаются в необыкновенно трогательные формы, понятные и приятные близкому человеку. При их создании используется все богатство словотворческого потенциала языка, приводятся в действие механизмы создания метафорических и метонимических образов, которые «украшаются» специфическими словообразовательными элементами и соединяются в многочленные композиты для повышения степени эмоционального воздействия на адресата. Так незлегантный на первый взгляд элемент словаря влюбленных («телячьи нежности») в определенных коммуникативных условиях становится очаровательным, игривым и оригинальным. Безусловно, частный словарь пары не ограничивается ласкательными вокативами, он включает еще много других достижений семантики любви (например, обозначения и выражения, позволяющие влюбленным тайно выразить мысли), которые должны стать предметом рассмотрения в следующих публикациях автора.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. – М.: Языки славянской культуры, 1995. – Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография.
2. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. – М.: Ad Marginem, 1999.
3. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: ВГУ, 1987.
4. Leisi E. Paarsprache. Linguistische Aspekte der Zweierbeziehung. – Heidelberg: Quelle und Meyer, 1978.
5. Schneider M. Liebe und Betrug: Die Sprachen des Verlangens. – München; Wien: Carl Hansen, 1992.

Статус интерфиксации в разносистемных языках

В статье рассматривается статус интерфиксации в разносистемных языках. Интерфиксация чаще встречается во флективных языках, но языковые факты, рассматриваемые в статье, утверждают, что этот вид аффиксации когда-то был употребителен и в других языках. В современную эпоху во многих языках встречаются рудименты интерфиксации, которые требуют исторического подхода к проблеме. В статье интерфиксация рассматривается на материале русского, английского, азербайджанского и испанского языков.

In the article is discussed the status of interfixation in different system languages. Interfixation is a unique kind of affixation, which is more frequently found in inflected languages. But the linguistic facts considered in this article are argued that this kind of affixation was once widely employed in other languages, in modern times there are many language with rudiments interfixatio and this fact requires a historical approach to the problem. Here the status of interfixation is considered on basis of materials Russian, English, Azeri and Spanish languages.

Ключевые слова: интерфикс, словообразование, деривация, корневая морфема, степени прилагательных.

Key words: interfix, word formation, derivation, the root morpheme, the degree of movement of adjectives.

Во многих языках аффиксация выступает как ведущий морфологический способ. Можно сказать, что во всех языках мира аффиксация как морфологический способ занимает ведущую позицию в выражении грамматических связей. Например, термин аффикс З. Алиева определяет таким образом: «Аффикс – этот формант может выполнять две функции: а) образовывать новые слова и выступать в лексико-грамматической функции; б) изменять грамматическую форму слова и носить функционально-грамматический характер» [9, с. 263]. Аффиксы не существуют в языках вне слов, они сопровождают корень, служат для словообразования и словоизменения. Во многих языках аффиксы выступают как один из морфологических способов словообразования, но роль в словообразовании аффиксов в разных языках не одинакова. В агглютинативных языках (где корень слова стабилен и расчлняем) больше всего в словообразовании встречаются постфиксы, а во флективных языках эту роль в большинстве выполняют префиксы, инфиксы и т.д.

Конечно, говоря о морфологическом способе словообразования во флективных языках, мы сталкиваемся с иной ситуацией. Во флективных

языках корнем называется часть слова, не расчленяемая с морфологической точки зрения, но в то же время не обладающая лексическим значением и не способная в отдельности употребляться как самостоятельная лексическая единица. К примеру, в русском языке корнем слова «видеть», считается «ви-», а слова «знать» – «зна-». В таких языках корень и аффикс настолько взаимозависимы, что не могут по отдельности употребляться в языке и здесь, в отличие от корня слова, его основа имеет тенденцию вечно изменяться (принимать флексию).

Но в современных тюркских языках (а также в других агглютинативных языках) для корня и основы нет отличающихся друг от друга языковых фактов [10, с. 45]. З. Алиева в своей монографии «Прилагательное в тюркских языках», раскрывая суть понятий корень и основа, отмечает отношение к этой проблеме тюркологов XIX века: «Г. Вамбери к термину корень относился с большой осторожностью и старался заменить это выражение словами типа основной слог, основа. Г. Вамбери об этом писал следующее: «Я считаю, что в тюркских языках к выражению "корень" надо подходить с осторожностью». Потому что корни иногда состоят не только из корня слова, но и из «корня и словообразовательных аффиксов». Ученый, отдавая предпочтение термину основа, считал последний термин более приемлемым [9, с. 260]. Г.И. Рамстердт, так же, как и Г. Вамбери, относительно тюркских языков считал приемлемыми только понятия основа и аффикс [4, с. 40 – 42]. Автор, рассматривающий проблему с исторической точки зрения, считает, что каждый корень является принятой в историческом плане основой, то есть состоит из корня и словообразовательного аффикса.

В отличие от тюркских языков, в арабском языке корень слова состоит только из согласных звуков, которые считаются конструкцией слова. Стоит только заменить некоторые гласные в произношении, и лексическое значение слова меняется, образуя новую лексическую единицу. Даже в таких языках аффиксы тоже участвуют в словообразовании, образуя определенную парадигму. То есть на уровне словообразования аффиксы, группируясь по семантическому объему, образуют определенную систему. Но, в связи с тем, что их позиции в различных языках не одинаковы, выделяются несколько видов аффиксов. Например, А.В. Михалев, говоря об аффиксации в словообразовании, отмечает следующие разновидности: способ суффиксации: *учит-ель, водит-ель*; способ префиксации: *пра-дед*; способ постфиксации: *мыть-ся, бодать-ся*; способ префиксально-суффиксальный: *при-мор-ск-ий*; способ суффиксально-постфиксальный: *горд-ить-ся* и др. [3, с. 36]. В языкознании аффиксальные морфемы разделяются на префиксы, суффиксы, интерфиксы и постфиксы. А.В. Михалев же, по-видимому, в этот список добавил синтезированные варианты, которые встречаются в русском языке.

Отметим, что в агглютинативных языках аффиксы могут занимать разную позицию по отношению к корню, то есть в этих языках аффиксы могут выступать и как суффиксы (постфиксы), и как префиксы. Но в определенном языке наблюдается преимущественное использование одного их типа – или постфиксов, или префиксов, или же исключительное использование лишь одного из них. Синтезированные варианты аффиксации наблюдаются очень редко.

Интересный факт, что в русском языке встречаются и комбинированные формы аффиксации, как указывает А.В. Михалев в своем исследовании [3, с. 36]. К примеру, одновременное участие и интерфиксов, и префиксов, и суффиксов в формировании одного слова: например, рыбопромышленник, конногвардеец, скотоводство и др. В первом из приведенных примеров одновременно используется интерфиксация, префиксация и суффиксация (*рыб-о-про-мышл-ен-ник*), во втором и третьем примерах – интерфиксация и суффиксация (*кон-н-о-гварде-ец*, *скот-о-вод-ство*). Из этих примеров видно, что интерфиксы активно участвуют в деривационном процессе русского языка.

При рассмотрении исследований, ведущихся относительно особого вида аффиксов-интерфиксов, мы становимся свидетелями неоднозначного его восприятия в мировой лингвистике. С этой точки зрения считаем целесообразным более широкое освещение интерфиксов в своей статье. Потому что многие исследователи-лингвисты в своих трудах не указывают определенную грань между соединительной морфемой и интерфиксами. Интерфикс – это такая разновидность аффикса, которая активно участвует в словообразовании. Иначе говоря, интерфикс (*inter-в*, *внутри*; *fixus-соединитель*) – это соединительная словообразовательная (лексическая) служебная морфема, не имеющая собственного значения.

Как отмечает А.А. Реформатский, в русистику термин «интерфикс» ввел А.М. Сухотин [5, с. 266]. В русистике под интерфиксом подразумеваются соединительные гласные и согласные звуки: *лес-о-степь*, *стал-е-вар*, *пол-у-круг*, *суди-л-ище*, *жи-л-ец*, *пе-в-ец* и др. В словах подобного типа соединительная морфема может даже принимать форму, соответствующую грамматическим показателям первого компонента: *дв-ух-этажный*, *перекат-и-поле*, *тр-ех-рублевый*. В то же время интерфикс может быть и нулевым: *вольт-метр*. Интерфиксы вводятся в слова чаще всего на основе аналогии, сравним: *будущ-н-ость*, *насущ-н-ость*, *ялт-ин-цы*, *чит-ин-цы*.

В русском языке интерфиксация служит не расширению звуковой оболочки слов, а является фонетическим приспособлением, адаптацией суффиксов корню слова и, обуславливая выбор соответствующей основе флексии, служит образованию морфо-семантических аналогов. Именно с этой точки зрения В.П. Изотов, говоря о морфологических способах, называет интерфиксы морфемоидами [2, с. 11].

Н.Д. Арутюнова, ссылаясь на мнение Л. Карретора, отмечает, что последний, говоря о роли интерфиксов в словообразовании, называет их элементами «стереотипического словообразования» (*estereotipia*) [1, с. 55].

В общем и целом, интерфиксы лишены постоянной семантической и грамматической функции. В этом отношении они находятся в позиции, более близкой к фонемам. По этой причине определение интерфикса как структурной морфемы встречается неоднозначно. Я. Малкиел, рассматривающий интерфиксацию в широком плане, еще больше расширив понятие морфемы, включает в их состав также асемантические и пассивные в грамматическом отношении элементы [8, с. 185]. М. Аронофф тоже относит интерфиксы к морфемам [6, с. 15].

Но некоторые филологи (например, Л. Бауер) относят интерфиксы к выявленным во время морфологического анализа слова дистрибутивным сегментам [7, с. 16 – 21]. Другая группа специалистов, говоря об интерфиксе, относится к нему как к элементу морфонемы и отмечает, что его основная функция заключается в обеспечении благозвучности (ассонанса) в звуковой оболочке слова. Естественно, что, как уже отмечалось выше, если мы будем опираться на это мнение, то в таком случае окажемся перед необходимостью принятия всех соединительных фонем за интерфиксы. Такое мнение неверно.

Интерфиксы широко используются и в современном испанском языке: *adorm-il-arse* «дремать» (от глагола *dormir* – «спать»), *com-isc-ar* «вызвать перестрелку, ссору» (от глагола *comer* – «есть»), *mull-isc-ar* «вздувать, вспенивать» (от глагола *mullin* – «смягчать») и др.

Как видно из приведенных примеров, интерфиксы в этом языке выражают степень движения, динамичность деятельности. В испанском языке отмечается около 100 интерфиксов. В этом языке некоторые суффиксы (например, *-on*) присоединяются к словам при помощи 40 различных интерфиксов: *tach-ac-on* (махаон), *corp-acti-on* (уплотнение) и др. Некоторые интерфиксы же (например, *-ar*) употребляются с 14 (четырнадцатью) различными суффиксами: *viv-ar-acho* (спарки), *espumar-ajo* (вспенивание), *hoj-ar-asca* (мусор) и др. [1, с. 54]. Значит, в испанском языке интерфиксы могут выражать то деривационное значение без изменения реляционного, то реляционное без изменения деривационного.

Но в сравнении с русским языком интерфиксы – это элементы словообразования. Иногда в русском языке в формировании превосходной степени прилагательных интерфиксация неизбежна, в результате чего образуются слова с новыми лексическими значениями. Например, *длинный* – *длиннющий*, *широкий* – *широченный*, *толстый* – *толстущий*, *высокий* – *высоченный* и др. В то же время этот факт можно отнести и к диминутивам в русском языке: *малый* – *маленький* – *малюсенький*, *короткий* – *коротенький* – *коротюсенький*. Отметим и то, что несмотря на отсутствие упоминания интерфиксации в ряду морфологических способов,

характерных для азербайджанского языка, в этом языке так же, как и в русском языке, можно встретить рудименты интерфиксации в формировании степеней сравнения прилагательных. Из азербайджанского языка в качестве примера можно привести форму превосходной степени *ağappağ* (белоснежный) прилагательного *ağ* (белый). Правда, в связи с ограниченным количеством подобных случаев в азербайджанском языке давать какое-то пояснение было бы неправомерным.

С этой точки зрения мы не соглашаемся с мнением Ф. Вейсалли о том, что в азербайджанском языке некоторые гласные выступают как интерфиксы. Так, Ф. Вейсалли отмечает, что интерфикс – это корневая морфема, стоящая между двумя корнями. Ее функция заключается в объединении. Например, в азербайджанском языке при прибавлении к корневой морфеме, оканчивающейся на гласную, аффиксов родительного и винительного падежа используются соединительные согласные *-s-* и *-n-*: *təna-s-ı* (смысл чего-то), *təna-n-ı* (смысла чего-то) и др. Согласный *-s-* в немецком языке (*arbeits-tag* – будний день) и гласные *-e-* и *-o-* в русском языке (лес-о-руб) являются морфемами подобного типа. Далее Ф. Вейсалли отмечает, что и аффиксы, выступающие в формально-структурной или формально-разделительной роли, тоже называют интерфиксами. Например, *-ə-* и *-a-* в словах *gəl-ir-ə-m* (иду), *al-ir-a-m* (покупаю) азербайджанского языка относятся к интерфиксам [11, с. 195].

В азербайджанском языке в роде подобного типа фонем выступают и соединительные согласные *-n-*, *-y-*, *-s-*. Отметим, что в отличие от других языков в азербайджанском языке не встречаются соединительные звуки, выраженные гласными, и их неправомерно классифицировать как корневые морфемы. О наличии подобных гласных мы можем говорить лишь в историческом аспекте. Опираясь на мнение Ф. Вейсалли [11], должны отметить ещё один момент, а именно то, что наличие в азербайджанском языке закона сингармонизма влияет и на процесс присоединения морфем к корням слов, и аффиксы, согласно этому закону, пишутся в двух или в четырех вариантах (*-ə²*, *-ı⁴*). В то же время сказанное не даёт каких-либо оснований для причисления вышеотмеченных согласных к интерфиксам. Так, интерфиксы, присоединяясь к слову, служат в то же время и для придания последнему какого-то нового значения. Но приведенные в качестве примеров из азербайджанского языка *-n-*, *-y-*, *-s-*, а также соединительные фонемы *-ə-*, *-a-* служат приданию звукового состава слова благозвучия, текучести, музыкальности. Таким образом, отметим, что интерфиксы – это элементы словообразования.

Некоторые исследователи и особенно специалисты по испанскому языку в течение долгого времени, отрицая наличие интерфиксов в этом языке, предпочитали вместо интерфиксов говорить о сложных формах определенных суффиксов. Но после исследований Я. Малкиела [8] наличие интерфиксов в испанском языке начало признаваться. Таким образом, ис-

панская морфология, превратившая интерфиксы в объект более широкого исследования, расшатала основу имеющих в этой области мнений. Н.Д. Арутюнова отмечает, что в конечном итоге большинство авторов, исследующих эту проблему, приняло интерфиксы, являющиеся минимально «распознаваемыми» или «принимаемыми» единицами, за морфемы [1, с. 56].

Со ссылкой на рассмотренные исследования подобного типа можем сказать, что особенностями, которые относятся к компонентам, принятым как интерфиксы, являются следующие: 1) форма интерфикса не зависит от синтаксической функции слова, то есть интерфикс не воздействует на синтаксические связи и отношения слова с другими лексическими единицами; 2) интерфикс занимает позицию между основой слова и суффиксом или флексией.

С этой точки зрения к числу интерфиксов не относятся соединительные гласные (*barb-i-gubbio*), фонемы, отделяющие префиксы от основы слова, и фонемы, находящиеся в составе слова.

Что касается азербайджанского языка, должны отметить, что здесь интерфиксы встречаются в редупликативных словах. Это можно наблюдать в основном в процессе образования имен существительных от глаголов и наречий. При этом используются внутренние аффиксы типа *-ha-*, *-a*, *-ba-*. Например: *qovhaqov* (спешка), *basabas* (давка), *dalbadal* (последовательно) и др.

В некоторых случаях интерфиксы могут быть похожи на фонемы, но они не выражают регулярные связи между определяющим и определяемым. Вместе с тем интерфиксы оказывают определенное воздействие на семантику слов и преимущественно служат созданию слов с экспрессивным значением. Поэтому интерфиксальные слова в предложении чаще всего относятся к предикативному полюсу в связи с тем, что интерфиксы, будучи лексическими аффиксами, выступают в качестве компонента сложных слов. И наряду с этим они выполняют функцию соединительного аффикса между корнем и лексической морфемой, поэтому их можно разделить на два вида: 1) интерфиксы, образующие сложные слова (например, *gal+ha+gal* в азербайджанском языке; *птиц+e+ed* в русском языке; *speed+o+meter* в английском языке) и 2) интерфиксы, связывающие корень слова с лексическим аффиксом (*кофе+й+ный*, *кино+ш+ный* и др. в русском языке). С учетом того, что интерфиксы мы оценили как лексические аффиксы, морфемы второй группы можно назвать и грамматическими интерфиксами. Но подчеркнем, что даже в этой позиции они всё же служат словообразованию.

К числу интерфиксов можно отнести и изафет персидского языка. Но то обстоятельство, что единицы, формируемые с участием изафета, в этом языке находятся ближе к словосочетаниям, вызывает сомнение в том, в какой степени их можно отнести к интерфиксам.

Из изложенных материалов можно сделать такие выводы.

В русском языке интерфиксы особую роль играют в формировании новых слов, особенно в создании сложных слов.

В испанском языке интерфиксы могут выражать то семантические (образуя новые слова), то грамматические отношения (соединяясь с суффиксами).

Несмотря на то что, в азербайджанском языке в научной литературе интерфиксы не рассматриваются, все же их роль в словообразовании нельзя отвергать. Так как в формировании редупликативных слов на основе глагола интерфиксы обязательны. В таких словах интерфиксы выражают степень движения, динамичность деятельности, как и в испанском языке.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Проблемы морфологии и словообразования (на материале испанского языка). – СПб.: Знак, 2007.
2. Изотов В.П. Уровневая организация способов словообразования. – Орёл: Орловский гос. ун-т, 1996.
3. Михалев А.В. Общее языкознание: история языкознания. – М.: Флинта: Наука, 2005.
4. Рамстедт Г.И. Грамматика корейского языка. – М.: Наука, 1951.
5. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: Просвещение, 1967.
6. Aronoff M. Morphology by itself: stems and inflectional classes (Linguistic Inquiry monograph). – Cambridge, MA.: MIT Press, 1994.
7. Bauer L. English word-formation. – Cambridge: Cambridge university press, 1983. – XIII.
8. Malkiel Y. Essays on Linguistic Themes. – Oxford: Blackwell Press, 1968.
9. Əliyeva Z. M. Türk dillərində sifət. – Bakı: Elm və Təhsil, 2011.
10. Seyidov Y. Əsərləri. IX cild, 15 cilddə. – Bakı: Bakı Universiteti, 2011.
11. Veysəlli F. Y. Dil. – Bakı: Təhsil, 2007.

**О возможности экспликации семантической характеристики
неопределенного местоимения *some*
в английских публицистических текстах**

В статье сравниваются разные точки зрения на частеречный статус неопределенных местоимений английского языка в отечественной и зарубежной лингвистике, представлены и проанализированы их классификации. Дается определение полевого подходу и теории семантических полей, исследуется функционирование неопределенного местоимения *some* в английских публицистических текстах.

The research deals with the analysis of various linguistic viewpoints concerning English indefinite pronouns and their status in modern linguistics. The field approach and the theory of semantic fields are viewed as well. The functioning of the English indefinite pronoun *some* in a publicistic style is investigated.

Ключевые слова: неопределенные местоимения английского языка, полевой подход, теория семантических полей, неопределенное местоимения *some* и его функционирование в английских публицистических текстах.

Key words: indefinite pronouns in English, field approach, theory of semantic fields, functioning of the indefinite pronoun *some* in English newspapers and magazines.

Вопрос о выделении класса неопределенных местоимений в современном английском языке является на сегодняшний день открытым. Известно, что на данный момент не существует четкого перечня неопределенных местоимений как в отечественной, так и в зарубежной англистике. Дело в том, что разряд неопределённых местоимений не имеет четкой структуры, и границы его состава не ясны. Проблема осложняется дискуссионным частеречным статусом местоимений в целом.

Пестрота морфологических категорий и синтаксических функций явилась причиной разногласий между лингвистами в вопросе существования местоимений как части речи [2, с. 44 – 45]. Так, например, неопределённые местоимения, по мнению таких языковедов как И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов, представляют собой разряд местоимений, указывающих на некий предмет или лицо без его идентификации. Этот разряд не имеет четкой структуры; однако ядро его составляют местоимения *some, any, no* и их производные – *something, anything, nothing; somebody, anybody, nobody; someone, anyone, no one* [2, с. 44 – 45].

Похожей точки зрения придерживается В.Л. Каушанская. К английским неопределённым местоимениям она относит *some, any* и их производные, и местоимение *one*. Такие местоимения как *all, each, every* (и его

производные), *either, both, other, another* она называет «defining pronouns» или «определяющие местоимения», или «местоимения–определители» (determiners) [4, с. 79 – 86].

Что касается местоимений *no, none, nothing, no one, neither, nobody*, то она определяет их как «negative pronouns» (отрицательные местоимения) и также выделяет их в отдельную группу [4, с. 79 – 86].

В.В. Гуревич утверждает, что в класс местоимений, выражающих неопределенность, входят *some, any* и их производные *once, somewhere, somehow*, а также такие местоимения, как *all, every, each*, выражающие обобщенность [1, с. 21 – 25].

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод о том, что действительно на данный момент нет единой точки зрения по поводу класса неопределенных местоимений английского языка, и каждый из грамматистов придерживается своего мнения.

Обратимся к анализу мнений по данному вопросу зарубежных коллег, в частности английских и американских грамматистов. Д. Бибер, С. Джонсон, Дж. Лич, С. Конрад и Э. Файнгэн являются известными профессорами в области теоретической и прикладной лингвистики и также авторами такого учебного пособия, как «Longman Grammar of Spoken and Written English». В этом пособии они делают оговорку, что исторически большинство неопределенных местоимений представляли собой словосочетания (noun phrases), а именно они состояли из квантификатора и существительного в общем значении, поэтому квантификаторы и неопределенные местоимения тесно взаимосвязаны и часто их формы совпадают, (например *some, any, both*) [9, с. 273 – 280].

К неопределенным местоимениям они относят 4 основные группы: *every, some, any, no*, которые по своей природе являются квантификаторами и их производные, а производные, в свою очередь, были образованы от этих квантификаторов. Поэтому неопределенные местоимения и квантификаторы имеют одинаковые формы, но разное функционирование. Остальные неопределенные местоимения они относят к квантификаторам или детерминативами (местоимения-определители) без разницы в их значении, например, *all, both, each, every, many, much, some, little, a little, few, a few, either, neither*, выделяя их в разные группы:

- 1) инклюзивные (inclusive) *both, all, each, every*, e.g.: *all that money*;
- 2) квантификаторы, обозначающие большое количество (large quantity) *much, many*, e. g.: *Much attention*;
- 3) квантификаторы, обозначающие умеренное или малое количество (moderate or small quantity) *some, little, a little, few, a few*, e.g.: *some money*;
- 4) квантификаторы, обозначающие произвольное или отрицательное количество (arbitrary/negative number or amount) *any, either, no, none, neither*, e.g.: *Neither method is entirely satisfactory*.

Что касается такого слова, как *one*, то данные лингвисты рассматривают его либо как «слово–заместитель» вместо имени существительного для того, чтобы не повторять его еще раз, либо как «местоимение с обобщенным значением», которое употребляется для описания людей в общем смысле (generic one), e. g: *One doesn't raise taxes with enthusiasm, but the alternative in public sector borrowing going through the roof.*

Такие местоимения, как *other* и *another*, рассматриваются как «слова–полуопределители», то есть слова, имеющие в своем составе и адъективные, и детерминирующие характеристики [9, с. 273 – 280].

Заслуживает внимания точка зрения Баса Артса – автора современного учебника «Oxford Modern English Grammar». Он выделяет следующие группы неопределенных местоимений в английском языке:

- 1) аддитивные местоимения (additive) *another*;
- 2) местоимения степени (degree) *few, fewer, less, little, many, more, most, much*;
- 3) обобщающие местоимения (disjunctive) *either, neither*;
- 4) дистрибутивные местоимения (distributive) *each, every, everybody, everyone, everything, everywhere*;
- 5) экзистенциальные местоимения (existential) *any, some, somebody, someone, something*;
- 6) местоимения с отрицательным значением (negative) *nobody, no one, none, nothing*;
- 7) местоимения с положительным значением (positive) *a few, a little, several*;
- 8) универсальные местоимения (universal) *all, anybody, anyone, anything, both* [7, с. 57 – 58].

Также, по мнению этого профессора, многие формы неопределенных местоимений совпадают с формами местоимений–определителей, которые по своему значению ничем не отличаются от квантификаторов. Как мы видим, данная точка зрения существенно отличается от предыдущей.

Совершенно иное мнение мы встречаем в глоссарии по грамматике современного английского языка (2-е издание 2012 года, под редакцией Х. Хассельгард и С. Джонассона). Данные грамматисты относят следующие местоимения к неопределенным: *some, any, no* (их производные), *none, much, many, (a) little, (a) few, all, both, either, neither, each, every* (его производные), *other, one* [11, с.78 – 79].

Таким образом, можно еще раз подчеркнуть, что на сегодняшний день не существует универсальной точки зрения, касающейся проблематики неопределенных местоимений в английском языке, а это значит, что данное языковое явление все еще развивается и представляет определенный интерес в сфере лингвистики.

В нашей работе за основу мы берем классификацию неопределенных местоимений, разработанную авторами учебного пособия «Longman Grammar of Spoken and Written English» Д. Бибером, С. Джонассоном, Дж. Личем, С. Конрадом, и Э. Файнгэном, выделяя 4 основные группы неопре-

деленных местоимений английского языка: every, some, any, no, и их производные. All, both, each, every, many, much, some, little, a little, few, a few, either, neither эти лингвисты относят к квантификаторам или детерминативами (местоимения-определители) без разницы в их значении.

Так как в исследовании мы используем полевой подход для анализа функционирования неопределенных местоимений английского языка в публицистическом стиле, то мы выделяем ядро поля и периферию. На возможность существования разных типов лексических объединений отечественные ученые обратили внимание ещё в XIX веке. М.М. Покровский неоднократно подчеркивал необходимость изучения семантики не отдельного слова, а рядов слов, семантически связанных друг с другом, системы в целом [5, с. 13 – 14].

В лингвистике когнитивные классификации были впервые представлены основателем теории поля И. Триром, который выделил в поле индивидуальные зоны от ядра к периферии, продемонстрировав различную релевантность языковых единиц для носителей данного языкового социума.

Заслугой И. Трира обычно считают то, что он расчленил понятия «лексическое» и «понятийное» поле и ввел в лингвистический обиход эти термины. Традиционно семантическое поле в современном языкознании определяется как совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания (инвариантностью) и отражающих понятийные, предметные или функциональные свойства обозначаемых явлений. Для семантического поля постулируется наличие общего (интегрального) семантического признака, объединяющего все единицы поля и обычно выражаемого лексемой с обобщенным значением (архилексемой). Интегральные семантические признаки в определенных условиях могут выступать как дифференциальные.

Значительный вклад в развитие полевой лингвистической теории внесли российские языковеды Г.С. Щур, А.А. Уфимцева, Л.Н. Васильев, Д.Н. Шмелев, В.А. Звегинцев и др. Принципы построения языкового поля, изложенные в работах этих лингвистов, являются общепринятыми в полевых исследованиях в языкознании. Они составляют отличительные признаки семантических полей:

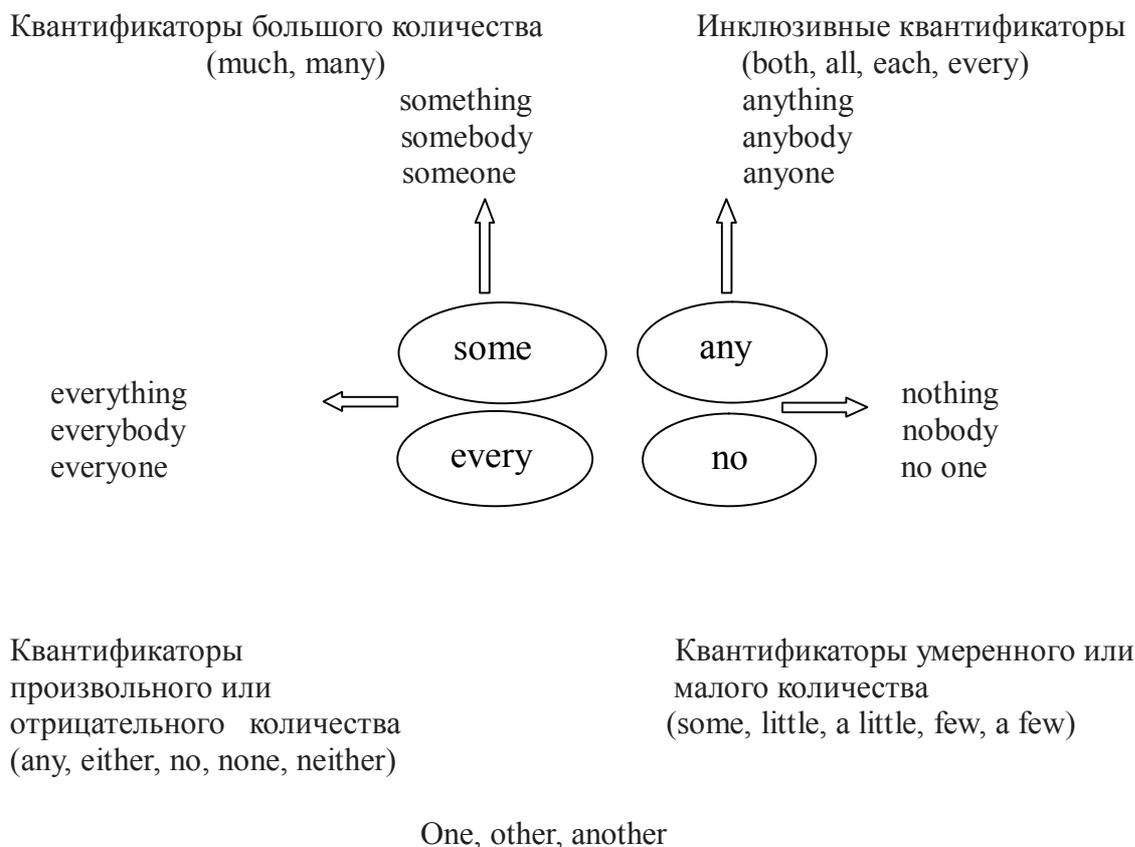
- 1) семантическая общность элементов группы;
- 2) наличие однородных и разнородных элементов;
- 3) разделение на микрополя;
- 4) динамичность поля, проявляющаяся в изменении членения поля и образования частных пересечений; характерной чертой поля, отличающей его от других разновидностей языковой системы, является внутри- и межполевое взаимодействие его конститuentов;
- 5) наличие ядра и периферии, где ядром служит соответствующая языковая категория, члены оппозиции которой выступают как ядра кон-

ституирующих поля микрополей. В ядре поля выделяется доминанта, то есть ведущий компонент, вокруг которого группируются конститuentы, наиболее тесно с ним связанные. Вместе с доминантой они составляют ядро поля или образуют так называемую «околоядерную зону»;

б) наложение группировок друг на друга и образование зон постепенного перехода от одной группировки к другой [6, с. 56]. Указанные признаки представляем в виде схемы (Схема 1).

Схема 1

Семантическое поле неопределенных местоимений английского языка

Теперь перейдем непосредственно к анализу функционирования неопределенного местоимения *some* в английских публицистических текстах методом сплошной выборки (около 1000 примеров) в английском корпусе примеров (BNC – British National Corpus). Мы проанализируем, какими значениями обладает местоимение *some*-ядро и *some*-периферия.

Следует подчеркнуть, что последующий семантический анализ функционирования местоимения *some* в текстах направлен на выяснение характера экспликации неопределенности. Неопределенное местоимение *some*-ядро обладает значением «некоторые, кто-то» (т.е. неопределенные лица). Данное значение встретилось при описании людей: *The festival a winner in last year's Daily Post arts awards hosts four days of concerts from African and*

Caribbean performers. Some will be joining in the workshops, which are led by Eugene Skeef, a South African musician/poet who worked closely with Steve Biko [12, p. 4].

При описании предметов у местоимения *some* встретилось значение «некоторые, некоторые, какие-то из» (т.е. неопределенные предметы): At least 30 a week is put aside for food. Her last quarterly gas bill, one which covered the winter months, cost her nearly 60, 5 per week.' When I got it, I actually went round the flat and stopped some of the radiators and turned them off,' she said. The electricity bill is due soon, and she expects it to be about 70, much of which came from her washing machine working through the day cleaning her daughters' clothes [8, p. 3].

Таким образом, мы видим, что местоимение *some* эксплицирует степень неопределенности как по отношению к одушевленным предметам, так и неодушевленным.

Рассмотрим значение *some* на периферии. В этом примере детерминатив *some* обладает значением «некоторые»: According to a recent survey conducted by two lecturers in law at Liverpool University, 82% of the 160 doctors they questioned in the UK admit to subjecting their patients to entirely unnecessary drugs, blood tests or X-rays. Some doctors have even put their patients through operations they didn't need. Lawyers are currently handling a record number of claims against doctors, and the result has been a dramatic shift towards 'defensive' medicine US-style. [13, p. 7]. В следующем примере у *some* отмечается значение «несколько», используется с неодушевленными предметами: I want my money back,' says Richard. Fred asks whether Sega are still interested in providing tour support.' Yeah,' says Tamzin.' They've invited you down to their warehouse, they want to take some photos." I'd rather just take the gear and give them nothing' pretends Richard, smiling.' [14, p. 5]. Здесь детерминатив *some* используется для описания неопределенной группы людей, имеет значение «некоторые... кто». Таким образом, можно сказать о том, что существует некий переход от неопределенности к определенности.

There are people who never leave home without one, while others feel ridiculous wearing something on their head. We found some people who are just mad about hats and discovered why they like their favourite headgear. Thelma Speirs is a professional hatter, and one half of the design duo Bernstock & Speirs [10, p. 8]. В данном примере у детерминатива *some* отмечается значение «такой, такая», что говорит об особенном случае употребления *some*, так как здесь мы наблюдаем переход от неопределенности к определенности: It seems to put girls off wanting to get involved with me – which I can understand.' But beauties should not all rush at once. Simon says in a soap fans' magazine:' I'd hate to be going out with some girl that all the boys were hassling or eyeing up.' It would make me very jealous and insecure.' He adds sadly:' It's impossible for me to go on a quiet date as I get recognised everywhere and asked for autographs [15, p. 12]. Детерминатив *some* имеет значение «некая часть, некоторое количество»: That is just impossible to live up to.' I was the

first one to experience this sort of pressure, while players like Ian Wright and Keith Curle can go for extraordinary amounts but they escaped because they were not the record signings.' Some of the pressure is self-inflicted, but a great deal comes from intense media attention' [15, p. 10].

Таким образом, проанализировав функционирование неопределённого местоимения *some*-ядра и *some*-детерминатива, мы можем заключить, что и местоимение *some* и детерминатив *some* имеют свои исконные значения «некоторые», «кто-то»; «некоторые», «какие-то из»; «несколько», «некая часть, некоторое количество». Но в некоторых случаях у *some* в функции детерминатива отмечался переход от неопределенного, неясного, к более четкому и точному, чего не встретилось у *some* в функции неопределенного местоимения. Значение детерминатива контекстуально и зависит от того или иного окружения. Можно предположить, что существует абсолютная неопределенность, присущая ядерному значению местоимения и относительная неопределенность, характерная для периферийного значения.

Итак, *some* в английском языке может передавать как значение определенности, так и неопределенности, то есть совершает переход от одного качества к другому.

Список литературы

1. Гуревич В.В. Теоретическая грамматика английского языка: учеб. пособие. – М.: Флинта, 2008.
2. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка: учеб. – М.: Высш. шк., 1981.
3. Ильиш Б.А. Строй современного английского языка. – 2-е изд. – Л.: Просвещение, Ленингр. отд-ние, 1971 (на англ. яз).
4. Каушанская В.Л. Грамматика английского языка. – М.: Флинта: Наука, 2008.
5. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1959.
6. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974.
7. Aarts B. Oxford Modern English Grammar. – Oxford: University Press, 2011.
8. Belfast Telegraph. Leisure material. – 1993. – P. 3. – 1039 s-units. – [Электронный ресурс]: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).
9. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. Longman Grammar of Spoken and Written English. – Longman, 1999.
10. Clothes Show. – 2001. – P. 18. – 1286 s-units. – [Электронный ресурс]: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).
11. Hasselgard H., Johanson S. Glossary of grammatical terms used in English Grammar: Theory and Use (2nd edition). – Oslo: Universitetforlaget, 2012.
12. Liverpool Daily Post and Echo. Arts material. – 1994. – P. 17. – 468 s-units. – [Электронный ресурс]: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).
13. She magazine. London: The National Magazine Company Ltd. – 1989. – P. 12. – 3487 s-units. – [Электронный ресурс]: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).
14. The Face. – 1998. – P. 14. – 2217 s-units. – [Электронный ресурс]: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).
15. The Daily Mirror. – 2002. – P. 16. – 5437 s-units. – [Электронный ресурс]: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЯЗЫКОВЫЕ СТИЛИ

УДК 81'367.3

Киынова Ж. К.

Стилистически маркированные глаголы русского языка: синхрония vs диахрония

В статье представлено описание стилистически маркированных глаголов русского языка с точки зрения взаимообусловленности диахронических и синхронных процессов. На основе примеров, эксцерпированных из «Национального корпуса русского языка», автор прослеживает семантическую эволюцию глаголов старославянского происхождения и выявляет причины изменения значений слов.

The description of stylistically marked verbs of Russian is presented in article from the point of view of interconditionality of diachronic and synchronous processes. On the basis of examples from the "National case of Russian", the author traces semantic evolution of verbs of an old Slavic origin and establishes the reasons of change of word meanings.

Ключевые слова: стилистическая маркированность, семантическая эволюция, глагол, архаизм, диахрония, синхрония.

Key words: stylistic markirovannost, semantic evolution, verb, archaism, diachrony, synchronism.

Особый интерес в современной лингвистике вызывает изучение стилистически маркированных книжных глаголов, семантическая эволюция которых в русском литературном языке характеризовалась общей тенденцией изменения значений: от «конкретного» к «абстрактному» и от прямого к переносному. Так, «*вздвигнути* – имело значение, близкое к «поднять», поэтому *воздвигнуть* можно было и *глаза*, и *руку*, и *голос*, а также *город, стену...*, ср.: Очи въздвижоу. Изб. 1073» [9, с. 47]. В различных жанрах древнерусской литературы глагол старославянского происхождения *вздвигнуть* (префикс *воз-* имеет значение начинательности) употреблялся в значении «побудить», «поднять», «возбудить», то есть подвергнуть гонению кого-либо: *И он презрев моление наше, въздвиг на меня бурю, и у церкви, пришед сонмом, до смерти меня задавил* [4, с. 9]. «Словарь русского языка XI – XVII веков» отмечает значения, называющие физические свойства: «поднять вверх, придать более высокое положение»; «помочь встать, поднять на ноги (лежавшего, упавшего)»; «соорудить, построить»; «восстановить, воссоздать» [4, с. 9]. Глагол «воздвигнуть» в значении «побудить к действию» употреблялся и в начале XIX века, в так называемую карамзино-пушкинскую эпоху: *Папа искал ей достойного*

жениха и, замышляя тогда **воздвигнуть** всех государей европейских на опасного для самой Италии Магомета II, хотел сим браком содействовать видам своей политики [5, с. 9]. В физиологическом очерке В.И. Даля «Денщик», написанном им в 1845 году, **воздвигнуть** был употреблен в значении «поднять» (человека): *весь рост, лежит бесчувственно, так что никакие силы не могут более **воздвигнуть** его на ноги* [2, с. 9]. И если в древнерусском языке глагол «воздвигнуть» имел несколько конкретных значений и, обозначая различные житейские ситуации, сочетался с широким кругом слов, то в современном русском языке глагол «воздвигнуть» имеет только одно значение: «соорудить», «построить». Поэтому современное употребление книжного глагола «воздвигать» определяется его стилистической маркированностью, что позволяет ему сочетаться с только определенным кругом слов, «поддерживающих» его семантико-стилистическое своеобразие: *воздвигнуть памятник, крепость, храм город* (но не дом, дачу и т.д.), что приводит к привычной сочетаемости слов и их устойчивой употребительности в одних и тех контекстах. О причинах эволюции семантики слов И.С. Улуханов пишет: «Можно выявить и общие закономерности семантической эволюции, свойственные различным группам лексики. Так, изучение многочисленных контекстов употребления славянизмов обнаружило основную закономерность их семантического преобразования: стабильные, однотипные контексты, типичные для многих из них, постепенно становятся единственно возможными: контекстное употребление слова становится его системным значением. Происходит семантическое заражение (термин М. Бреалья) слова от контекста» [7, с. 13]. Действительно, обращение к древним и современным текстам основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ: www.ruscorpora.ru) позволило установить устоявшийся характер словоупотребления. Например: *Екатерина рассудила прославить век предшественника своего и создателя сей столицы Петра Великого. Она повелела **воздвигнуть ему памятник** вековечный. Лесть придворная шепнула, дабы она приняла монумент в дар самой себе от народа* (И.М. Долгоруков, «Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни». Части 1-2, 1788-1822); *Ослепленный твоим величием, пожелал я **воздвигнуть монумент** твоей славе!* (Борис Евсеев, «Евстигней» // Октябрь, 2010); *Тогда Деметра открыла свое настоящее имя и удалилась, повелев **воздвигнуть для себя храм**, установив великие таинства в свою честь* (Похищение Персефоны и «Гомеровские гимны» // Наука и жизнь, 2008). Как правило, высокая, торжественная окраска славянизма **воздвигнуть** делает его употребительным в соответствующих контекстах и позволяет ему сочетаться только с ограниченным кругом слов, имеющих отношение к церковно-религиозным реалиям: *памятник, церковь, храм, монумент, купола и шпиль*. «Стабильное употребление славя-

низмов – это следование "литературному этикету" (явление, описанное Д.С. Лихачевым). В этих изменившихся значениях славянизмы обычно выходят за пределы церковнославянского языка (ср. современные значения славянизмов *краткий, погрязнуть, подвигнуть, оградить* и мн. др.). Большая часть употреблений каждого из приведенных слов связана с однотипными ситуациями» [7, с. 13].

Как показывает материал, эксцерпированный из поэтического подкорпуса НКРЯ, в языке поэзии XVIII – XIX веков глагол старославянского происхождения «воздвигнуть» употребляется в значениях «побудить», «возбудить» (к действию, поступку), тем более, что славянизмы создавали общую тональность пафосности и торжественности: *Во все стремленья смерть ко граду приближенна // И все являет то на нас вооружена, // Что только может жен ко трепету привлечь // И мужески сердца **воздвигнуть** и зажечь* (А.П. Сумароков, «Хореев», 1747); *Рабов воздвигнуть ото сна // Труба Тиртеева нужна, // А не свирель Анакреона* (А.А. Шишков, «Ротчеву», 1827). Между тем употребление *воздвигнуть* в более поздних поэтических произведениях отражает различные ассоциации метафорических образов: *После революции этот храм был разрушен, // И вместо него порешили **воздвигнуть Дворец Советов*** (Л.Н. Мартынов, «У трамплина», 1965). Контрастность образов и окказиональное (авторское) использование конкретных реалий эпохи, в котором жил или живет поэт, расширяет сочетаемость слов, например, *Дворец Советов* (реалия, характерная для советской эпохи). Сочетаемость стилистически маркированного глагола *воздвигнуть* с архаизмом *град* использовано автором в целях стилизации – воссоздания исторических событий и реалий определенной эпохи с целью описания подлинности описываемых событий: *Колико азъ не спалъ ночей, // дабы **воздвигнуть градъ**?* (Ф.К. Сологуб, «Слышу песни плясовой...», 1925.12.29). Столь характерное для поэтической речи выстраивание метафорических образов на контрастах, приводит к нетипичной и непривычной сочетаемости слов: *Можешь, только пожелай, // И в аду **воздвигнуть рай*** (Е. Евтушенко, «В начале было слово»); *К нему **воздвигнуть стены**, // Приставить сени и крыльцо – // И будет дом отменный* (А.Т. Твардовский, «Дом у дороги», 1942-1946). По мнению О.В. Шульской, «семантический объем слова в художественной речи постоянно расширяется по мере того, как расширяются связи слова с предметами, явлениями окружающего мира, эстетическое освоение которого открывает новые возможности в развитии образа» [8, с. 127]. Действительно, поэтическая речь – это особая языковая стихия, в которой стилистические коннотации слов зависят от контекста и образов, созданных на основе индивидуально-авторских метафор.

Интересный материал по современному словоупотреблению представлен в газетном подкорпусе НКРЯ. В языке СМИ отражается современная действительность во всем ее многообразии и полифонии.

Экспрессивность обеспечивается за счет совмещения разнородной лексики, то есть сочетания высоких слов с нейтральными или стилистически сниженными, поэтому осознанные стилистические ошибки становятся в газетном тексте нормой: *Да и на омском стадионе «Красная звезда», если закончить реконструкцию и **воздвигнуть трибуны-временки**, можно собрать солидную аудиторию* (Лысенков П. Первую «русскую классику» проведем в Казани? // Советский спорт, 2011.02.22); *Заместитель мэра в ответном письме подтвердил, что земельный участок, на котором собираются **воздвигнуть гараж и здание**, оформлен на среднюю общеобразовательную школу № 591 и по договору безвозмездного срочного пользования эксплуатировать школу и прилегающую территорию можно только в учебно-воспитательных целях* (Ромашова Екатерина. Для первоклашек места не осталось // Труд-7, 2005.10.19). Стилистический диссонанс, или смешение стилей – это явление, характерное для языка современной газеты, «высокие» слова теряют свой стилистический статус, в результате чего усиливается экспрессивно-оценочный элемент и реализуется функция воздействия на читателей. По материалам газетного подкорпуса НКРЯ можно делать вывод о том, что в газетных текстах глагол «воздвигать» описывает однотипные ситуации, сочетаясь только со словами: *памятник, монумент, постамент, храм: Вчера под вечер информационные агентства ошаршили общественность: ко Дню Победы на Поклонной горе якобы планируется **воздвигнуть памятник Сталину*** (Андрей Родкин. Памятник Сталину хотели поставить на Поклонной? // Комсомольская правда, 2005.01.19).

Общей закономерностью семантико-стилистической эволюции славянизмов стала формирование переносного (метафорического) значения, что было связано с ограничением ситуаций, описываемых словами. Так, в древнерусском языке глагол **зрѣти** имел два значения – это «видеть» и «иметь в мыслях» – употреблялся в многочисленных контекстах в сочетании с разными словами: **зрѣти на Володимерь** – думать о Владимире [3, с. 207]. В этом же значении это слово употреблялось и в различных текстах (в том числе и поэтических) XVIII – XIX веков: *Идет дитя; // В райскую куцу // **Зрит на Россию**, // **Зрит на Петрополь**, // **Зрит на родных*** (Г.Р. Державин, «На кончину великой княжны Ольги Павловны», 1795). Помимо этого глагол «зреть» в значении «видеть» часто встречался и в нейтральных контекстах: *Кто много требует строптиво, // Тот во многом недостаток **зрит*** (В.В. Капнист, «Способ к довольству», 1814). Между тем в поэзии XX века «зреть» использовалась как средство стилизации для воссоздания языка и колорита описываемой эпохи: *Сновидеть: рай Давидов // **Зреть** и Ахиллов шлем // Священный, – стен не видеть!* (М.И. Цветаева, «В мозгу ухаб пролежан», 1924.11.26). В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» Ю.Д. Апресяна [1] слово «зреть» имеет помету «стил.» (стилизованное), так маркируются в этом

словаре лексемы, употребляющиеся в современном русском языке в стилистических целях. «Зреть было точным синонимом видеть вплоть до своего выпадения из языка: в современном русском языке сохраняется преимущественно форма СОВ **узреть**, которая используется либо в целях стилизации, чаще всего в поэзии, либо иронически. Ср. *Взглянувши сюда, / Обыватель узрит сквозь очки в оловянной оправе, / Как лежит человек вниз лицом у кирпичной стены* (И. Бродский, «Конец прекрасной эпохи»); *Шейх познал таки в долгой жизни разнообразных удовольствий, но бриллиант такой воды узрел впервые* (М. Веллер, «Легенды Невского проспекта»); – *Мне тоже неудобно. Фриц его первым узрел, пусть сам и приглашает, – проговорила Аллочка и фыркнула, – очень надо* (Е. Добровольский, «Заполярные ангелы») [1, с. 94]. Использование глагола с архаичным значением «зреть» в языке современных газет приобретает эмоционально-оценочный и иронический оттенок: *Алексей Леонидович мыслит стратегически, он давно уже зрит на десятилетия вперед* (Кудрин распланировал доходы бюджета на 30 лет // Комсомольская правда, 2007.03.22).

В современном русском языке глагол с архаичным значением «зреть» встречается только в устойчивом выражении «зрит в корень» – единственном «устоявшемся» контексте в современном русском языке, употребление которого связано с ситуациями, в которых речь идет о провидении, сути дела и достоверности суждений и изречений.

В паре синонимичных глаголов «знать» и «ведать» стилистически маркированным является последний, который в старославянском языке был нейтральным и более употребительным словом. О ценностном переосмыслении этих противопоставленных друг другу глаголов как результате их семантической эволюции Ю.С. Степанов пишет: «Производные от корня **Вѣд-** тяготеют по значению к производным от **вид-**, т.е. «получать знание через органы чувств, прежде всего, через зрение», синонимом к **Вѣдать** оказывается *слышать, слышати*. ... Напротив, производные от корня **зна-** передают «чистое знание» <...> Знание, выраженное посредством корня **зна-**, относится к высшей сфере, к «мудрости»; поэтому знахарь означает «знающий человек», «лекарь», «добрый колдун». Напротив, знание-ведение, от корня » **Вѣд-**, относится к земной, бытовой сфере. В Новгородских берестяных грамотах, содержание которых – быт и повседневная жизнь, почти никогда не употребляется *знать*, только – **Вѣдать**. В отличие от знахарь, **Вѣдунь, ведун, ведьма** – «злые колдуны» [6, с. 344 – 345]. Сложная семантическая структура этих синонимов «определяется их противопоставленностью глаголам со смыслами «считать», «верить» и «понимать». ... Синоним *ведать* в современном языке употребляется главным образом в отрицательных или реже – некоторых модальных (особенно побудительных) контекстах. Во всех употреблениях

он остается стилистически окрашенным: это – элемент высокого или торжественного стиля, поэтического языка, гневной полемики и других п р и п о д н я т ы х форм речи. ... Семантически ведать несколько уже, чем знать в том смысле, что для него типичны лишь два круга употреблений – и с т и н н о г о знания и у в е р е н н о с т и. Для последнего значения, как и в случае знать, характерна утвердительная форма в контексте высказываний о конкретных будущих событиях. Ср. *Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать; / И ведаю, мне будут наслажденья* (А.С. Пушкин, «Элегия»). Кроме того, ведать несколько предпочтительнее, чем знать, в ситуациях, когда предметом знания является нечто, стоящее н а д человеком и ему неподвластное, или когда имеет место сверхъестественное – провидческое или другое сверхчувственное – знание, может быть, внушенное какой-то в ы с ш е й силой. Ср. *Итак, все рухнуло, по крайней мере на первое время, покуда Марина Ивановна [Цветаева. – Ж.К.] ничего не знала о муже, ...не ведала, что теперь будет с ее отъездом* (А. Саакянц, «Последняя Франция») [1, с. 398]. Архаичные глаголы, как правило, имеют особый смысл и соотносятся с духовной сферой жизни народа. Поэтому «ценностная отмеченность языковой формы может быть связана с тем, что в ряду близких по смыслу слов происходит дифференциация по признаку «старое» / «новое» – и «старые» формы типа *веровать, ведать* становятся «духовно отмеченными» на фоне нейтральных *верить* и *знать*. Соответствующая маркированность языковой единицы не позволяет ей «опускаться» до уровня обыденных «предметных ситуаций» и тем более – использоваться с субъектом–духовным антогонистом [9, с. 54 – 55].

На наш взгляд, своеобразие пары глаголов «знать» и «ведать» заключается в том, что они обозначают ментальные процессы, поэтому их семантика отражает национально-культурное коллективное знание о предметах и явлениях действительности. Несмотря на то, что в русском языке существует большое количество слов, образованных от корня –*вед*, например, *весть, совесть, всеведущий, вещей, с ведома, уведомить, повесть, проповедь, заведовать* и др., современное употребление глагола «ведать» ограничено устойчивыми выражениями типа *Знать не знаю, ведать не ведаю, Сами не ведают, что творят*, характерных для разговорной речи, о чем свидетельствуют примеры из основного и устного подкорпусов НКРЯ: – *Знать не знаю, ведать не ведаю, – твердил Захар, хмурый с похмелья* (Борис Васильев, «Были- небыли». Книга 1, 1988); – ... *мать вашу олухи на нашу голову мозги нам пият по-страшному сами не ведают, что творят и в рыло их и в дыхало...* (Г. Владимов, «Три минуты молчания», 1969).

Многие глаголы старославянского происхождения приобрели с течением времени отрицательные коннотации, к числу которых относится глагол с неполногласием «влачить», имеющим русское полногласное соответствие «волочить». *Влачить*, как и другие стилистически маркиро-

ванные глаголы, долгое время употреблялся в единичных контекстах, которые со временем «устоялись» в языке и преобразовались в устойчивые сочетания: влачить жалкое существование, влачить жизнь, то есть «жить бедно, без удовольствия, вести жизнь, полную неудач»: *У них оказался небогатый выбор: или влачить нищее существование, или постигать ремесло, как обманывать государство* (Рой Медведев, «Возвращение Солженицына», 2002). Между тем этот глагол вплоть до XIX века употреблялся в значении «тащить, носить» и сочетался с существительными различных стилистических пластов: *Неужели велит государь влачить меня отсюда на носилках?* (Н.М. Карамзин, «История государства Российского». Т. 8, 1815 – 1818); *Но бывают времена, когда и тот, кто думал спокойно влачить плуг свой, приемлет в руку меч, когда уже нельзя бывает думать о себе одном* (Д.И. Фонвизин, «Рассуждения о национальном любочестии», 1785).

Таким образом, изучение стилистически маркированных глаголов в русском языке с позиции *синхрония в диахронии* языка позволяет глубже раскрыть и описать закономерности семантической эволюции глаголов на разных этапах развития русского литературного языка. Современное употребление таких глаголов старославянского происхождения обусловлено их функциональными возможностями: в составе устойчивых выражений и как средство стилизации в современной поэзии, для которой характерно контрастность метафорических образов за счет совмещения в одном контексте стилистически разнородной лексики.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. ЗНАТЬ 1 и ВЕДАТЬ 3 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
2. Даль В.И. Избранные произведения. – М.: Правда, 1963.
3. Дьяченко Гр. Полный церковно-славянский словарь (репринт 1890 г.). – М., 1993.
4. Житие протопопа Аввакума. Житие инока Епифания. Житие боярыни Морозовой. – СПб., 1994.
5. Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений. История государства Российского. – СПб., 1811 – 1818.
6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2004.
7. Улуханов И.С. Историческое словообразование. Историческая лексикология. – М.: ЛЕКСРУС, 2012.
8. Шульская О.В. Глаза и очи в русской поэзии XX в. // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1986. – С. 127 – 140.
9. Яковлева Е.С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. – 1998. – № 3. – С. 43 – 73.

Прагматические характеристики русских и английских диминутивов

В статье рассматриваются условия реализации прагматики диминутивов в контексте в зависимости от иных выразительных средств, употребляемых в рамках коммуникативной ситуации и особых норм общения.

Realization of pragmatics is only possible in a context and depends on other means of expression used within a communicative situation and special norms of communication.

Ключевые слова: лингвистика, диминутив, характеристика, уровень, речь, категория, ласка, пренебрежение.

Key words: linguistics, diminutive, characteristic, level, speech, category, caress, neglect.

Возросший интерес к проблемам прагмалингвистики явился логическим результатом общего хода развития лингвистики и ее областей – семантики, психосемантики, стилистики, эматологии и других, где приоритетным становится антропоцентрический подход к изучению лингвистических сущностей и феноменов. Новые направления лингвистики выдвинули на первый план проблемы лингвопрагматики, а, следовательно, и круг вопросов, связанных с экспрессивной и эмотивной функцией языка применительно к адресату и интенциям адресанта [6].

Проблемам диминутивности также уделяется значительное внимание в отечественной и в зарубежной лингвистике, что доказывается немалым количеством работ по данной тематике. Изучением диминутивности в русском языке занимались такие лингвисты, как И.В. Арнольд, Р.Г. Зятковская, Б.В. Макаревич, Е.В. Малишевская, Л.И. Миляева, В.И. Шаховский и др.

Комплексные исследования по этой теме, основанные на материале языков германской группы, немногочисленны. По различным частным вопросам реализации семантики диминутивности в английском языке работали такие российские лингвисты, как П.М. Каращук, Л.К. Красногорцев, Е.С. Кубрякова, Е.Ю. Протасова, А.М. Родимкина, И.И. Туранский, А.А. Уфимцева и зарубежные языковеды (J. H. Greenberg, M.R. Haas, D. Jurafsky, K. Schneider) и др. Однако в этих лингвистических трудах разработаны лишь отдельные аспекты выражения семантики диминутивности.

Мы считаем, что, изучая явления диминутивности в целом и в компаративной лингвистике в частности, следует обратить особое внимание на такие аспекты, как статус диминутивности как способа систематизации

знаний о мире; средства выражения диминутивности в русском и английском языках; способы формирования диминутивов в русском и английском языках; виды диминутивов в русском и английском языках; прагматические характеристики русских и английских диминутивов.

Термин диминутивность восходит к латинскому «diminuere» – раздробить, уменьшить, ослабить. В русской лингвистической традиции – уменьшительность. В словаре лингвистических терминов Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой уменьшительность рассматривается как эквивалент категории субъективной оценки, что весьма значимо с точки зрения прагматики [7, с. 72].

Изучение литературы по проблеме позволяет определять диминутив как прагматическое слово. Отличие так называемых прагматических слов от денотативных состоит в том, что последние лишь называют предмет, опираясь на его сущностные признаки, выделяющие его из ряда других предметов; соотнося слово с обозначаемым с предметом, они имеют значение, которое принято называть предметно-логическим. Причинность дедерминации диминутивов как прагматических слов обусловлена функционально-семантическими характеристиками диминутивов, которые (характеристики) демонстрируют и подтверждают взаимосвязь категорий диминутивности и эмотивности. Таким образом, можно и следует рассматривать прагматические характеристики диминутивов как базовые для репрезентантов категории диминутивности.

Категория диминутивности связана с определенными функциональными стилями: в основном с разговорным стилем, арготическим, детской речью, а также с некоторыми жанрами и сферами специальной коммуникации. Диминутивы часто встречаются в речи, адресованной детям, больным, старикам, любимым, и отмечены в этих случаях положительной эмоциональной оценкой. Особенно часто диминутивность проявляется в именах собственных. Это представляется вполне логичным, поскольку имена собственные чаще всего употребляются в обращениях, где они выполняют прагматическую функцию интимизации речи, привнося оттенки ласкательности. Существует гипотеза о том, что исторически именно диминутивность имен собственных положила начало развитию категории диминутивности [6].

Национальная специфика русских и английских диминутивов заключается в регламентации их употребления по сферам общения и типам речевых ситуаций. По мнению Н.В. Меньковой, «в речи диминутивы не всегда реализуют и размерное, и эмотивно-оценочное значение; они могут терять один из компонентов и реализовать либо только эмотивно-оценочное, либо только размерное значение. Эти три типа употреблений связаны с двумя режимами речи – диалогического и повествовательного. В актуальном диалоге, осуществляемом в координатах Я-ТЫ-ЗДЕСЬ-СЕЙЧАС, диминутивы часто используются не для номинации маленького

по размеру объекта, а в целях фатического общения – для того чтобы установить контакт с собеседником, создать теплую, доверительную атмосферу общения» [5, с. 176]. Из сказанного следует, что диминутивы используются как в диалогической речи, так и во внутреннем монологе для выражения широкого спектра эмоций, среди которых преобладающими являются эмоции отрицательной полярности.

Н.А. Севидова и С.В. Шедогулова основными сферами употребления диминутивов в диалогической речи в исследуемых языках, в которых наиболее ярко находит экспликацию прагматический потенциал диминутивов, называют: общение с детьми; речь близких людей; придание речи фатичности; контекст выражения сарказма и иронии. При этом, исходя из основных словообразовательных значений диминутивных суффиксов, ирония и сарказм могут возникать благодаря значению уменьшительности при обозначении большого, а также благодаря значению ласкательности при обозначении неприятного. Тот факт, что ирония связана именно с диминутивным суффиксом, проверен методом трансформации: при замене диминутивной формы на симплекс иронический смысл высказывания исчезает [8; 10]. Ср.: *Жалкие, ничтожные людишки, – сердито забормотал Паниковский* (Золотой теленок. Ильф и Петров); – *Городок очень маленький, – сказал Бендер, – это плохо. Чем меньше город, тем длиннее приветственные речи* (Золотой теленок. Ильф и Петров); *Остап быстро пошел по дороге вдоль обрыва и вскоре увидел косой бревенчатый домик, маленькие окошечки которого поблескивали речною синевой. Позади домика стоял сарай, показавшийся Остапу подходящим для сокрытия Антилопы.* (Золотой теленок. Ильф и Петров); – *Ты моя хозяйюшка. Я тебя люблю. – И я тебя, милый* (Я тебя люблю, и я тебя тоже нет. Адлер Соня); *Крошка сын к отцу пришел, и спросила кроха: – Что такое хорошо и что такое плохо? Если сын чернее ночи, грязь лежит на рожнице, – ясно это очень плохо для ребячий кожицы* (Что такое хорошо и что такое плохо. В. Маяковский).

Анализируя явление диминутивности в английской лингвокультуре, А.А. Буряковская приходит к выводу, что употребление диминутива закреплено за различными фреймами: эта тенденция нейтрализуется во фреймах «Формула угощений», «Формула просьбы», «Ухаживание» [1]. Мы придерживаемся такого же мнения, поскольку подобные прагматические характеристики действительно находят проявление в английской лингвокультуре, проявляясь в языке как на лексическом уровне, так и на синтаксическом.

Примерами суффиксального способа образования диминутивов выступают: *doggy* – собачонка (от dog), *kitty* – котенок (от cat), *dinette* – столовка (от dining room), *booklet* – книжонка (от book), *tummy* – мамуля (от mum), *daddy* – папуля (от dad), *granny* – бабуля (от grangmother), *sweety* – дорогуша (от sweet), *Ducky* – голубушка (от duck), *potty* – горшочек (от pot).

Примерами, которые не переводятся на русский язык, выступают диминутивы от имён личных: *Petey* (от Peter), *Dougie* (от Douglas), *Johnny или Jonu* (от Jonathan) и другие. Данные примеры не имеют русского эквивалента, поскольку являются именами собственными. Однако в русском языке также присутствуют аналогичные примеры образования диминутивов от имён собственных: *Катенька* (от Катя), *Володенька* (от Володя), *Артемочка* (от Артем), *Дашенька* (от Даша), *Петенька* (от Петя), *Любочка* (от Люба), *Юленька* (от Юля), *Димочка* (от Дима), *Ванечка* (от Ваня), *Ирочка* (от Ира).

Цель анализа прагматических характеристик диминутивов с позиций компаративной лингвистики заключается в том, чтобы выделить универсалии и отличительные черты употребления диминутивов в исследуемых языках.

В общем случае сильную тенденцию к употреблению диминутивов проявляют экспрессивные коммуниканты: дети и личности фемининного типа [1]. Следует отметить, что в русской лингвокультуре сильная тенденция к употреблению диминутивов проявляется не столько в речи детей, сколько в общении с детьми – обращение родителей и близких людей к детям, в детских книгах, в основном, в сказках и т.д. Что касается английской лингвокультуры, в сказках нами не обнаружено использование диминутивов, что является одной из отличительных прагматических черт диминутивов в используемых языках.

В.А. Кузьменкова определяет диминутив как грамматическую форму, при помощи которой может быть передан целый спектр модальных значений: «С позиций функциональной грамматики представляется актуальным рассмотреть вторичные значения диминутива как одного из способов передачи субъективно-оценочных значений в русском языке. Согласно традиционной грамматике, к основным значениям диминутива относятся «уменьшительное», «ласкательное», «уменьшительно-ласкательное» или «уменьшительно-уничижительное». Между тем в реальной коммуникации выявляется еще целый спектр модальных значений, которые передаются при помощи диминутива, сопряжённого с другими языковыми средствами. Довольно часто подобные значения остаются «за кадром» [3, с. 41].

Считаем, что модальные значения, которые, по мнению В.А. Кузьменковой остаются «за кадром», исследуются с позиций функционирования категории побудительности, например, Е.В. Фомичевой: «Функционально-семантическая категория побудительности имеет структуру поля. При этом инвариантное значение категории побудительности включает в себя целый ряд различных модально-экспрессивных вариантов, различающихся между собой степенью интенсивности волевой реакции побуждающего» [9].

На протяжении долгого времени изучению категории побудительности уделялось относительно мало внимания, несмотря на то, что побуди-

тельные предложения составляют значительную часть речевой продукции человека и с их помощью регулируется общественно-производственная деятельность. Исследования семантической стороны языка расширили эмпирическую базу и привлекли внимание исследователей к побудительным предложениям, которые по своим семантико-прагматическим свойствам очень тесно связаны с коммуникативной ситуацией, так как от условий и разнообразных характеристик коммуникативного акта зависит адекватная интерпретация повелительного предложения. В настоящее время категория побудительности активно изучается не только в лингвистике, но и в логике [9].

В русском языке модальные значения, демонстрирующие функционирование категории побудительности, передаются лексическими диминутивами, образованными суффиксальным способом, например, для выражения вежливого извинения: *А у вас документики. Я извиняюсь. Документик предъявите! И ваш документик также, продолжал Коровьев* (М. Булгаков).

Вежливое извинение является составной частью приватности (privacy), которая в английской лингвокультуре играет более важную роль, чем в русской: «Privacy», a concept with farre aching implications, is absolutely untranslatable into Russian. It would be unfair to ascribe the lack of this concept solely to living conditions in the Soviet era, though, needless to say, communal apartments where 10 families share a bathroom, dormitories and the thin-walled barracks where a few generations lived their lives, as well as the overcrowding in today's urban dwellings, did and do little to foster the introduction of that concept into our daily experience. Tolstoi and Turgenev lived at a time when privacy must have existed in Russia, but their works contain no word or expression that adequately conveys the range of attitudes bound up with this notion» [11]. Именно поэтому в английском языке диминутивность достаточно часто используется для смягчения просьбы или требования, что реализуется посредством смягчения давления на адресанта, связанное с выражением собственного желания.

Об этом же говорит Т.В. Ларина: «В русской лингвокультурной традиции команда выражается прямо и императивно, в то время как английские коммуниканты проявляют тенденцию к большему смягчению своей команды, облегают её в форму, содержащую иллюзию опции» [4].

Просьба, требование и команда являются конститuentами категории побудительности, которая обладает чрезвычайно богатым арсеналом выразительных средств, что демонстрирует и обуславливает её взаимодействие и пересечение с категорией диминутивности. Средствами языка можно выразить все оттенки эмоционально-побудительных значений – от самых мягких, просительных, некатегоричных, вежливых до самых резких, грубых, настойчивых [2]. Мягкие, просительные и вежливые оттенки значений являются эмосемой диминутивов, что также доказывает корреляцию категорий диминутивности и побудительности.

В английском языке, обладающем достаточно скромной морфологической парадигмой, вежливый оттенок как эмосема диминутива придаётся высказыванию или просьбе несколькими способами.

1. Через общие вопросы с вспомогательными глаголами *will, shall, should, would*, выражающими мягкую, вежливую просьбу: «*The major stepped to the door and called: "Lydia, dear, will you come in?"*» (The Duplicity of Hargraves, O. Henry). (Лидия, дорогуша, ты зайдешь? – перевод примеров здесь и далее наш. – Ю.С.). Существительное «дорогуша» демонстрирует не рост или возраст девушки, то есть не сему малости, но обладает явной эмосемой, демонстрирующей некоторую иронию или даже сарказм в обращении к ней майора, который (исходя из содержания рассказа) приглашает ее зайти, зная, что она хочет, но не решается. Его приглашение зайти выражается не императивной конструкцией *come in*, которая придала бы всей ситуации оттенок грубоватости, но использованием общего вопроса, что позволяет выделить функционально-семантическую характеристику определённой степени ласкательности в его обращении к девушке; «*Would you like a cup of tea?*» (Murder in Carton, Robert van Gulin) (Не хотите ли чашечку чая?). Существительное «чашечка» демонстрирует размер чашки, то есть сему малости, показывает вежливое обращение и отношение реципиента к адресату. Как правило, такого вида вопросы встречаются чаще всего в сфере обслуживания; «*Should you wait a few minutes?*» (The secret story, Donna Tartt) (Не подождете ли вы еще минуточку?). Существительное «минуточка» демонстрирует сему малости. Из содержания видно, что речь обращена к человеку, уставшему от ожидания, и его очень просят подождать совсем маленький отрезок времени.

2. С помощью разделительных вопросов, которые придают оттенок очень мягкой просьбы, мольбы: «*You could propose me a cup of coffee, couldn't you?*» (The secret story, Donna Tartt) (Вы могли бы предложить мне чашечку чая, не так ли?). В данном предложении существительное «чашечка» демонстрирует сему малости и показывает крайне вежливую просьбу одного человека по отношению к другому; «*She added casually: "I think it was the man who left the ticket, wasn't he?"*» (Brighton Rock Greene, Henry Graham) («Она добавила случайно: Я думаю, это был мужчина, который оставил билетик, не так ли?). Существительное «билетик» демонстрирует сему малости, но обладает эмосемой, демонстрирующей явную иронию или сарказм в обращении к нему девушки, которая (исходя из содержания рассказа) дает описание человека по забытой им вещи. Разделительный вопрос в данном случае придает фразе некую мягкость и показывает вежливое отношение говорящего; «*You'll let me ask the prince for a cup of tea, won't you?*» (Prince of Dogs, Elliott Kate) (Ты позволишь мне попросить принца о чашечке кофе?). Существительное «чашечка» имеет сему малости и также обладает явной эмосемой, демонстрирующей некую иронию или даже сарказм в обращении человека, который (исходя из со-

держания рассказа) просит разрешение на то, чтобы попросить чашечку чая. Разделительный вопрос также придает мягкость фразе и показывает вежливое отношение говорящего;

3. Использование модальных глаголов *can, could, may, must* и др.: "*Ah, mamma, how sweetly you talk! I must kiss you for it, mamma*" (Ох мамочка, как сладко вы говорите! Я должен расцеловать вас за это, мамочка). Существительное «мамочка» демонстрирует сему ласкательности, очень вежливо-го отношения сына, который буквально приклоняется перед речью матери; *But, boy, you can still shoot* (Across the river and into the tree, Ernest Hemingway) (Ну, парнишка, ты все еще можешь стрелять). Существительное «парнишка» демонстрирует сему ласкательность и похвальбы, и даже в какой-то степени восхищение способностями молодого человека; *My dear. Do you really think you could?* (Holy Fools, Harris Joanne) (Дорогуша, ты реально думаешь, что ты сможешь?). Существительное «дорогуша» демонстрирует сему уничижительности, пренебрежительного отношения говорящего к данному человеку. Говорящий сомневается в способностях девушки и в какой-то степени даже высмеивает ее; *«Honey? May be you should sit down»* (One Shot, Lee Child) (Дорогуша, может быть тебе следует присесть). Существительное «дорогуша» включает сему уничижительности, а также обладает явной эмосемой, демонстрирующей иронию или сарказм в обращении говорящего.

4. Посредством добавления слова *please* в структуру императивного предложения: *«Papa, please, try to act like a human being,» she said* (Папочка, пожалуйста, попытайся быть человеком, - сказала она). В данном случае слово «папочка» обладает семой ласкательности и вежливого отношения говорящего. Данный пример выражает просьбу и побуждение человека, сделать так, как его просят; *«Daddy, please, don't shoot him!»* (Lisey's story, Stephen King) (Папочка, пожалуйста, не стреляй в него!). В данном случае слово «папочка» обладает семой ласкательности и вежливого отношения говорящего. Данный пример также выражает просьбу не совершать того действия, которое человек собирается совершить.

Особое внимание необходимо уделять употреблению в побудительных предложениях специальных вопросов, довольно часто выражающих побуждения с различными эмоционально-семантическими оттенками: от угрозы, насмешки, раздражённости до совета или пожелания «*How about eating?*».

Английский язык не обладает такой богатой и развитой морфологической системой, как, например, русский язык, тем не менее, и он находит возможности для передачи различных прагматических оттенков, так или иначе компенсируя ущербность морфологической парадигмы. Если в русском языке в большей степени следует говорить о прагматических словах, то в английском языке, учитывая некоторую ущербность морфологической парадигмы, следует говорить о функционировании категории диминутив-

ности в прагматических конструкциях или сочетаниях, так как в нём преобладают аналитический способ формирования диминутивов в отличие от синтетического, преобладающего в русском языке. Именно это актуализирует и обуславливает дефиницию категории диминутивности в английском языке как грамматическую. Согласно теории В.А. Кузьменковой диминутивами можно называть грамматические конструкции, выражающие определённую модальность. Основываясь на сказанном выше, мы причисляем к диминутивным конструкциям вопросительно-побудительные конструкции, используемые в английском языке для выражения вежливого извинения, образованные аналитическим способом и представляющие синтаксический уровень. Реализация прагматики диминутивов возможна только в контексте и зависит от иных выразительных средств, употребляемых в рамках коммуникативной ситуации. Прагматические отличия английских и русских диминутивов, с одной стороны, обусловлены особыми нормами общения связанными и обусловленными особой исторически сложившейся англосаксонской культурой, с другой стороны демонстрируют их.

Список литературы

1. Буряковская А.А. Диминутивность в английской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тула, 2008. – [Электронный ресурс]: <http://www.aspirant.vsu.ru>.
2. Кубарева Е.Е. Эксплицитные и имплицитные побудительные конструкции в английском языке (в сопоставлении с русским) // Сопоставительный лингвистический анализ. Научные труды. – Куйбышев, 1977. – Т. 202. – С. 69 – 80.
3. Кузьменкова В.А. Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2007. – Вып. 34. – С. 38 – 45.
4. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – [Электронный ресурс]: http://royallib.ru/read/larina_tatyana.
5. Менькова Н.В. Русские диминутивы в английском переводе романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Ярославский педагогический вестник. – № 3. – 2010. – С. 174 – 179.
6. Резниченко Л.Ю. Прагматика диминутивности в английском и немецком языках: дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2001.
7. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1976.
8. Севидова Н.А. Прагматические возможности словообразовательных элементов в системе имени существительного современного немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2002.
9. Фомичева Е.В. Средства выражения побудительности в английском языке в свете семантики и прагматики // Современные проблемы науки и образования. – 2009. – № 4. – С. 156 – 162. – [Электронный ресурс]: www.science-education.ru/32-1221.
10. Шедогубова С.В. Структурно-семантический и прагматический аспекты категории диминутивности в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2004.
11. Lourie R., Mihhalev A. Why You'll Never Have Fun in Russia // New York Times Book Review. – 1989. – [Электронный ресурс]: <http://www.nytimes.com>.

Особенности употребления императива в устном институциональном финском дискурсе

В статье рассматриваются особенности вежливого использования императива в устной институциональной финской речи, определяются факторы конвенционального и вежливого употребления наклонения. Использование наклонения связано с определённым типом стратегий дискурса. Классификация значений императива произведена на основании степени участия агента действия, типа дискурса и речевого акта.

The article examines some particularities of the imperative mood's polite usage in Finnish oral institutional speech. The aim of the article is to determine factors of conventional and polite usage of the mood. Imperative mood is always employed in certain types of discourse strategies. The classification of imperative functions is based on the level of agent's participation, kind of discourse and type of the speech act.

Ключевые слова: императив, побудительный речевой акт, институциональный дискурс, финский язык.

Key words: imperative mood, causation, institutional discourse, Finnish language.

Побудительные речевые акты получили широкое освещение в отечественной и зарубежной лингвистике [1; 2; 3; 4; 5; 6; 10; 14]. Цель использования побудительных речевых актов – инициировать некое действие. В целом, лингвистами разработаны понятия директивного поля высказывания, директивной ситуации, сделаны попытки семантико-прагматической классификации побудительных высказываний, анализа планов их содержания и выражения с учётом параметров коммуникации.

Финскими учёными исследованы различные способы воздействия на адресата, большое значение в современных исследованиях уделяется дискурсивным факторам [7; 8; 9; 11; 12; 13]. Тем не менее, до сих пор в финской лингвистике отсутствует принципиальное описание способов выражения побуждения с учётом ситуативных вариаций. Многие практические вопросы, связанные с употреблением средств выражения побуждения, остаются малоизученными.

К таковым относится проблема использования повелительного наклонения – неопределёнными являются условия, позволяющие реализовывать императивные высказывания, а также различия в употреблении повелительного, сослагательного наклонений, например, при формировании просьб. Существует много вопросов относительно того, в каких ситуациях в финской речи возможно употребление императива с точки зрения вежливости. Рассмотрение данного аспекта важно не только с теоретической

точки зрения, оно имеет большое прикладное значение для изучения финского языка.

Императив – это прототипическое средство выражения побуждения и способ прямой каузации действия. При обращении к императиву каузатор уверен в реализации или необходимости реализации директивы на 100%. Этот показатель характеризует также параметры желательности действия для каузатора, его представления о возможностях агента и достаточности собственной компетенции для каузации.

Анализируя побудительные речевые акты, мы пришли к выводу, что наиболее важными параметрами для анализа являются следующие: 1) импульс или источник каузации; 2) выгодополучатель; 3) контактоустанавливающий, рутинный характер высказывания; 4) характер каузируемого действия; 5) наличие препятствий для реализации действия; 6) источник препятствий.

Учитывая данные параметры, мы постараемся проанализировать особенности выражения императива в разных типах устного институционального финского дискурса. Понимание данного вопроса поможет повысить коммуникативную культуру носителей финского языка. Мы рассматриваем только вежливые случаи реализации речевых актов.

Аутентичный материал институциональных административных диалогов предоставлен нам Центром изучения национальных языков Финляндии Kotus и представляет собой точную запись, транскрипцию диалогов между служащими и посетителями Пенсионного фонда Финляндии. Мы имели возможность ознакомиться также с видеозаписями цитируемых диалогов, которые невозможно представить здесь. Примеры из административного дискурса собраны нами в 2010 – 2012 годах, всего проанализировано 73 диалога.

Мы также анализируем материалы институционального дискурса, собранные нами лично в 2012 – 2013 годах: материалы переводческой практики и наблюдения за работой коллег, материалы записей библиотеки гуманитарного факультета университета г. Хельсинки (2008), материалы записей лекционных занятий в университете г. Хельсинки (2008), материалы записей школьных занятий одного из общеобразовательных учреждений г. Хельсинки (2011).

Всего нами собрано более 400 примеров употребления императива. Примеры с использованием императива составляют порядка 1/5 от всех директивных речевых актов.

Мы пришли к выводу, что использование императива в рассматриваемых типах дискурса характерно для случаев, когда агент выполнения последующего действия является, по крайней мере, импульсом каузации: именно в связи с деятельностью агента возникает необходимость в выражении побуждения. В рассматриваемом нами материале говорящий – это каузатор, слушающий – агент действия. Мы выделяем также понятия при-

марных и секундарных групп. Примарные группы составляют коллеги, секундарные – представители института и незнакомые им люди, возможно, клиенты. Обратим внимание, что для финской речи, в т.ч. институциональной, характерно обращение на «Ты». Оно является нормой.

1. Образовательный дискурс. Агент-слушающий является импульсом каузации. При этом императив не носит контактоустанавливающей функции, его регламентирующая роль связана с рутинными делами.

Инструкции: *Aloittakaa tekemällä taulukko* ‘Начните, выполняя таблицу’; *Mitä se tarkoittaa ? Kerro sinä, Kassu!* ‘Что это означает? Расскажи ты, Кассу’ и т.д.

Возможно использование эллиптических предложений и вокативов, когда каузатор лишь напоминает о действии, о котором уже шла речь ранее: (В школе) *Palautetta hänelle* ‘Отзыв для неё’; *Kommentteja* ‘Комментарии’; *Matias!* ‘Матиас!’ и т.д.

Напоминания: *Muistakaa se henkilökuvausharjoitus kello kymmeneksi* (школа). ‘И не забудьте – то упражнение по составлению портрета человека к 10 часам’ и т.д.

В данных случаях императив также используется как сигнал к активации определенного действия, предусмотренного рамками ситуации. Подобное использование императива характерно не только для школьного дискурса, но и для любого типа ситуаций учитель-ученик: (спортивный дискурс): *Jännitä, palauta jarruttaen* ‘Напряги, верни медленно в исходное положение’ и т.д.

Выгодополучателями в рассмотренных речевых актах являются агенты действия, они получают инструкции как ответ на образовательный запрос. Это снимает необходимость употребления средств выражения вежливости.

2. Деловой дискурс. В примарных и секундарных группах делового дискурса использование императива носит регулятивный характер, при этом очевидно, что директива не носит первичного характера – она является реакцией на определённые действия, относится к рутинным действиям агента и каузатора. Агент также является импульсом каузации.

Речь идёт о действиях инструктивного характера, сопутствующих основной деятельности агента – дополняющих побуждениях-просьбах, следующих за основной: *Lähetä minulle osoitteen!* ‘Отправь мне на адрес!’; *Sanoppas se häne henkilötunnus* ‘А скажи-ка этот его личный номер’; *Kirjoita nämä tiedot ole hyvä ja muokkaa sivu oikean kokoiseksi!* ‘Запиши эти сведения, будь добр, и установи правильный размер страницы’; и т.д.

Императив может быть использован для выражения согласия на какое-либо действие: *Kysy.* ‘Спрашивай’; *Joo, korjaa siihe.* ‘Да, исправь там’; *Lisää niin, kiitos.* ‘Добавь так, спасибо’ и т.д. Это форма согласия агента на определённое предложение, сравните с выражением инициативы, исходящей извне: *Lisäisitkö sen sopimukseen?* ‘Не могла бы добавить это в договор?’

Императив может быть использован и для выражения основной просьбы рутинного характера, без наличия препятствий для совершения действия, требующих использования средств выражения модальности вежливости: *Laita minulle kopio.* ‘Отправь мне копию’. *Laita kirje menemään.* ‘Отправь письмо’ и т.д.

3. Административный дискурс. В секундарных группах административного дискурса (общение между служащим и клиентом) использование императива проявляется на уровне рутинного клише как инструкция: *Merkitäkää nimenne.* ‘Укажите имя’; *Kuitatkaa tähän.* ‘Распишитесь здесь’. При этом распространены случаи эллипсиса глагола, как в ситуациях служащий – клиент административного дискурса: *Nimenselvennys allekirjoitusviivan alle* ‘Расшифровка подписи ниже’; *sitte vaa allekirjotus niin...* ‘тогда только подпись и...’ (эллипсис глаголов в предложениях, носящих практически ”ритуальный характер”), так и клиент – служащий: *Punane ällämä, kymmene kappalee* ‘Красный LM, 10 штук’. Помимо случаев эллипсиса следует также учитывать ситуации, при которых клиент не говорит ничего (13), или лишь обращается к агенту, передавая материал, требующий работы: *Hei!* ‘Здравствуйте’; *Tässä* ‘Вот’. Ситуации, в которых вербальное выражение каузации не требуется, так же, как и в случаях с использованием императива, рутинны и неимпозитивны, поэтому не требуют использования средств выражения вежливости.

Заметим, что одну из форм индикатива, а именно 2 л. глагола, мы можем рассмотреть как альтернативу морфологической форме императива, она представляет действие как совершившееся. Данные высказывания имеют значение инструкций: *Laitat tähä että oot työttömänä niin ku meillä näkkyu se ni ei tarvviim mittäät todistuksiä tästä* ‘*букв.* Укажешь здесь, что ты безработный, так как у нас это будет видно, то не потребуются никакие доказательства этого’; *Täyttelet tämän.* ‘*букв.* Позаполняешь это’. Или форма обращения ко второму лицу через третье: *Ja Matias antaa palautetta* ‘И Маттиас даёт отзыв’.

Императив и индикативное наклонение в побудительном значении являются ярким примером проявления уверенности каузатора в том, что он имеет достаточно компетенции для совершения каузации, каузацию возможно выполнить. Можно выделить ряд средств своеобразного смягчения императивной каузации. Они направлены на усиление диалогичности высказывания, вовлечение слушающего в процесс каузации. К этим средствам можно отнести, прежде всего, частицы.

Несколько смягчает использование императивных и индикативных форм частица *han/hän* ‘же’, ‘-ка’, ‘ведь’, достаточно характерная как для бытовой, так и для институциональной речи. Анализ значений данной частицы в финском языке вообще неоднозначен. Мы считаем, что данная частица используется, если речь идёт о действиях, строго обязательных для выполнения с точки зрения каузатора.

Это форма «напоминания», отсылающая к общим для каузатора и агента сведениям: по мнению каузатора, агент должен понимать необходимость выполнения действия. Таким образом, основанием для каузации является общность фонда знаний каузатора и агента: *Muistathan, että tämä on savuton juna.* букв. ‘Ты же помнишь, что в этом поезде не курят’; *Muistattehan että voisitte maksaa ostoksenne myymälämme kaikille kassa pisteille;* ‘Вы же помните, что Вы могли бы оплатить Ваши покупки на всех кассах магазина’. Форма глагола «помнить» снижает рестриктивность директивы, но использование частицы усиливает «важность» объекта каузации – и каузатор полностью уверен в необходимости и возможности каузации.

Мы считаем, что за использованием данной частицы стоит очень важное для понимания модальности вежливости финского языка значение – «значение общего модального поля», когда и каузатор, и агент начинают действовать в едином пространстве «знания».

Другим способом смягчить директиву является использование частиц *s/pa/pas* ‘а’, ‘ну’, ‘ведь’, ‘ка’, снижающих рестриктивность побуждения, однако, в отличие от частиц *han/hän* – ‘же, ведь’, типичной для вторичных групп административного дискурса, данные частицы используются только в неформальной речи примарных групп для сопровождения выражения побуждения. *Kuulkas nyt, minulla on ollut kolme firmaa.* ‘А послушай-ка сейчас, у меня было и есть три фирмы’; *Katsopas tätä.* ‘А посмотри-ка на это’; *Ootappas siinä on tota...* ‘А подожди-ка, там это...’; *No kerropa* ‘Ну, расскажи-ка’.

Модификаторами смягчения могут служить также вводные слова, подчёркивающие, что импульс каузации, исходящий от агента, вполне совпадает с желаниями каузатора, и он не видит причин для того, чтобы действие оставалось нереализованным. Дискурсивные частицы *toki* ‘всё же’, *nyt* ‘ну’, *vaan* ‘а ну’, ‘конечно’, *vain* ‘ну’, ‘ка’ и другие придают большую убедительность императивным предложениям: *Menkää vaan* ‘Ну идите, конечно’; *Tule ra ihmeessä! (sisään)* ‘Ну, заходи же! (внутри)’ и др.

Данные частицы указывают, прежде всего, на согласие агента выполнить определённые действия. Использование частиц и вводных слов призвано сократить дистанцию между каузатором и агентом.

Иные средства выражения побуждения будут реализовываться в директивных ситуациях, отвечающих условиям, неконвенциональным для вежливого употребления императива. К ним можно отнести использование вопросительных предложений как косвенных просьб. При увеличении импозитивности могут быть использованы модальные глаголы, формы сослагательного наклонения глагола вместо индикативных.

Кратко рассмотрим случаи, для которых нехарактерен вежливый императив в институциональных диалогах.

1. Каузация является первичной, контактоустанавливающей: *Olisiko sinulla kiinnostusta tehdä?* ‘Было бы тебе интересно выполнить?’; *‘mä ottaisi yhe postimerkin ...’* ‘я взял бы одну почтовую марку’ и т.д.

2. Агент не является выгодополучателем, не является источником каузации: *Voitko kääntää alla olevan tekstin?* ‘Ты мог бы перевести на русский текст, который находится ниже’; *Katsoisitko onko teillä August Strindbergin ”Hyvien ihmisten kaupunki” ruotsiksi?* ‘Вы не посмотрите, у Вас нет книги Августа Стриндберга «Город хороших людей» на шведском?’; *Voisiko tuota sanoa esimerkiksi jollain toisella tavalla?* ‘Можно ли было бы сказать это, например, как-то по-другому?’ и т.д.

3. Имеются разного рода препятствия для исполнения каузируемого действия: *Pyytäisin tarkistamaan kohtaa.* ‘Просил бы проверить этот пункт’; *Olisiko mahdollista laittaa suoraan PDF:iin?* ‘Было бы возможным сделать прямо в PDF-форме?’ и т.д.

В подобных ситуациях нехарактерно использование императива. Его употребление носило бы агрессивный, неконвенциональный характер. Императив – это яркое средство выражения уверенности каузатора в необходимости выражения директивы, возможности её реализации. Использование императива финского языка возможно и релевантно в институциональной ситуации, если выполняются следующие условия:

1. Агент является выгодополучателем или, по крайней мере, импульсом каузации, использование императива подготовлено предыдущей ситуацией.

2. Несмотря на институциональный характер дискурса и более высокий статус каузатора по сравнению со статусом агента, использование императива характерно только для рутинных просьб, вторичных, но не первичных и контактоустанавливающих. Императив является средством выражения регуляции поведения агента.

3. Действие не представляет сложности для агента – нет источника препятствий.

Императив может быть употреблен в следующих типах речевых актов: инструкциях, советах, некоторых просьбах и согласиях. Мы видим, что использование наклонения носит ограниченный характер, что свидетельствует о преобладании в финском языке стратегий негативной, а не позитивной вежливости сближения, к которой относится императив. Важное дискурсивное значение имеет употребление частиц.

Рассмотренные особенности вежливого употребления повелительного наклонения в финском языке могут быть использованы при составлении учебно-методических пособий.

Список литературы

1. Вежбицка А. Речевые акты. Пер. с английского // Новое в зарубежной лингвистике / общ. ред. Падучева Е.В. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 251 – 275.
2. Корди Е.Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
3. Храковский В.С. Повелительность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л., 1990. – С. 185 – 243.
4. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. – М.: УРСС, 2001.
5. Цейтлин С.Н. Необходимость // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л., 1990. – С. 142 – 156.
6. Blum-Kulka J., House S. G. Kasper. Cross Cultural Pragmatics: Requests and Apologies (Advances in Discourse Processes). – N.J.: Ablex Pub. Corp., 1989. – Vol. 31.
7. Hakulinen A. 2001e – Liitepartikkelin han/hän syntaksia ja pragmatiikkaa// Auli Hakulinen, toim.: Kirjoituksia kolmelta vuosikymmeneltä. – Arto, 2001. – P. 44 – 90.
8. Iso Suomen Kielioppi. Большая (описательная) грамматика финского языка. Toim. Hakulinen A., Vilkkuna M., Korhonen R. – Helsinki, 2004. – § 1645-§ 1677.
9. Kangasniemi Heikki. Modal expressions in Finnish. – Helsinki: SKS.
10. Lyons John. Semantics. – Cambridge, New York: Cambridge university press, 1977.
11. Matihaldi Hilikka-Liisa: Nykysuomen modukset. Acta Universitatis Ouluensis b: 7. – Oulu, 1979.
12. Pirkko Muikku-Werner: "Jättä minut rauhaan, hävi heti" Suomalaisten ja suomenoppijoiden pyynnöt ja anteeksipyyntöt. – Jyväskylä, 1997.
13. Raevaara L. Arjen asiointia. Keskusteluja Kelan tiskin äärellä / отв. ред. M.L. Sorjonen, L. Raevaara.
14. John R. Searle, Daniel Vanderveken. Foundations of illocutionary logic. – Cambridge University Press, 1985.

Неэмотивные фразеологизмы современного немецкого языка в письменном дискурсе

В статье на материале современного немецкого языка рассматривается проблема неэмотивности фразеологических единиц. Цель статьи – определить содержание понятия неэмотивный фразеологизм и показать, что фразеологизмы, используемые в письменном (в официально-деловом и публицистическом) дискурсе, образуют отдельный класс в системе неэмотивных устойчивых словосочетаний со связанной семантикой.

The article by the material of the modern German language raises the problem of phraseological units non-emotiveness, defines the notion non-emotive phraseological unit, and shows that the phraseological units used in the written discourse, namely formal written and journalistic discourse form one of the groups of non-emotive stable units with associated semantics.

Ключевые слова и фразы: эмотивность, экспрессивность, оценочность, фразеологизм, неэмотивный фразеологизм, письменный дискурс.

Key words: emotiveness; expressiveness, assessment, phraseological unit; non-emotive phraseological unit, writing discourse.

Эмоции являются механизмом переосмысления повседневного опыта и формируют субъективное отношение к реальности. Человек выражает свои эмоции, вербализуя их, благодаря чему они закрепляются в семантике языковых единиц в качестве отдельных микрокомпонентов и становятся узнаваемыми для всех носителей языка. Описывая эмоции в их языковом преломлении, В. В. Шаховский вводит понятия эмотивность, эмотивный, эмотив. Под эмотивностью понимается «имманентно присущее языку языковое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики» [10, с. 24]. Языковые единицы, обладающие эмотивностью, называются эмотивами.

К эмотивным единицам языка большинство ученых традиционно относят фразеологизмы, так как благодаря своей образности, интенсивности и оценочности они часто служат средством выражения и номинации эмоциональных состояний и отношений говорящего. Проблемы эмотивной фразеологии привлекают внимание современных лингвистов [1; 4; 5; 7]. Под фразеологизмами мы, вслед за И. И. Чернышевой, понимаем устойчивые словесные комплексы различной синтаксической структуры с уникальной связью между компонентами, значение которых возникает в результате полной или частичной семантической трансформации компонентного состава [8, с. 120]. По типу семантической и синтаксической

структуры автор разделяет класс фразеологических единиц (ФЕ) на три подкласса: фразеологические единства (*phraseologische Einheiten*), фразеологизмы со структурой предложения (*festgeprägte Sätze*), фразеологические сочетания (*phraseologische Verbindungen*). Первый подкласс представлен ФЕ с полностью переосмысленным компонентным составом как на синхронном, так и на диахронном уровне (*wie eine kalte Dusche wirken* – подействовать как ушат холодной воды; *sich auf sein/aufs Altenteil setzen/zurückziehen* – уйти на покой). Ко второй группе относятся пословицы и поговорки, характеризующиеся переосмысленным или обобщенным значением (*Apfel fällt nicht weit vom Stamm* – яблоко от яблони недалеко падает; *Da liegt der Knüppel beim Hund* – в этом и заключаются неприятные последствия). ФЕ третьего типа характеризуются тем, что только один компонент подвергается семантической трансформации и образует уникальное сочетание со вторым словом, сохраняющим свое прямое значение (*blinder Schuss* – холостой выстрел, *blinder Passagier* – безбилетный пассажир на борту корабля или самолета).

Мы дополняем классификацию И. И. Чернышевой структурными или грамматическими фразеологизмами, которые включают в свои типологии Х. Бургер [11, с. 36 – 40]; А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский [2, с. 74 – 78]. Грамматические ФЕ (*in Bezug auf* – в отношении чего-либо, *sowohl als auch* – как, так и) являются носителями нерегулярного грамматического значения и выполняют функцию предлогов или союзов.

И. И. Чернышева подчеркивает, что фразеологическая номинация носит субъективный характер. ФЕ «служат не для рационального, а для экспрессивно-оценочного, коннотативного обозначения референта» [2, с. 74 – 78]. Однако анализ материала показывает, что не все ФЕ обладают экспрессивными характеристиками. Так, например, фразеологические сочетания *kalte Miete* (арендная плата без учета платежей за отопление); *kalter Schlag* (удар молнии, который не вызвал возгорания), несмотря на семантическую связанность одного из компонентов, выполняют нейтрально-назывную функцию, то есть их нельзя считать эмотивами. С другой стороны, так же не все экспрессивные и экспрессивно-оценочные ФЕ связаны с выражением или номинацией эмоций.

Для нашего исследования принципиально важно разграничить понятия экспрессивность и эмотивность. Под экспрессивностью мы, вслед за А. В. Куниным, понимаем «обусловленные образностью, интенсивностью или эмотивностью выразительно-изобразительные качества слова или фразеологизма» [6, с. 94]. Отметим, что интенсивностью называется «способность слова или фразеологизма усиливать признаки обозначаемых ими объектов» [6, с. 94]. Таким образом, экспрессивность ФЕ – это характеристика более высокого порядка, которая может создаваться как всеми перечисленными свойствами вместе, так и по отдельности. В приведенном ниже примере фразеологическое единство *ein Fels in der Brandung* (скала

во время прибоа) является экспрессивным, в первую очередь, благодаря своей образности. Оно не выражает эмоций, а только усиливает положительную оценку работы предприятия, как бы визуализируя его надежность и стабильность в трудные времена.

Der Nähmaschinen-Hersteller Bernina in Steckborn wirkt in Krisenzeiten wie ein Fels in der Brandung [15]. (Производитель швейных машин Bernina из Штекборна в разгар кризиса стоек как скала).

Из сказанного выше следует, что не все фразеологизмы являются эмотивными. Это справедливо как для нейтрально-назывных, так и для экспрессивных или экспрессивно-оценочных ФЕ.

К отличительным характеристикам ФЕ традиционно относят их стилистическую окрашенность. При этом имеется в виду принадлежность к разговорному стилю или обиходному дискурсу. В своей концепции фразеологического словаря А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, например, совсем отказываются от пометы *разг.*, предлагая сместить стилистический ноль к разговорному стилю [2, с. 553 – 554]. Действительно, разговорная речь со свойственной ей спонтанностью, субъективностью создает все условия для реализации эмоционально-экспрессивного потенциала ФЕ, то есть является естественной средой для эмотивных фразеологизмов. Следовательно, неэмотивные ФЕ представлены в основном в письменном дискурсе.

В современной лингвистике выделяют «широкую» и «узкую» концепцию дискурса. В рамках широкой концепции дискурс соотносится с традиционным понятием функциональный стиль или жанр и рассматривается как «совокупность текстов в пределах одной и той же коммуникативной сферы, имеющих определенное грамматическое, лексическое и стилистическое оформление и связанных с экстралингвистическими, социокультурными, прагматическими, психологическими и другими факторами [9, с. 158]. В узком смысле дискурс сводится к конкретному коммуникативному событию, осуществляемому в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве [3, с. 13].

Мы разделяем «широкую» точку зрения на природу дискурса и рассматриваем ФЕ в книжной письменной речи, которая включает в себя официально-деловой, научный, публицистический и художественный дискурс. В нашей работе мы опираемся на тексты договоров, деловой переписки и публицистические тексты различных интернет-изданий. Художественная литература не исследуется, так как она объединяет все функциональные стили, в том числе разговорный, и широко использует различные средства экспрессии и выражения эмоций. Научный дискурс также рассматривается отдельно.

Цель данной статьи – показать, что фразеологизмы современного немецкого языка, используемые в письменном, а именно в официально-деловом и публицистическом дискурсе, образуют отдельный класс в сис-

теме неэмотивных фразеологизмов. При этом они неоднородны по типу семантики, функциям и степени экспрессивно-оценочного потенциала. Комплексным описанием неэмотивных фразеологизмов в письменном дискурсе обусловлена актуальность нашей работы. В обращении к разработке теоретических вопросов неэмотивности устойчивых выражений в системе немецкого языка и их употреблении на материале корпусов текстов заключается научная новизна данного исследования. Тем самым работа вносит вклад в изучение основ теории современной фразеологии.

Немецкий официально-деловой дискурс охватывает язык делопроизводства (*Amtssprache*) и канцелярский немецкий (*Papierdeutsch*). Словарь устойчивых словосочетаний немецкого языка Duden Redewendungen, включающий в себя более 10 000 статей, содержит только 7 устойчивых сочетаний с пометой *Amtsspr.* и 27 с пометой *Papierdt.* Причем они не являются классическими фразеологизмами по классификации И. И. Чернышевой. Так, синонимичные клише *in dem/diesem Betreff* (в этом отношении); *in Betreff* (в отношении чего-л.); *unter/mit Bezug auf etw.* (ссылаясь на что-л.); *unter/mit Bezugnahme auf etw.* (со ссылкой на что-л.), а также *mit Wirkung vom* (вступающий в силу с...) можно отнести к грамматическим ФЕ. С морфологической точки зрения, они являются производными предлогами, образованными от существительного с предлогом, и выражают синтаксическую зависимость существительных, местоимений, числительных от других слов в словосочетании и предложении. Так, *сочетание in Betreff (Amtsspr., Kaufmannsspr. – в отношении)* имеет значение соотношения, связи, а ФЕ *mit Wirkung vom (Amtsspr. – начиная с)* указывает на начало или окончание какого-либо процесса или действия.

Можно говорить о полисемии грамматических ФЕ. Например, *unter/mit Bezug auf etw.* в примере 1 указывает на источник информации, а в примере 2 называет необходимое условие и предпосылку.

1. *Die Prawda informiert unter Bezug auf den russischen Fernsehsender NTW über eine Erklärung des russischen Außenministers Sergei Lawrow: Russland sei prinzipiell zur Übergabe der südlichen Kurilen (Shikotan und Habomai) an Japan bereit* [15]. («Правда» сообщает со ссылкой на российский телеканал НТВ о заявлении министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова: «В принципе Россия готова передать Японии южные острова Малой Курильской Гряды (острова Шикотан и Хабомаи)»).

2. *Das Gewissen bezeichnet die Fähigkeit und Bereitschaft der Persönlichkeit, unter Bezug auf positive sittliche Verpflichtungen und Normen Urteile zu fällen* [15]. (Совесть отражает способность и готовность личности принимать решения, опираясь на позитивные нравственные обязательства и нормы...).

Тип грамматических ФЕ встречается и среди устойчивых словосочетаний с пометой *Papierdt.* (*im Gefolge des Hurrikans* – вследствие урагана; *nach Maßgabe der Gesetze* – в соответствии с законами). При этом основ-

ную часть устойчивых выражений с этой пометой составляют аналитические глагольные сочетания (АГС), образованные по модели абстрактное существительное + глагол (*in Abzug bringen – abziehen – вычитать; Anwendung finden – angewendet werden – найти применение, im Wegfall kommen – wegfallen – выпадать*). Носителем значения выступает существительное, в то время как глагол является семантически опустошенным и выбирается произвольно. И. И. Чернышева оставляет АГС за границами фразеологической системы. Однако следует учесть, что значение АГС не всегда сводится к значению соответствующего глагола. Так, например, пассивная форма глагола „*verwenden*“ *verwendet werden* указывает на длительное использование, применение чего-либо, в то время как АГС *zur Verwendung kommen* (начать применяться) выражает законченное одномоментное действие, начало процесса. Очевидно, что АГС в этом случае привносит дополнительное грамматическое значение одномоментности и противопоставляется дуративному глаголу, а, следовательно, может быть отнесено к грамматическим ФЕ.

Итак, анализ материала показывает, что фразеологизмы с пометами *Amtsspr.* и *Papierdt.* в основном выражают нерегулярные грамматические связи, что предопределяет их неэмотивность, а также отсутствие экспрессивно-оценочных характеристик.

Третью, самую многочисленную и неоднородную группу ФЕ письменного дискурса составляют фразеологизмы с пометой *bildungsspr.*, указывающей на принадлежности ФЕ к речи интеллигенции. С другой стороны, фразеологизмы этого стилистического пласта отсылают к знаниям мировой литературы и культуры, религий, мифологии, а также к академическим традициям. Они органично воспринимаются в научно-популярных текстах, текстах о культуре, искусстве, исторических и социальных процессах, а также широко используются в различных жанрах публицистики: статьях, репортажах, фельетонах, интервью, ораторских выступлениях. По этой причине помету *bildungsspr.* можно сопоставить с традиционными для отечественной лексикографии пометами *книжн.* и *публ.*

Из 95 фразеологизмов с пометой *bildungsspr.* 65 – прямые заимствования из других языков, большинство из которых латинизмы (*Tempi passati – давно минувшие времена; nolens volens – хочешь, не хочешь, mutatis mutandis – с определенными изменениями*); 5 – ФЕ, в которых основной для номинации компонент является латинизмом (*jmdm. etwas ad oculos demonstrieren – наглядно доказывать, показывать кому-л.; что-л.; etw. ad absurdum führen – продемонстрировать бессмысленность, несостоятельность чего-л.*); 25 – немецкоязычные фразеологизмы, 19 из которых – кальки (*unter jmds. Ägide – под эгидой кого-л., под чьим-л. покровительством; die Büchse der Pandora – ящик Пандоры, babylonische Sprachverwirrung/babylonisches Sprachengewirr – вавилонское столпотворение, ein Ruffer/Prediger in der Wüste – вопиющий в пустыне*).

Преобладание заимствований обусловлено интернациональностью этого фразеологического пласта. Устойчивые выражения с пометой *bildungsspr.* связаны с реалиями мировой культуры, а потому понятны всем, кто обладает определенным набором знаний.

В отличие от грамматических ФЕ официально-делового стиля фразеологизмы с пометой *bildungsspr.*, как правило, мотивированы внутренней формой и обладают интенсивностью, т. е. способны усилить, подчеркнуть значение сказанного. Кроме того, ассоциации, вызванные образом, могут восприниматься как положительные или отрицательные. Следовательно, речь идет об экспрессивно-оценочных характеристиках исследуемой группы ФЕ, а экспрессивное выражение оценки часто связано с эмоциями.

Для нашей работы принципиально важно показать, что экспрессивность и оценочность устойчивого выражения не всегда определяют его эмоциональность. К тому же не все ФЕ с пометой этой группы связаны с экспрессией и оценкой. Итак, по степени экспрессивности, оценочности и потенциальной эмотивности мы разделяем немецкоязычные ФЕ с пометой *bildungsspr.* на 3 группы: неэкспрессивные и безоценочные, экспрессивно-безоценочные, экспрессивно-оценочные.

ФЕ первой группы не являются интенсификаторами значения, не связаны с выражением оценки и эмоций. Они широко используются как клише в письменном дискурсе и в текстах публичных выступлений (*unter jmds. Ägide, in die Annalen [der Geschichte] eingehen, unter jmds., einer Sache Auspizien, das Fazit [aus etw.] ziehen, ein/das Prä haben, das Terrain sondieren*). Приведем пример: *Die bilateralen israelisch-arabischen Gespräche werden unter Ägide der USA geführt.* (Двусторонние израильско-арабские переговоры пройдут под эгидой США) [15].

Экспрессивно-безоценочные ФЕ служат средством интенсификации, усиливают те или иные признаки, подчеркивают их значимость, однако, как правило, не содержат эмоционального компонента значения (*An Haupt und Gliedern – целиком и полностью; den Rubikon überschreiten – сделать решающий шаг, einer Sache Paroli bieten – дать чему-л. решительный отпор*). Проиллюстрируем сказанное примерами.

1. *Die Reform des Justizsystems an Haupt und Gliedern ist eine der wichtigsten Forderungen der EU* [15]. (Коренная реформа судебной системы является одним из основных требований Евросоюза).

2 *Seit sich die meisten Wissenschaftler einig sind, dass der aufrechte Gang der Rubikon war, den der Affe auf dem Weg zum Menschen überschreiten musste, streiten sie darüber, was ihn dazu trieb* [12]. (С тех пор как большинство ученых сошлись во мнении, что прямохождение стало Рубиконом, который обезьяна должна была перейти на пути своего становления человеком, они спорят о том, что ее к этому подвигло).

Экспрессивно-оценочные ФЕ вызывают у реципиента текста определенные ассоциации, которые и определяют знак оценки. Так, пришедшее

из греческой мифологии сочетание *die Büchse der Pandora* означает *что-то, что приносит несчастье*. Библиизм *ein Rufer/Prediger in der Wüste* связан с безнадежностью и унынием. С другой стороны, сочетание *ein augusteisches Zeitalter* (августинская эпоха) отсылает ко временам правления римского императора Августа, слывшего покровителем изящных искусств, что предполагает положительную оценку. При этом некоторые оценочные фразеологизмы с пометой *bildungsspr.* могут менять знак в зависимости от контекста.

Амбивалентностью оценки обладает, например, оригинальный немецкий фразеологизм *ein Ritt über den Bodensee* (*очень рискованное, ничем не застрахованное предприятие*), восходящий к балладе Густава Шваба „Der Reiter und der Bodensee“ («Всадник и Боденское озеро»). Так, в примере 1 при высоком риске есть вероятность удачного исхода, поэтому оценка скорее положительная, в то время как в примере 2 говорящий настроен отрицательно:

1. *Porsche muss seine Finanzprobleme selbst lösen. Und zwar innerhalb von vier Wochen...Aber ich sage auch: Das wird ein Ritt über den Bodensee. Und der friert bekanntlich nur alle 20 Jahre mal zu* [15]. (Порше должен сам решить свои финансовые проблемы. И к тому же в течение четырех недель...Но с другой стороны, могу отметить: это будет переправой через Боденское озеро. А оно замерзает только раз в 20 лет).

2. *Das private Angebot ist bei der Ausschreibung sicher günstiger. Aber was ist nach zwei Jahren, wenn der Private andere Konditionen verlangt? Ohne Sicherungen ist das ein Ritt über den Bodensee* [15]. (В условиях конкурса предложение частных компаний, разумеется, более выгодно. Но что будет через два года, когда частный сектор потребует изменить условия? Без гарантий это очень рискованно).

В рассмотренных примерах экспрессивно-оценочные ФЕ с пометой *bildungsspr.* не выражают эмоций. Однако в определенном контексте оценочность в сочетании с образностью и интенсивностью создает эмоциональный заряд, и ФЕ становится эмотивным. Например, сочетание *Quadratur des Kreises* (квадратура круга) восходит к неразрешимой задаче на построение с помощью циркуля и линейки и в переносном смысле означает что-то невозможное, какую-л. неразрешимую задачу. Фразеологизм экспрессивен и чаще всего показывает отрицательную (скептическую) реакцию на какое-либо предложение. В примере 1 к оценке прибавляется эмоция. Автор не просто не согласен с собеседником, но выражает свое негодование, что подчеркивается ФЕ со сниженной стилистикой *jmdm. platzt der Kragen* (salopp) – кто-то теряет самообладание от ярости.

Also gut soll er/sie (Heilpraktiker) sein, und billig muss er sein. Was Du verlangst, ist die Quadratur des Kreises. Nichts für ungut, aber manchmal platzt mir der Kragen, wenn ich sowas lese [13]. (Значит, целитель должен

быть хорошим и дешевым. То, что ты требуешь, невозможно. Не обижайся, но иногда меня просто бесит, когда я читаю что-нибудь подобное).

С другой стороны, в примере 2 эта ФЕ не является эмотивной. Говорящий – учитель немецкого языка из США – использует это сравнение, чтобы подчеркнуть сложность стоящей перед ним дидактической задачи. Устойчивое сочетание в данном контексте усиливает признак, но не имеет эмоциональной окрашенности: *Unsere Schüler machen den deutschen und den amerikanischen Abschluss. Beide Systeme und Kulturen unter einen Hut zu kriegen, ist eine Herausforderung. Manchmal ist das wie die Quadratur des Kreises. Es macht die Sache aber auch sehr interessant* [14]. (Наши ученики сдают экзамены на немецкий и американский аттестат зрелости. Привести две разные системы и культуры к одному знаменателю – непростая задача. Иногда это напоминает квадратуру круга. С другой стороны, над этим очень интересно работать).

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что часть ФЕ с пометой *bildungsspr.* являются неэкспрессивными, безоценочными и неэмотивными. В то же время экспрессивно-оценочные характеристики других ФЕ с этой дискурсивной пометой не всегда предполагают наличие эмотивности.

Таким образом, проведенный анализ фразеологизмов письменного дискурса позволяет включить ФЕ с пометами *Amtspr.*, *Papierdt.* и *bildungsspr.* в типологию неэмотивных устойчивых словосочетаний со связанной семантикой.

Список литературы

1. Ахметсагирова Л. И. Семантические интенсификаторы эмоциональных состояний во французской эмотивной фразеологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2009. – № 1. – С. 20 – 23.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008.
3. Бельская Т. И. Еще раз об определении дискурса // Альманах современной науки и образования. – 2009. – Т. 2. – № 8 (27) . – С. 20 – 23.
4. Василенко А. П. Оценочно-эмотивное содержание русских и французских фразеологизмов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – Т. 1. – № 1. – С. 63 – 65.
5. Волкова Н. Н. Русская эмотивная фразеология в языке и тексте: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2005.
6. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – Дубна: Феникс, 1996.
7. Синельникова И. И. Семантические интенсификаторы эмоциональных состояний во французской эмотивной фразеологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2008. – № 2 . – С. 116 – 118.
8. Степанова М. Д., Чернышева И. И. Лексикология современного немецкого языка. – М.: Академия, 2003.
9. Филоненко Т. А. Соотношение понятий “дискурс” и “функциональный стиль” // Альманах современной науки и образования. – 2010 . – С. 156 – 158.

10. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка – М.: Либроком, 2009.
11. Burger H. Phraseologie: eine Einführung am Beispiel des Deutschen. – Berlin: Erich Schmidt, 1998.
12. Grolle J. Siegeszug aus der Sackgasse SPIEGEL-Serie über neue Knochenfunde vom Urmenschen und die Entstehung des Homo sapiens (I) // SPIEGEL ONLINE. – [Электронный ресурс]: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-9223106.html> (дата обращения: 04.08.2013).
13. Heilpraktiker// DMSG. Deutsche multiple Sklerose Gesellschaft. – [Электронный ресурс]: <http://www.dmsg.de/multiple-sklerose-forum/index.php?w3pid=msforum&kategorie=forum&tnr=8&mnr=107840> (дата обращения: 04.08.2013)
14. Kesselhut. Lehrer ohne Grenzen // KARRIERE SPIEGEL. – [Электронный ресурс]: <http://www.spiegel.de/karriere/ausland/jobs-an-auslandsschulen-deutsche-lehrer-unterrichten-im-ausland-a-842107.html> (дата обращения: 04.08.2013).
15. No Title // Cosmas II. Das Portal für die Korpusrecherche in den Textkorpora des Instituts für Deutsche Sprache. – [Электронный ресурс]: <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/> (дата обращения: 04.08.2013).

**Интердискурсивность, интертекстуальность, полифония:
к соотношению понятий**

В статье обобщаются взгляды исследователей на понятия дискурс и связанные с ним явления интердискурса и интердискурсивности, появление и активное изучение которых обусловлено антропомерностью современной научной парадигмы. Введение данных явлений продолжает линию диалогичности, начатую М.М. Бахтиным.

The article presents a review of different approaches to the terms discourse and interdiscursivity. The appearance and research of these notions are denoted by the modern anthropocentric scientific paradigm. The appearance of these terms continues a line of dialogism that was started by M.M. Bahtin.

Ключевые слова: текст, интертекстуальность, дискурс, дискурсивность, интердискурс, интердискурсивность, полифония.

Key words: text, intertextuality, discourse, discursivity, interdiscourse, interdiscursivity, polyphony.

Антропоцентричность современной научной парадигмы, все внимание которой обращено к человеку, диктует необходимость учета когнитивной составляющей в лингвистических исследованиях. Изменяется характер лингвистических исследований. Так, если ранее язык (а текст – это, прежде всего, единица языка) описывался как самодостаточная, самоорганизующаяся, замкнутая в себе система знаков, то сегодня язык понимается как форма жизнедеятельности человека, как способ репрезентации им знаний о мире.

В центре исследований в зарубежном и отечественном языкознании последних десятилетий находится коммуникативное, когнитивное, семиотическое пространство, большее, чем текст, – дискурс. История исследования дискурса насчитывает более 40 лет. За это время сложились многочисленные школы дискурс-анализа: французская (П. Серио, М. Фуко, М. Пеше и др.), немецкая (Утц Маас, Юрген Линк, Юрген Хабермас и др.), англо-американская, отечественная (Чернявская В.Е., Демьянков В.З., Кубрякова Е.С., Андреева В.А., Арутюнова Н.Д., Степанов Ю.С. и др.). Плюрализм школ, по мнению, Ю.С. Степанова, «не только естественен, но и необходим: «инвариант» не является чем-то цельным, он имеет мозаичное строение и каждый фрагмент этой мозаики оказывается преимущественным объектом какой-либо одной из школ» [9, с. 8].

Попытки выделить существенные черты дискурса приводят все к большему противостоянию дискурса и текста, причем основания для этого

могут носить разный характер. В более ранних исследованиях текст и дискурс разделяли по линии устный текст / письменный текст, диалог / монолог, структурность / функциональность. В рамках современных исследований, отличающихся когнитивно ориентированной направленностью, характер разграничения данных понятий носит иной характер: дискурс и текст противопоставляют по линии когнитивная деятельность – продукт этой деятельности, процессуальность – статичность соответственно. «Суть различий, - указывает И.К. Архипов, - заключается в том, что дискурсом называются все до- и послетекстовые процессы, происходящие в сознании» [1, с. 187]. Кубрякова Е.С. подразумевает под дискурсом «когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения» и соотносит текст с «конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму» [4, с. 19 – 20]. Чернявская В.Е. описывает дискурс как «коммуникативный и ментальный процесс, приводящий к образованию некой формальной конструкции – текста» [13, с. 144]. Таким образом, дискурс связывается с движением мысли, деятельностью сознания коммуникантов в процессе создания или интерпретации текста, в то время как текст описывается как материальный объект, продукт этой деятельности. Исследование дискурса, следовательно, предполагает работу с текстом.

Ученые давно заметили тот факт, что дискурсы существуют не в изоляции, а взаимодействуют друг с другом. Данный факт нашел свое отражение в понятии интердискурс, представляющим собой «дискурсное и идеологическое пространство, в котором разворачиваются дискурсные формации с их отношением господства, подчинения и противоречия» [8, с. 45]. Другими словами, интердискурс формируется на границе между дискурсами, т.е. включает в себя не только информацию о дискурсах, но и о междискурсных отношениях. Следовательно, интердискурс представляет собой явление более широкого плана, чем дискурс. Об этом, в частности пишет Э. Пульчинелли Орланди: «Он (интердискурс. – *Н.Г.*) представляет собой область знания, памяти о дискурсных образованиях» [7, с. 214].

На основании того факта, что дискурсы всегда взаимодействуют друг с другом, М. Пеше в ходе дальнейшего анализа приходит к заключению о том, что «дискурс всегда опирается на предшествующий дискурсный материал, играющий для него роль сырья, первичной материи» [6, с. 318]. В связи с чем он вводит категорию интердискурсивности, определяемую как конститутивную способность любого дискурса, благодаря которой он находится в отношениях с ансамблем уже произведенных дискурсов [6]. Новое лингвистическое явление – интердискурсивность – все чаще становится предметом пристального изучения лингвистов и литературоведов (Гордиевский А.А., Чернявская В.Е., Белоглазова Е.А., Мельникова О.А.,

Сургай Ю.В., Горбунова Н.Г., Андреева В.А., Гончарова Е.А., Данилевская Н.В., Олизько Н.С., Шевченко В.Д., Ленкова Т.А., Пелевина Н.Д. и др.).

Как основоположники интердискурсивности, так и последователи отмечают, что возникновение и существование данного явления неизбежно, так как оно обусловлено широким спектром причин. Так, Белоглазова Е.В. говорит о том, что «одна сфера действительности может обслуживаться рядом конкурирующих между собой дискурсов», и в данном случае мы имеем дело с взаимодополнением или конфликтом дискурсов; кроме того, «метафоричность человеческого мышления обуславливает самые неожиданные параллели, приводящие к установлению субъективных междискурсивных отношений», в связи с чем границы дискурсов оказываются подвижны [2, с. 159].

Надо заметить, что в своей основе интердискурсивность – явление не новое. Факт пересечения, взаимодействия различных семиотических систем, находящий свое выражение в тексте, отмечался и ранее. М.М. Бахтин, описывая диалогический характер художественного текста, обращается к музыкальному понятию полифонии. В музыке термином полифония обозначают вид многоголосия, основанный на равноправии составляющих фактуру голосов, в которой каждый голос имеет самостоятельное мелодическое значение. Заимствуя данный термин, М.М. Бахтин, тем самым, указывает на сходство организации музыкального произведения и художественного текста, где мы также сталкиваемся с существованием нескольких голосов. Собственно, на идеях этого выдающегося литературоведа, лингвиста основывается понятие интертекстуальность, трактуемое традиционно как «межтекстовые связи, в результате которых формируются новые смыслы текста» [11, с. 9]. С интертекстуальностью связывалась идея открытости текста, отражающая процесс «разгерметизации» текстового целого через особую стратегию соотнесения одного текста с другими текстовыми/смысловыми системами и их диалогическое взаимодействие в плане и содержания, и выражения. Теория интертекстуальности накопила большой научный опыт: к идее интертекстуальности обращаются семиотики, философы, литературоведы, лингвисты. В узком понимании интертекстуальность сводится к вербальным включениям, в широком предстает в качестве «онтологического свойства текста, каждый элемент которого находится в постоянных смысловых переключках с иными текстами» [15, с. 82].

В свете дискурсивных исследований открытость текста связывается с наличием у него новой характеристики – дискурсивности. Один из основоположников дискурс-анализа французский философ М. Пеше определяет дискурсивность как «упорядоченное пространство рассеянных высказываний», «встраивание явлений языковой природы в историю» [6, с. 298 – 299].

Чернявская В.Е. понимает под дискурсивностью «интегрированность текста в метапространство дискурса» [12, с. 176]. Следовательно, текст как

часть дискурса приобретает все те особенности, которые характеризуют дискурс, например, историческая детерминированность (или дискурсивность). С другой стороны, текст как продукт дискурсивной деятельности служит средством ее репрезентации, то есть в тексте находят свое отражение все дискурсивные процессы, в том числе «междискурсивный диалог».

Бесспорно, когда речь идет о межтекстовых связях, переключках одного текста с другим, то имеется в виду диалог – работа сознаний – автора принимающего текста и автора текста-источника, а также ментальная деятельность реципиента, воспринимающего и интерпретирующего интертекстуальные включения. И.К. Архипов связывает понятие интердискурсивности именно с работой индивидуального сознания: «При построении сложных языковых знаков дискурса, – рассуждает И.К. Архипов, – говорящий опирается на известные ему наиболее общие способы его организации. Например, он знает (помнит) определенные алгоритмы появления комбинаций слов и средств связи между ними и использует их для обеспечения связности высказывания. Далее, он также знает, что в своем изложении может опираться (ссылаться, намекать) на информацию, содержащуюся в других источниках. Он помнит эту информацию в той или иной степени и объеме. Он также надеется и уверен, что аналогичными или почти такими же знаниями обладает и его слушатель. Благодаря этому знанию он вводит в свои цепочки дискурса цитаты и аллюзии. Осознание связи данной цитаты или аллюзии с каким-либо содержанием, которое встречалось в других текстах, а на самом деле, соотносится с состояниями сознания другого или других коммуникантов, творивших свои дискурсы, следует называть интердискурсивностью» [1, с 206 – 207].

Чернявская В.Е. также приходит к выводу о том, что «наиболее общее отношение между текстами – взаимодействие на уровне ментальных процессов, подразумевающее использование в различных текстовых системах неких общих когнитивных и коммуникативно-речевых стратегий автора сообщения, реализацию общих операциональных шагов, установок, детерминирующих в конечном итоге определенную общность текстовых структур и их формальных элементов» следует именовать не интертекстом, а интердискурсом, так как этот процесс происходит на уровне дискурса [13, с. 18].

Несмотря на активный интерес к изучению интердискурсивности, сложно говорить о твердо сложившейся теоретической основе в данной области. Называя явления, описываемые как интердискурсивные, авторы прибегают к различным формулировкам. Так, Шевченко В.Д. использует термин интерференция дискурсов и определяет его как «происходящий в сознании человека сложный ментальный процесс, состоящий во взаимодействии между дискурсами, репрезентируемыми включенным и принимающим текстами, а именно: между отраженными в этих текстах когнитивными моделями ситуаций и коммуникативно-прагматическими

характеристиками этих текстов, обусловленными спецификой социокультурных ситуаций общения» [14, с. 3]. Исследователь считает, что «интерференция дискурсов происходит в результате включения интертекстуального фрагмента в принимающий текст» [14, с. 4]. Другими словами, интерференция дискурсов в данном случае сводится к интертекстуальности. Вместе с тем, интердискурсивность, по мнению В.Е. Чернявской, не ограничивается интертекстуальностью. Напротив, маркерами того или иного дискурса могут также выступать «графические, просодические и иные средства, выступающие признаками того или иного дискурса и переключающие воспринимающее сознание с одного типа дискурса на другой» [13, с. 23].

О неравнозначности понятий интертекстуальность и интердискурсивность высказываются и другие исследователи: Архипов И.К., Белоглазова Е.В., Пелевина Н.Д., Гордиевский А.А., Миловидов В.А. и другие. Чернявская В.Е., Белоглазова Е.В., Миловидов В.А. относят указанные явления к видам диалогичности. Однако, если в случае интердискурсивности, по мнению, В.Е. Чернявской, «в диалогическое соприкосновение приходят <...> дискурсивные системы как предзаданные когнитивные системы мышления, культурные коды, коммуникативно-речевые стратегии», то в случае интертекстуальности взаимодействуют тексты [13, с. 23].

В качестве параметра разграничения данных понятий выдвигается также разный характер сигналов данных явлений. Так, в случае интертекстуальности, по мнению Белоглазовой Е.В., сигналами выступают «конкретные языковые единицы, сигнализирующие связь между текстами (цитаты, аллюзии, реминисценции)», в случае же интердискурсивности сигналами будут выступать «прототипические, ядерные элементы концептуального и языкового плана дискурса» [2, с. 69].

Таким образом, интердискурсивность характеризует процесс мышления. Следы этого процесса обнаруживаются в текстовой плоскости, в частности, в виде интертекстуальных включений.

Далее, интердискурсивные процессы описываются также как интермедиальные и метадискурсивные. Данными терминами оперирует, в частности, Олизько Н.С. Вслед за представителями французской школы дискурс-анализа исследователь рассматривает интердискурс как лингвосоциокультурное пространство, в котором формируется и производится дискурс. В своем исследовании Олизько Н.С. описывает взаимодействие художественного дискурса постмодернизма с различными вербальными семиотическими системами и невербальными знаковыми системами (музыкой, живописью и т.д.) в рамках семиосферы [5, с. 9]. Говоря о взаимодействии различных семиотических систем, стоит упомянуть используемое рядом исследователей понятие креолизованный текст. Креолизованный текст описывается как особый вид текста, «фактура которого состоит из двух негомогенных частей: вербальной и невербальной, при-

надлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык» [10, с. 180]. Предметом исследования в данном случае выступают следующие тексты: афиши, транспаранты, комиксы, карикатуры, плакаты, кинотекст. Содержание данных текстов кодируется разными средствами. Подобные тексты определяют также как поликодовые, полимедиальные и др. Чернявская В.Е. отмечает, что взгляд на текст как поликодовое образование является «следствием и отражением поликодового характера человеческой коммуникации», в качестве определяющих черт которой автор называет эстетизацию коммуникации, проявляющуюся в «усиленной визуализации коммуникативного сообщения» [12, с. 90].

Олизько Н.С. определяет понятие интермедиальность как «взаимодействие художественного дискурса с невербальными знаковыми системами». Метадискурсивность понимается как «взаимосвязь с другими вербальными дискурсами (в частности, научным) посредством реализации в художественном дискурсе семиотических систем, выступающих в качестве метаязыка по отношению к соответствующему произведению и предлагающих авторское толкование (пояснение, интерпретацию и оценку) особенностей организации последнего» [5, с. 31].

Таким образом, продолжая линию диалогичности, начатую М.М.Бахтиным, понятия интердискурс и интердискурсивность характеризуют, прежде всего, диалогичность сознания и творческий потенциал языковой личности. Все больший интерес к явлению интердискурсивности приводит к появлению новых толкований и интерпретаций данного явления. Интердискурсивность понимается по-разному: как индивидуальная речемыслительная деятельность коммуниканта, создающего или воспринимающего текст, как взаимодействие в текстовой плоскости различных семиотических систем, как полифония или многоголосие и т.д.

Появление данного понятия объясняется комплексным, взаимосвязанным характером деятельности человека, познающего мир во всей его сложности и многогранности. Способом вербализации знаний человека о мире, является, в том числе и литературно-художественное творчество. По мнению Воронцовой Т.И., «литературное творчество – это искусство слова, а человеческая речь является универсальным средством познания жизни, поэтому именно литературное творчество может осуществлять гораздо более широкое и разностороннее воспроизведение жизни, чем другие виды искусства» [3, с. 7].

Список литературы

1. Архипов И.К. Язык и языковая личность: учеб. пособие. – СПб.: Книжный дом, 2008.
2. Белоглазова Е.В. Полидискурсивность как особый исследовательский фокус // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – № 3. – 2009. – С. 66 – 71.

3. Воронцова Т.И. Концептуальная картина мира текста баллады (на материале английских и шотландских баллад). Монография. – СПб.: ИВЭСЭП, филиал в г. Хабаровске, 2004.
4. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространства, текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: материалы научной конференции. – М.: Диалог–МГУ. – С. 19 – 20.
5. Олизько Н.С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Челябинск, 2009.
6. Пеше М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс. – С. 225 – 290.
7. Пульчинелли Орланди Э. К вопросу о методе и объекте анализа дискурса // Квадратура смысла. – М., 1999. – С. 197 – 225.
8. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс. – С. 12 – 53.
9. Степанов Ю.С. Париж-Москва весной и утром // Квадратура смысла. – М.: Прогресс, 1999. – С. 3 – 11.
10. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990.
11. Филиппова С.Г. Интертекстуальность как средство объективации картины мира автора: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2008.
12. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
13. Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // Стил-6. – Белград, 2007. – С. 11 – 26.
14. Шевченко В.Д. Интерференция дискурсов в англоязычной публицистике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2011.
15. Щирова И.А., Гончарова Е.А. Многомерность текстового пространства. – СПб.: Книжный дом, 2007.

Отражение неразрешенного конфликта в различных аспектах внутренней речи

В статье рассматривается проблема описания конфликта в художественном тексте. Основное внимание уделяется отражению неразрешенного конфликта в различных аспектах внутренней речи. Автор выделяет потенциально и ситуативно неразрешаемые типы внутреннего конфликта.

The article considers the problem of conflict in fiction. Particular attention is given to the reflection of unresolved conflict in interior discourse. The author marks out potentially and situationally unresolved types of interior conflict.

Ключевые слова: конфликт, конфликтная ситуация, коммуникация, разрешенный конфликт, неразрешенный конфликт, внутренний монолог, внутренний диалог.

Key words: conflict, conflict situation, communication, resolved conflict, unresolved conflict, interior monologue, interior dialogue.

История человеческой цивилизации насыщена разного рода конфликтами. Одни конфликты охватывали целые континенты и десятки стран и народов, другие вовлекали большие и малые социальные общности, третьи происходили между отдельными людьми. С древнейших времен люди пытаются решить возникающие противоречия и мечтают о бесконфликтном обществе.

В исторической и художественной литературе описано огромное количество различающихся по силе, по последствиям для людей, форме и содержанию конфликтных ситуаций. Когда речь идет о художественном тексте, под конфликтом принято понимать обязательно борьбу, спор, столкновение, противоборство враждующих сил как в отношениях героя с внешним миром, так и с самим собой. Однако современное видение конфликта в художественном тексте позволяет утверждать, что конфликт – это не обязательно только столкновение, но и характер взаимоотношений, состояние [5, с. 101].

Тем не менее, в самом понятии конфликта заложена необходимость наличия двух противоборствующих сторон. Кроме того, конфликт относится, прежде всего, к сфере коммуникации, и поэтому для выражения точек зрения конфликтующих сторон необходимы определенные языковые средства.

Существуют различные типы конфликтов и совершенно разные принципы их классификации. Один из самых важных критериев – характер ре-

зультата. С этой точки зрения можно выделить разрешённый и неразрешённый конфликты.

Неразрешенный конфликт, в отличие от разрешенного, означает, что причина недовольства, возникновения конфликта, повод для возможного столкновения в будущем остался без разрешения; недовольство как эмоционально неприятное напряжение сохранилось. Подобный конфликт может быть вызван самыми разными причинами, а варианты его развития часто непредсказуемы. Например: «“You don't know the value of money,” he [James. – С.Л.] said, avoiding her eye. “No! and I hope I never shall!” and, biting her lip with inexpressible mortification, poor June was silent» [11]. (– Ты не знаешь цены деньгам, – сказал он [Джемс. – С.Л.], избегая её взгляда.

– Не знаю! И, надеюсь, никогда не буду знать! – и, закусив губы от невыразимого огорчения, бедная Джун замолчала). Эта размолвка Джемса Форсайта, одного из героев знаменитой «Саги о Форсайтах» Д. Голсуорси, и его внучатой племянницы Джун лишь слегка обозначает в резких фразах, адресованных друг другу, конфликт поколений. Конфликт только начинается в приведенном небольшом диалоге. На самом деле оба собеседника продолжают переживать этот конфликт про себя. Внешнее проявление конфликта имеет отражение во внутренней речи: «Why were her own relations so rich, and Phil never knew where the money was coming from for tomorrow's tobacco? Why couldn't they do something for him? But they were so selfish. Why couldn't they build country-houses? She had all that naive dogmatism which is so pathetic, and sometimes achieves such great results» [11]. (Почему её родственники такие богачи, а у Фила нет даже уверенности, будут у него завтра деньги на табак или нет? Неужели они ничего не могут для него сделать? Все такие эгоисты. Почему они не хотят строить загородные дома? Джун была полна того наивного догматизма, который так трогателен и иногда приводит к таким большим результатам). Джун, воспитанная в роскоши и не знающая ни в чем отказа, действительно не знает цены деньгам и выглядит слегка наивно, несмотря на свое упрямство и решительность: «...James, too, was much disturbed. He felt as though someone had threatened his right to invest his money at five per cent. ...James had always been exceedingly liberal to his children, and the consciousness of this made him feel it all the more deeply [11]. (...Джемсу тоже было не по себе. Ему казалось, что кто-то покушается на его право помещать деньги под пять процентов. ...Джемс никогда ничего не жалел для своих детей, и это заставило его ещё глубже почувствовать дерзость Джун). Джемс также вне себя: любовь к детям для него естественное чувство, но истинный Форсайт никогда не смешает его с любовью к собственности. Глубину переживаемых героем противоречий автор подчеркивает, приводя сравнение с его собственными детьми.

В этом примере мы видим продолжение внешнего конфликтного диалога во внутренних монологах обоих участников. Этот конфликт не нахо-

дит разрешения в данной ситуации, наоборот, из небольшой размолвки он переходит во внутренний конфликт, и такая неразрешаемость порождает новые противоречия. Джемс раздражен словами Джун, и тут его взгляд падает на Ирэн, жену его сына Сомса. В душе Джемса снова разгорается конфликт: чопорный мир собственников протестует против совершенно чужого и непонятного мира Ирэн. Столкновение с этим непонятным миром не столько пугает, сколько наполняет душу обидой: «James looked at his daughter-in-law. That ... glance of his was cold and dubious. Appeal and fear were in it, and a sense of personal grievance. ... And the extraordinary unreasonableness of her disaffection struck him with increased force.... She was getting to have opinions of her own. He didn't know what she wanted with anything of the sort. She'd a good home, and everything she could wish for. ... What if Irene were to take it into her head to – he could hardly frame the thought – to leave Soames? ... And he noticed with sour disfavour that June had left her wine-glasses full of wine. 'That little, thing's at the bottom of it all,' he mused...» [11]. (Джемс посмотрел на свою невестку. Взгляд его, ... был холоден и недоверчив. В нём смешались укор и страх и чувство личной обиды. ... И чудовищная нелепость её отношения к мужу поразила Джемса с удвоенной силой. ... У неё появляются собственные мнения. Он не может понять, зачем это ей понадобилось? У неё прекрасный дом, она ни в чём не встречает отказа. ... Что если Ирэн – даже страшно подумать! – действительно решит уйти от Сомса... И он с раздражением заметил, что Джун не прикоснулась к вину. «Все зло в этой девчонке», – размышлял он...).

Автор подкрепляет размышления героя описанием его взгляда, тем самым давая еще и внешнюю характеристику его состояния. Этот внутренний монолог не только передает неприязнь, вспыхнувшую в душе Джемса Форсайта по отношению к непредсказуемым, совершенно непонятным для него и даже взбалмошным представительницам молодого поколения, но также может служить характеристикой самого Джемса, в высшей степени зависящего от социальных условностей, как все Форсайты.

Пользуясь классификацией М.Я. Блоха и Ю.М. Сергеевой [2, с. 39], определим приведенные выше примеры как косвенный внутренний монолог, где речь автора сливается с речью персонажа и передает не только его мысли и чувства, но и интонацию самого автора.

В следующем отрывке мы видим прямой внутренний монолог, в котором отсутствует проявление авторского плана повествования. Старый Джолион Форсайт размышляет об отношениях своей внучки Джун и её жениха: «'This fellow,' he thought, 'may not be a scamp; his face is not a bad one, but he's a queer fish. I don't know what to make of him. I shall never know what to make of him! They tell me he works like a nigger, but I see no good coming of it. He's unpractical, he has no method. ... and yet, he's not after her money. If she were to make a sign, he'd be off his bargain to-morrow. But she won't – not she! She'll stick to him! She's as obstinate as fate – She'll never let

go!» [11]. («Может быть, он и не мерзавец, – думал старый Джолион. – У него хорошее лицо, но что-то странное в нём есть. Я не понимаю этого человека! И никогда не пойму! Говорят, он работает как вол, но ничего путного из этого пока что не получается. Он совершенно непрактичный, беспорядочный ...а между тем, он не гонится за её деньгами. Достаточно одного её знака, и он сейчас же вернёт ей слово. Но она никогда не пойдёт на это никогда! Будет цепляться за него! Упорная, как рок! Она от него не отступится!»).

В переживаниях Джолиона отражены и столкновение жизненных идеалов, и конфликт поколений, и социальный конфликт (Боссини не принадлежит к кругу Форсайтов), и невозможность их разрешения – сам он участвует в происходящем только как наблюдатель и ничего не может изменить.

Приведенные выше примеры показывают, что конфликты являются потенциально неразрешаемыми, их участники не в силах повлиять на ход событий. В этом случае конфликт не призван разрешить противоречие, он является отражением этого противоречия.

В следующем примере конфликт, переживаемый Сомсом Форсайтом, также кажется ему неразрешимым: «If only he could surrender to the thought: ‘Divorce her – turn her out! She has forgotten you. Forget her!’ If only he could surrender to the thought: ‘Let her go – she has suffered enough!’ If only he could surrender to the desire: ‘Make a slave of her – she is in your power!’ If only even he could surrender to the sudden vision: ‘What does it all matter?... If only he could act on an impulse! [11]. (Если б только он мог внять внутреннему голосу: «Разведись с ней, выгони её из дому! Она забыла тебя! Забудь её и ты!» Если б только он мог внять внутреннему голосу: «Отпусти её, она много страдала!» Если б только он мог внять желанию: «Сделай её своей рабой, она в твоей власти!» Если б только он мог внять внезапному проблеску мысли: «Не все ли равно!» ... Если б только он мог сделать что-то не рассуждая!»).

Страдания героя автор изображает в форме скрытого внутреннего диалога, где явно представлены две речевые позиции: Сомс и его внутренний голос. Реплики последнего передаются в произносимой внутренней речи, тогда как представляемые реплики самого Сомса звучат в речи автора. Таким образом, мы ясно видим позицию автора, который в данном случае сочувствует своему герою. Конфликт, переживаемый Сомсом из-за измены жены, требует решения, и он будет разрешен в романе, но в данный момент, в данной ситуации он представляется ему неразрешимым.

Герой романа Ч. Диккенса «Большие надежды» Пип также не находит в себе силы разрешить внутренний конфликт, который давно его мучает: рассказать сестре и её мужу, кузнецу Джо, о встрече с каторжником или нет. Этому мешает вечный конфликт непонимания, существующий между Пипом и его родственниками. Ситуация настойчиво требует решения, но

найти его Пип не может, для него ситуация мучительна и неразрешима: «It was horrible to think that I had provided the weapon, however undesignedly, but I could hardly think otherwise. I suffered unspeakable trouble while I considered and reconsidered whether I should at last dissolve that spell of my childhood and tell Joe all the story. For months afterwards, I every day settled the question finally in the negative, and reopened and reargued it next morning. ... However, I temporized with myself, of course-for, was I not wavering between right and wrong, when the thing is always done» [12]. (Мысль, что это я, хоть и ненамеренно, дал ему в руки такое оружие, приводила меня в содрогание, но ничего иного думать я не мог. Снова и снова я спрашивал себя, не следует ли наконец разрушить чары, с детства тяготевшие надо мной, и все рассказать Джо. В течение нескольких месяцев я каждый день решал этот вопрос в отрицательном смысле, а наутро он опять возникал, и мой спор с самим собой начинался сызнова. ... Кончилось, разумеется, тем, что я пошел на сделку с совестью, – ибо разве я, как всегда бывает в таких случаях, не колебался между добром и злом?).

Этот прямой внутренний монолог не только передает нам моральные страдания героя романа, в тот момент еще маленького мальчика, непосредственного и доверчивого. Переданный от первого лица, он также заставляет нас живо сопереживать наивному и доброму ребенку, страдающему от одиночества и непонимания.

Последние два конфликта, потенциально разрешимые, но представляющие для их участников непреодолимую проблему в какой-то момент повествования, отнесем к ситуативно неразрешаемым.

Отрывки литературных произведений, использованные в качестве примеров в данной статье, демонстрируют отражение конфликтного состояния или поведения героев во внутренней речи, как диалогической, так и монологической. Внутренняя речь может передаваться непосредственно от первого лица, или же косвенно, в авторской речи художественных произведений. Конфликтные речевые действия могут содержаться практически во всех типах речевых актов. Кроме того, внутренняя речь может сопровождаться описанием внешних проявлений психоэмоционального состояния персонажа.

Отражение конфликта во внутренней речи литературного персонажа, раскрывая особенности его личности, создает яркий эмоциональный фон повествования.

Список литературы

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: учеб. для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
2. Блох М.Я., Сергеева Ю.М. Внутренняя речь (языковой строй и функциональная природа). – М.: ЭРА, 2009.

3. Васильев Н.Н. Внутрличностный конфликт // Лексикон социальной работы: учеб. пособие. – [Электронный ресурс]: www.b17.ru/article/1042/ (дата обращения: 01.06.2013).

4. Непшекуева Т.С. Внутрличностный конфликт как лингвистический феномен: дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006.

5. Семенов Н.А. К проблеме конфликта художественного текста // Вестн. Югорского гос. ун-та. – 2011. – Вып. 1 (20). – С. 101 – 106.

6. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: учеб. пособие к спецкурсу. – Волгоград, 1983.

7. Quirk R. Style and Communication in the English Language. – L., 1983.

8. Leech G.N., Short M. Style in Fiction. – L., N.Y., 1984.

Источники:

9. Голсуорси Д. Собрание сочинений: Собственник / пер. с англ.; вступ. статья Д. Жантиевой. – М.: Мир книги, Литература, 2009.

10. Диккенс Ч. Большие надежды. – М.: Моск. рабочий, 1980.

11. John Galsworthy. The Forsyte Saga. – Wordworth, 2006.

12. Charles Dickens. Great Expectations. – Wordsworth, 2008.

**Так творятся миры:
лингвистические эксперименты Станислава Лема**

В статье представлены алгоритмы интерпретации авторских неологизмов Станислава Лема как нереферентных знаков. Показано, что степень вероятностной интерпретируемости искусственных слов определяется числом фильтров интерпретации (системой грамматических показателей, фонетическими ассоциациями, словообразовательными моделями и др.).

We present algorithms of the interpretation of neologisms by Stanisław Lem as non-referential signs in the article. It's showed that the degree of the probability of the interpretation depends on quantity of interpretative filters (a system of grammatical marks, phonetical associations, derivative models etc.).

Ключевые слова: нереферентный знак, вероятностная интерпретация, стабилизатор значения, фильтр интерпретации, Станислав Лем.

Key words: non-referential sign, probabilitive interpretation, balancer of interpretation, interpretative filter, Stanisław Lem.

В гуманитарных исследованиях начала XXI века имя Станислава Лема прочно ассоциируется уже не только с жанром фантастического романа [2; 16; 19; 20; 21; 22], но и с футурологией, теорией информации, проблемами искусственного интеллекта [23]. Менее известен Лем как автор междисциплинарной теории интерпретации текста [10]. «Белое пятно» в лемоведении – это его работы по проблемам философии языка и общей семиотики. Язык как когнитивный инструмент, система естественных и искусственных языков человечества, языки общения человека и компьютера – это вопросы, которые Лем считал важнейшими для развития как самого человека, так и науки будущего. Проблемы философии языка – это предмет не только ряда теоретических работ Лема [8; 10]. Размышления о языке как «творящем конструкторе» обнаруживаются также на страницах его романов.

В рамках этой статьи мы обращаемся к вопросам лингвистического конструирования. Речь пойдёт об особом виде языковой игры, которую очень любил Лем: создании «неологизмов», которые он намеренно оставлял в тексте без объяснения их значения. Одна из первых работ в этой области – диссертация М. Краевской [24], в качестве приложения к своей работе опубликовавшей словарь неологизмов Станислава Лема. В отличие от М. Краевской мы рассматриваем не только собственно лингвистический, но также лингвофилософский и семиотический аспекты этой про-

блемы. В частности, речь пойдёт о цели создания знаков без референтов и условиях их вероятностной интерпретации, о том, как такими знаками определяется характер возможных миров Станислава Лема.

Анализ проводится на материале «Звёздных дневников» Станислава Лема [25; 26]. Одновременно используются его теоретические работы о языке фантастики [9; 10], проблемах искусственного интеллекта, вероятностного анализа языка, креативного потенциала языковых систем [8].

«Звёздные дневники» – это космологическая эпопея космонавта Ийона Тихого, оформленная в виде дневниковых записей. Тихий посещает множество планет, знакомится с представителями инопланетных цивилизаций. «Звёздные дневники» можно назвать также философскими повестями, критическими заметками, социологическим и футурологическим исследованием.

Одновременно этот текст – лингвистическая экспериментальная площадка, где автор выявляет креативные возможности языка, создавая слова для обозначения несуществующих (фиктивных) объектов. В «Звёздных дневниках» нами выделено 230 знаков, отсутствующих в словаре польского или какого-либо другого языка. Применительно к ним мы условно используем понятие *нереферентный знак*, имея в виду следующее. Лем создаёт только «оболочку» знаков, не предоставляя читателю сведений о том, на какие объекты мира (то есть референты) знаки указывают. В терминологии С.А. Крипке автор производит процесс «первого крещения» знака, однако скрывает от языкового сообщества саму связь между носителем знака и замещаемым им объектом [7]. В этом случае процесс коммуникации с текстом подобен «странной семантической петле» [17]: не отсылая читателя к внеязыковому / внетекстовому миру, знак отсылает к самому себе.

Предваряя полёт на планету Энтеропия («Четырнадцатое путешествие»), Ийон Тихий знакомится с ней по статье в «Космической энциклопедии»: «<...> в этой статье мне всё было ясно, за исключением упоминания о *сепульках*, *трансме* и *струме*. К сожалению, последний вышедший том Энциклопедии заканчивается на статье “Соус грибной”, и потому в нём нет ничего о *трансме* или *струме*» [26, с. 107].

Не менее загадочна ситуация и с сепульками. В том же томе Энциклопедии о них сказано только то, что «сепульки – элемент цивилизации ардритов, играющий значительную роль в их существовании» [26, с. 107]. Так читатель вовлекается в лингвистическую игру. Как носитель языка он знает, что слово (знак) должно указывать на какой-либо объект (конкретный или абстрактный), замещая его в акте коммуникации, обретая в этом процессе значение. Но поскольку референты этих знаков не описываются автором, читатель не может провести в сознании линию между носителем знака (последовательностью звуков или графем) и объектом указания. Отмечая факт присутствия на Энтеропии сепулек и трансм, Лем лишь утвер-

ждает действительность существования этих объектов на планете, при этом сами объекты остаются вне возможностей нашего воображения.

Что из этого следует? Казалось бы, придуманные Лемом «слова» нельзя считать знаками, поскольку они не имеют толкования. Согласно Л. Витгенштейну, «если знак не применяется, то он не имеет значения» [4, с. 66]. Но даже если автор ничего не говорит об объектах, стоящих за созданными им словами, языковая компетенция читателя позволяет, хотя бы вероятностным образом, приблизиться к пониманию значений таких знаков. Это основная идея данной статьи.

Любой, даже придуманный, знак есть часть языковой системы. Внутри неё он обладает, по крайней мере, грамматическим значением и коннотацией [10, с. 261], которые и следует обнаружить в процессе языковой игры с текстом. Создавая знаки, казалось бы не отсылающие ни к одному из известных нам объектов мира, Лем актуализирует принцип семиозиса: нельзя создать знак, существующий вне какой-либо знаковой системы, не связанный в каком-либо отношении с уже известными знаками. А это значит, что читатель, которому автор не предоставляет информацию о том, например, что такое или кто такие сепульки или струмы, неизбежно опирается на свою языковую компетенцию. Знания о системе известных ему языков (родного и / или иностранного) позволяют производить словообразовательный анализ авторского неологизма, обнаруживать фонетическую близость между новым словом и известными словами, выделять грамматические показатели, определять синтаксическую позицию знака в высказывании. В итоге, читатель может вложить в знак то значение, которое будет соотноситься с местом и временем интерпретации, языковым сознанием и текстом памяти самого интерпретатора [6; 10]. Из этого следует, что в действительности речь пойдёт не столько о неререферентных знаках (таковые в семиозисе невозможны), сколько о знаках с намеренно скрывающейся автором референцией.

Скрытая референция – это предпосылка языковой игры. Лем отмечает: игра идёт «по обе стороны стола» [10, с. 562], имея в виду, что с языком играют как автор, так и читатель. Первый занимается словотворчеством, второй – интерпретацией произведённых знаков. Правила игры у обоих вероятностны и определяются законами самого языка.

Анализ языковой игры Станислава Лема должен предполагать ответы на два вопроса. Какова цель игры в словотворчество? Почему созданные Лемом слова функционируют в тексте как знаки без референта, вернее, знаки с намеренно скрытым референтом?

За созданием новых слов стоит задача сотворения нового возможного мира, который существует исключительно в языковой форме: «<...> язык, из материала которого строится текст, может уподобляться окну, открытому в мир <...>» [9, с. 31]. Вселенная содержит неизвестные нам объекты, которые следует назвать. Лем опирается на семиотическую аксиому: если

есть знак, то есть и то, на что он указывает. И потому, если я придумаю слово, то за ним в рамках моего возможного мира обязательно что-то стоит. Язык, продолжает Лем, может выполнять функцию не только «прозрачного стекла», которое позволяет рассмотреть неизвестный мир во всех подробностях. Язык может быть и витражом, дымчатым стеклом, стеклом с дефектами, с выпуклостями и вогнутостями, и даже совершенно закрытым стеклом [9, с. 31 – 32]. Творя возможные миры, Лем чаще всего использует последние из указанных вариантов.

Употреблением «только что» созданного знака автор «подтверждает», что замещаемый словом объект действительно «существует» в описываемом мире: <...> wnet pojawiły się na planecie nowe istoty – *dwojacy, trojacy, czwartacy, potem ósmacy* <...> [26, с. 166]; (<...> вскоре на планете появились новые существа – *двойки, тройки, четверяки, потом восьмяки* <...>) (Здесь и далее перевод наш. – Е.С.). Однако то, как, например, выглядят эти существа, чаще всего, остаётся загадкой для читателя. Вопрос о том, почему Лем так охотно использовал приём намеренного сокрытия референтов, не относится напрямую к сфере лингвистики. На этот вопрос, скорее, могут ответить историки литературы, психологи. А, возможно, он так и останется загадкой самого Станислава Лема.

Однако остаётся вопрос о стратегиях интерпретации знаков с намеренно сокрытыми референтами. Читатель опирается на знание родного (в данном случае, польского) языка. Представим параметры, или фильтры вероятностной интерпретации, которые используются в ходе языковой игры с лемовскими текстами. Мы вынужденно дадим эти фильтры в виде некоторой последовательности, линейно, что обусловлено лишь способом представления знания, законами нарратива. Однако в процессе чтения-интерпретации читатель пропускает знак со скрытой референцией одновременно через всю систему фильтров. Причём, число фильтров определяется уровнем его языковой компетенции. Метафорически фильтр интерпретации есть «сито языковой системы», позволяющее в остатке получать некоторые смысловые элементы. К числу возможных фильтров отнесём следующие: фонетические ассоциации, грамматические (морфологические) показатели, синтаксическая позиция в высказывании, контекст высказывания, интертекст. «Просеивание» знака без референта сквозь решётки языковой системы есть когнитивный процесс, позволяющий вероятностным образом актуализировать и стабилизировать значение нового слова [1, с. 18; 13, с. 10; 10, с. 99].

Фонетические ассоциации проявляют наличие возможных «деривационных» связей между нереперентным знаком и словами известных читателю языков. Как пишет о словотворчестве Дж.Р.Р. Толкин: «С фонетическим удовольствием <от созданного слова> смешивается ещё более неуловимое наслаждение от установления и осмысления новых отношений между символом и значением» [15, с. 293]. Например, лемовский

знак *modraki* [25, с. 321] созвучен польскому слову *modry* (синий). И потому вполне вероятно, что *modraki* – это *синявки*, объекты синего цвета или существа, способные окрашивать в синий цвет другие объекты. Фонетические ассоциации – самый вероятностный способ интерпретации неререферентных знаков. Так, слово *tufle* напоминает польское *tulić* (ласкать, прижимать к себе), а слово *dabry* (дабры) похоже на контаминацию *dar* (дар) и *dobry* (хороший). Но у Лема *tufle*, *dabry*, *kompry* (компры), *borzyszki* (божишки) и др. – всё это номинации странного персонажа: картофеля-мутанта, который пожирает пролетающие мимо его планеты космические корабли [25, с. 321 – 322] и, значит, не имеет ничего общего с атрибутом «доброты».

Фонетические фильтры, чаще всего, являются ложными указателями. Однако отметим, что при создании неологизмов Лем в 72% случаев (166 знаков из 230) активно использует приём фонетического подобия. Корни придуманных слов по звучанию похожи на корни польского и латинского языков. Так как интерпретация есть не что иное как операция сравнения, то интерпретатор пробует перекинуть мостик между звучанием нового и известного знака.

Наиболее надёжным фильтром интерпретации выступают показатели грамматического значения и словообразовательные показатели. Как уже было сказано, Лем создавал неологизмы, опираясь на знание польского языка. Теми же знаниями пользуется и польскоязычный читатель. Например, знак *sepulka* позволяет выделить: - флексию -а (по аналогии с польскими именами существительными женского рода единственного числа *gwiazda* (звезда), *iskra* (искра), *maskotka* (талисман); - корень *sepul-* и суффикс со значением лица женского пола (или уменьшительно-ласкательный) -к-. В тексте мы обнаруживаем формы множественного числа: *sepulki* (флексия -i), Винительного падежа женского рода: *sepulkę* (флексия -ę). Следовательно, сепулька может в равной степени оказаться как живым существом женского пола, так и неодушевлённым объектом.

А вот в ходе интерпретации грамматической формы *capierzyści* (капезищи) польскоязычный читатель отметит чередование в конце основы, которое характерно для существительных в Именительном падеже, обозначающих лиц мужского пола (так называемые лично-мужские формы). Соответственно, *capierzyści* – это некие *капезисты*.

На основании анализа грамматических показателей Именительного падежа множественного числа можно систематизировать неререферентные знаки из «Звёздных дневников» по семантическим признакам живое / неживое, лицо / не лицо, мужское / женское. Так, *kompry* (компры), *maramony* (марамоны), *ośmioły* (восьмёлы) относятся к классам «живое» (об этом свидетельствует контекст), но «не лицо» (в противном случае функционировали бы формы *komprzy*, *maramoni*, *ośmieli*). Если бы Лем не употребил форму Винительного падежа единственного числа *sepulkę*, то по форме

множественного числа *sepulki* можно было бы с равной вероятностью восстановить две формы единственного числа: *sepulka* (женский род) и *sepulek* (мужской род).

Отметим, что в отечественной лингвистической традиции эксперимент по «просеиванию» псевдослов сквозь грамматическую решётку был предложен Л.В. Щербой: «*Глокая куздра штеко будланула бокра*». Интерпретация данного высказывания возможна только на уровне анализа показателей грамматического значения: слово- и формообразовательных. Например, *глокая*, по аналогии с мокрая или добрая, - это имя прилагательное женского рода, единственного числа, Именительного падежа. *Глокая* есть некий признак одушевлённого объекта женского пола (*куздра*) и т.д. Когда мы определили частеречную принадлежность слов, нам не составит труда восстановить их начальные формы (*глокий, куздра, будлануть, бокр*). Лингвистические игры Щербы и Лема – это способ показать в действии креативный потенциал языковой системы. По Лему, новые слова создаёт не столько автор, сколько сам язык. Его неограниченный потенциал – это потенциал комбинаторики морфем. Интересно, что «создаются» только корневые морфемы, которые остаются семантически непрозрачными. Но в качестве семантически информативных обязательно используются известные носителю языка показатели грамматических значений.

Достаточно информативным является и контекстный фильтр интерпретации.Descriptions-описания свойств фиктивных объектов расширяют наше знание о возможном мире иных планет: «*Kurdel jako zwierzyzna lowna stawia najwyzsze wymagania...*». (В качестве промыслового зверя курдель предъявляет высочайшие требования...) [26, с. 119]. Описание «промысловый зверь» помогает отнести знак *kurdel* к классу «диких зверей», «объектов охоты». Значит, на планете Энтеропия, кроме курдлей, есть другие животные, на которых можно охотиться (*zwierzyzna lowna*). Из других контекстов мы узнаём, что у курдлей непробиваемый панцирь, и поэтому на них охотятся, взрывая их изнутри. Таким образом, система описаний связывает возможный мир с реальным. Фиктивные объекты обладают свойствами известных нам объектов («промысловый зверь», «непробиваемый панцирь» и др.). Справедливости ради, следует заметить, что Лем крайне редко сопровождает свои референтные знаки описаниями.

К возможным фильтрам интерпретации можно отнести и интертекстуальные отсылки, частично основанные на фонетических ассоциациях. Так, звучание неологизмов *zamachowcy, docelici, powielanie, liniuchowie, rozlewity, prognozy, destrukcyjne* напоминает названия средневековых религиозных сект, ересей и др. (*прогнозиты, деструктиане, повеляне*).

Почему интерпретация знаков со скрытым референтом носит вероятностный характер? Чем определяется степень вероятности? Система фильтров, способствующих актуализации знака, может частично меняться в ходе каждой последующей интерпретации. Интерпретатор вы-

бирает те фильтры, которые считает значимыми. Будучи не в силах объять всю Вселенную полностью, мы воспринимаем её по частям [14, с. 16]. Так и читатель анализирует неизвестное слово, используя аналитический принцип. Там, где это возможно, он устанавливает для знака без референта фонетические ассоциации, извлекает значения из грамматических показателей, анализирует синтаксическую позицию знака в высказывании и т.д. Чем больше фильтров он обнаруживает, тем больше информации получает об объектах возможного текстового мира.

Применительно к интерпретации, классическое определение вероятности, или отношения числа благоприятствующих событию элементарных исходов к их общему числу [5, с. 19], можно понять как соотношение всех потенциально возможных фильтров интерпретации к числу тех, что выбраны читателем. При этом не все фильтры равновероятны для каждого интерпретатора: «"Приёмник" имеет в своём сознании некоторое представление о возможных смысловых значениях знака, – одно из них имеет бóльшую вероятность появления, другое – меньшую и т.д.» [12]. В конечном итоге: «Семантика каждого конкретного текста задаётся своей функцией распределения (плотностью вероятности) <...> В тексте смыслы всегда оказываются заданными избирательно. Нам не дано знать всё. <...>. Вероятность оказывается тем окном, через которое мы можем всматриваться в семантический мир» [11].

Чем больше в тексте знаков с непрозрачной референцией, тем большую роль играют фильтры интерпретации. Они призваны помочь читателю частично «воссоздать» референт: например, получить представление о его онтологической природе и функциональном назначении в возможном мире. Покажем это на примере интерпретации нереферентного знака *kręgodręcze* (хребтоломки). Вскрыть возможную семантику этого слова помогает устойчивая фонетическая ассоция с двумя польскими словами: *kręgosłup* – позвоночник и *dręczyć* – мучить, утомлять. Тогда (добавляя и способ словообразования) заключаем, что *kręgodręcze* могут оказаться *хребтоломками*. У Лема это слово входит в класс со знаками *gastrokoły* (гастроколы) и *męczywłoki* (пытконити), которые связаны с семантикой «мучения».

Грамматический анализ позволяет установить, что за знаком *kręgodręcze*, в равной степени, могут стоять как объекты женского, так и мужского пола. Флексия -е в польском языке выступает показателем значений существительного множественного числа, Именительного падежа, женского рода и мужского рода. Возможные формы единственного числа: *kręgodręcza* (она) и *kręgodręcz* (он).

Далее задаём вопрос: *kręgodręcze* – это инструменты, с помощью которых некто мучает другого, или это субъекты, осуществляющие данные действия? Обращая внимание на морфологическую выраженность предикативного центра высказывания, в которое включено это слово, получаем

уточнение: «*Panowie i Panie wspanialsze – gastrokoły, kregodrecze ... nadeszły!!! – Karkaruana XI*» [26, с. 54]. (Прекрасные дамы и господа – пришли гастроколы, хребтоломки). Подлежащее *kregodrecze* определяется предикатом *nadeszły* (пришли), где – *ły* есть показатель существительного, обозначающего «не лицо». Потому *kregodrecze* – это знак для обозначения одушевлённых объектов женского или мужского рода, однако эти объекты не относятся к классу лиц, то есть не обозначают взрослых субъектов-мужчин. Эти выводы подтверждаются и контекстуально.

Сюжет главы «Одиннадцатое путешествие», где упоминаются *kregodrecze*, разворачивается вокруг шпионских игр между роботами и людьми. Оказывается, все роботы на планете Карелирия – это люди, притворяющиеся роботами и стремящиеся делать то, что всегда желают делать роботы: мучить людей. В газетных объявлениях для этой цели предлагаются различные устройства, в том числе и *kregodrecze* (хребтоломки).

Как мы видим, значение нереферентного знака можно «приоткрыть», если рассматривать его как часть языковой системы, как элемент, подчиняющийся её законам (грамматическим). В этом случае посредством формальных показателей передаётся, например, информация об онтологической природе замещаемого объекта: предмет, атрибут, действие; лицо/не лицо и др. Одновременно нереферентный знак включён в пространство самого текста. Контекст – не что иное, как «среда обитания» знака. Способ включения нереферентного знака в текст – ещё один фильтр, позволяющий получить вероятностное представление не только о замещаемом объекте, но и о самом возможном мире.

Нереферентные знаки используются Лемом в качестве инструмента создания возможного текстового мира. Отдалённые уголки Вселенной, которые посещает астронавт Тихий, не похожи на земной мир. Создание новых миров – лингвистический процесс. Для номинации нового объекта требуется новый знак.

Больше всего неологизмов – 48% (111 из 230) – включены в текстовую картину мира как единичное упоминание: <...> *Że zaś masy węzowych splotów nikt nie miał siły dźwigać sam, doprawiano sobie tak zwane **pochódki (ogonatory)*** <...> [26, с. 170]. (<...> А так как огромный вес сплетённых змеиных щупалец оказался неподъёмным, они добавили к телу огонаторы <...>). Из значений польского *ogon* (хвост) и неологизма *pochódki* (от *chodzić*, ходить) выводится вероятностный образ референта: *огонаторы* – это класс объектов, предназначенных для транспортировки дополнительных органов, появившихся у людей во время «биореволюции». Эти объекты похожи на «прицепы», помогающие биологическому существу перемещать своё тело в пространстве.

Достаточно часто Лем включает в тексты перечисления классов неизвестных объектов: *Przemysł wysoko rozwinięty, głównie środków spożywczych. Podstawowe pozycje eksportu: **manubrie fosforyzowane, sercoklety i laupanie***

w kilkudziesięciu gatunkach, żebrowane i wolno opalane [26, с. 106]. (Промышленность высокоразвитая, главным образом, пищевая. Основные статьи экспорта: фосфоризованные манубры, серцоклеты и лаупаны нескольких десятков сортов, рифлёные и подкопченные).

Перечисление классов объектов позволяет автору «одним росчерком пера» указать на то, насколько многопланова неизвестная нам Вселенная, насколько её миры могут быть отличны от нашего.

Подведём итоги работы.

1. Нереперентные знаки – авторский инструмент создания возможных миров. Сам характер намеренно скрывающейся референции не позволяет читателю реалистично, во всех подробностях представить те объекты, на которые «указывают» лемовские неологизмы.

2. Большинство нереперентных знаков в «Звёздных дневниках» (93%) являются индексами, с помощью которых только фиксируется сам факт существования неизвестных объектов в возможном мире. Однако 10 неологизмов (4%) Лем всё же сопровождает иконическими изображениями (это рисунки Ст. Лема, якобы принадлежащие Ййону Тихому).

3. Интерпретация знаков со скрытой референцией носит вероятностный характер. Степень вероятности определяется числом используемых фильтров интерпретации.

4. Нереперентные знаки Лема – это результат эксперимента, в котором выявляются креативные возможности (прежде всего, морфемно сочетательный потенциал) польского языка.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Номинация, референция, значение // Языковая номинация (общие вопросы). – М.: Наука, 1977.
2. Бак Д. Биография непостижимого, или Время жестоких чудес // Новый мир. – 1996. – № 9. – С. 197 – 206.
3. Бразговская Е.Е. Референция и отображение (от философии языка к философии текста): моногр. – Пермь: ПГПУ, 2006.
4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: Канон+; Реабилитация, 2011 (Серия «Памятники философской мысли»).
5. Гмурман В.Е. Теория вероятностей и математическая статистика: учеб. пособие. – М.: Юрайт, 2010.
6. Ингарден Р. Исследования по эстетике. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962.
7. Крипке С. Загадка контекстов мнения // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. XVIII. – С. 194 – 242.
8. Лем Ст. Сумма технологии. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2006.
9. Лем Ст. Фантастика и футурология: в 2 т. – М.: АСТ, 2004.
10. Лем Ст. Философия случая. – М.: АСТ: Хранитель, 2007.
11. Налимов В.В. Вселенная смыслов. – [Электронный ресурс]: <http://v-nalimov.ru/articles/100/460> (дата посещения: 20.04.2013).

12. Налимов В.В. Этюды по истории кибернетики (Предтечи кибернетики в Древней Индии). – [Электронный ресурс]: <http://v-nalimov.ru/articles/119/473> (дата обращения: 20.04.2013).
13. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. – М.: Наука, 1985.
14. Пуанкаре А. Теория вероятностей. – Ижевск: Ижевская республиканская типография, 1999.
15. Толкин Дж.Р.Р. Чудовища и критики. – М.: АСТ, 2008.
16. Фантастика и технологии (памяти Станислава Лема): сб. материалов междунар. науч. конф. 29-31 марта 2007 г. – Самара: Раритет, 2009.
17. Хофштадтер Д. Гёдель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда. – Самара, 2001.
18. Эпштейн М. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. – М.: НЛЮ, 2004.
19. Bereś St. Galaktyka Lem // Skibińska E., Rzeszotnik J. Lem i tłumacze. – Kraków: Księgarnia Akademicka, 2010.
20. Jarzębski J. Lustro // Lem S. Solaris. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2012. – S. 329 – 337.
21. Jarzębski J. Roboty a ludzie. // Lem S. Bajki robotów. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2012. – S. 212-222.
22. Jarzębski J. Spór między Münchhausenem a Guliwerem // Lem S. Lem S. Dzienniki gwiazdowe. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2012. – S. 379 – 385.
23. Jeśólkowski J. Stanisław Lem jako filozof / Praca magisterska w zakresie filozofii na kierunku filozofia. – Toruń, 2002.
24. Krajewska M. Neologizmy w wybranych utworach S. Lema i ich translacja na język rosyjski / Rozprawa doktorska. – Toruń, 2003.
25. Lem S. Dzienniki gwiazdowe. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1982.
26. Lem S. Dzienniki gwiazdowe. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2012.

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

УДК 811.111

Федюнина И. Э.

Исследование фразеологических средств объективации концептуального поля «Бизнес» в современном английском языке

В статье выявляется специфика образного и оценочного компонентов значения английских фразеологизмов, составляющих семантическое поле «Бизнес». Проводится анализ их дискурсивного функционирования, определяются факторы создания иллюкативного эффекта. Выявляются характерные черты оценочного восприятия деловой активности и её субъектов носителями языка.

The article focuses on specific properties of underlying form and evaluation potential of English idioms covering semantic field “Business”. Attention is paid to their discourse functioning as well as to the factors influencing their pragmatic impact. Typical attitudes of English native speakers towards business activities and people involved are revealed.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеосемантическая модель, бизнес, концептуальное поле, дискурсивное функционирование, коннотация, оценка, прагматический эффект.

Key words: idiom, phraseosemantic model, business, conceptual domain, discourse functioning, connotation, valuation, pragmatic impact.

Статья посвящена изучению особенностей функционирования и прагматического эффекта фразеологических единиц (ФЕ), актуализирующих представления носителей английского языка о сущности и различных аспектах деловой активности.

Согласно одному из базовых положений когнитивной лингвистики, всякий концепт, «...будучи одновременно обращённым к онтологии мира и системе языка, выполняет роль посредника, связывает языковые и неязыковые сущности...» [8, с. 39]. Следовательно, действительность, наши представления о ней и языковые репрезентации этих представлений – это нетождественные, но изоморфные сущности: их организация и функционирование в целом управляются едиными законами, без чего невозможны были бы адекватная деятельность человека и коммуникация. Принцип изоморфности явлений действительности, соответствующих им фрагментов концептуальной системы и языковых средств их объективации предполагает необходимость предварительного изучения ключевых характеристик феномена, представления о котором образовали в сознании носителей языка концепт. Поэтому прежде чем приступить к изучению

прагматического потенциала ФЕ, ставших объектом нашего исследования, необходимо выявить природу и характерные особенности бизнеса как формы деятельности и социальных отношений.

Анализ специализированной литературы показывает, что деловые отношения сегодня являются одной из жизненно важных сфер жизни британского и американского общества и привлекают внимание специалистов различного профиля. В последние годы получила активное развитие особая отрасль науки – психология бизнеса. Отечественные и зарубежные учёные, в чьих работах освещаются проблемы бизнеса [3, 11, 14, 18], убеждены в том, что специфику деловых отношений невозможно понять без учёта человеческого фактора: «в деловой сфере постоянно сталкиваются Человек со своими... желаниями и возможностями и Бизнес» [14, с. 76]. Поскольку вопрос отражения восприятия и оценки деловых отношений является самым важным для нашей работы, кратко обобщим мнения специалистов по этому вопросу.

В первую очередь бизнес сравнивается с такими видами деятельности как спорт и военные действия. Как и для спорта, для бизнеса характерно стремление к достижениям и победам при «постоянном оценивании уровня своего успеха в сравнении с другими» [3, с. 101], что неизбежно ведёт к жёсткому конкурентному состязанию. Очевидна и параллель с военными действиями – желание доминировать, захватить, победить, уничтожить конкурента. С другой стороны, война – это не только агрессия, но и поиск возможностей достичь победы относительно мирными путями, а также умелое распоряжение ресурсами и тщательная выработка стратегии. В этом аспекте деловая активность приобретает скорее вид высокопрофессиональной игры, что способствует адаптивности и саморазвитию. Сходную оценку феномена бизнеса дают и сами бизнесмены-практики, а также рядовые носители языка: их негативная эмоциональная реакция на чрезмерную активность и нечестность конкурентов и необходимость находиться в «состоянии войны за рынки, потребителя и прибыль» [11, с. 32] сочетается с объективным признанием того, что эти же факторы ведут к положительным, созидательным последствиям - прогрессу, самосовершенствованию, инновационности. Также отмечается общность деловой активности с элементами исследовательской деятельности, что выражается в стремлении к инновациям. Однако специфичной чертой такого стремления в рамках бизнеса является «ориентация на достижение практической выгоды и максимальный карьерный рост» [18, с. 76]. Таким образом, можно утверждать, что деловые отношения сложны и многогранны. Их основными характеристиками являются устремлённость к прогрессу, лидерству, контролю и получению прибыли, стремление к выгодному сотрудничеству и карьерному росту, конкурентность. Такая специфика стимулирует развитие двояких качеств участников: с одной стороны – трудолюбие, упорство, активность, изобретательность, с другой – агрессивность, алчность, нераз-

борчивость в средствах и т.д. Поэтому восприятие различных элементов и последствий деловой активности также неоднозначно и зачастую носит ситуативно-субъективный характер.

Согласно мнению исследователей, изучающих особенности оценочного восприятия человеком явлений действительности и способы языковой (в том числе фразеологической) актуализации этого восприятия [1; 2; 6; 7; 9; 13], наше отношение во многом зависит от того, «какое начало лежит в основе суждения о ценности объекта – рациональное или эмоциональное», поскольку всегда существуют «две стороны отношения..., первая – чувства, вторая – мнение» [2, с. 40 – 42]. В этом аспекте мы придерживаемся концепции оценочной категоризации [9; 7], согласно которой две стороны оценки – рационально-практическая и эмоционально-нравственная – могут находиться как в гармонии, так и в полном противоречии. Кроме того, на оценочное восприятие в каждой отдельной ситуации влияет «множество...причин: пресуппозиция, культурно-социальное видение мира, психологические факторы...» [6, с. 77], что нередко приводит к различной оценке того или иного явления в разных обстоятельствах. Исходя из выявленной специфики деловой активности и потенциальных характеристик её субъектов, мы предположили, что языковыми единицами, способными актуализировать всё разнообразие представлений носителей английского языка о феномене бизнеса, являются ФЕ. Наиболее ценными для нашей работы характеристиками ФЕ видятся образность, смысловая вариативность и ситуативность оценки при контекстуальном функционировании, обеспечивающие их высокий прагматический потенциал.

При классификации изучаемых ФЕ мы следовали идеографическому (тематическому) принципу и применяли метод построения семантического поля, выделяя фразеосемантические модели (группы), объективирующие представления о наиболее существенных элементах деловой активности – конкурентной борьбе, сделках, прибыли и др. Для выявления специфики восприятия упомянутых элементов применялся метод дискурсивного анализа семантики ФЕ. Здесь будут рассмотрены два фрагмента поля «Бизнес», условно обозначенных нами как «Конкурентная борьба» и «Прибыль».

Фрагмент, объективирующий представления о конкурентной борьбе и её участниках, составили две фразеосемантические модели. Первая модель репрезентирует успех, мощь и лидирующее положение субъекта конкуренции. В эту группу входят глагольные и субстантивные ФЕ *be ahead of the game, a winning game, be in the driving seat, a one-horse race* и др. Их образная основа содержит ситуацию спортивного состязания, причём это ситуация уверенного лидерства, где у соперников практически нет шансов. На первый взгляд, ФЕ, репрезентирующие абсолютный успех, должны иметь фиксированную положительную оценку, но анализ контекстов показывает иную тенденцию. На наш взгляд, именно образ силы и контроля в

основе этих ФЕ имплицитно также агрессию, подавление и опасность, поэтому восприятие лидерства и успеха неоднозначно. Рассмотрим несколько примеров, отражающих отношение к успеху в конкурентной борьбе.

ФЕ *be ahead of the game* обозначает лидирующую позицию субъекта конкуренции. Проанализируем три ситуации её употребления: 1) We worked hard all week to *be ahead of the game* on Monday morning [15, с. 65]. 2) The experience you've gotten over here will put you *ahead of the game* in your future business [17, с. 28]. 3) Following the bankruptcy of their main competitor, they regained their position...being *ahead of the game* again [12, с. 118]. В первых двух контекстах чётко прослеживается следующая идея: финансовый успех и лидирующее положение являются результатом приложения максимальных усилий, знаний и опыта работы (*worked hard, experience*). Такие характеристики субъекта вызывают однозначное одобрение и уважение, а успех видится их логическим следствием и заслуженной наградой. Третий контекст эксплицитно описывает иную ситуацию: лидерство на рынке является не результатом инноваций, высокого качества продукции и т.п., а просто следствием банкротства конкурента. Это, безусловно, меняет отношение к лидирующей компании: его можно назвать скорее пренебрежительным.

Сходную тенденцию обнаруживают контексты с идиомами *be in the driving seat* (*быть у руля, контролировать ситуацию*) и *to corner the market* (*скупить рынок*) обозначающих не только абсолютное лидерство, но и доминирующую позицию, и полный контроль в той или иной сфере. Сама внутренняя форма данных ФЕ несёт двойственный оценочный потенциал: с одной стороны такая позиция гарантирует возможность владеть ситуацией, распоряжаться и получать выгоду, с другой она подразумевает подавление окружающих, пренебрежение к ним, использование их зависимого положения и даже уничтожение. Эта тенденция находит отражение в следующих примерах: 1) *Put yourself in the driving seat* and take control of your career after all! [10, с. 328]. В данной ситуации акцентируется тот факт, что только личные волевые качества и активность субъекта помогут осуществить выход из кризисной ситуации и добиться успеха. Прагматический эффект ФЕ усиливается прямым указанием *take control*, которое несёт сему власти и волевого усилия. Поведение, к которому призывают субъекта, видится как единственно достойное уважения и одобрения, а нынешняя его позиция определённо вызывает раздражение и презрение. 2) With our market dominance in the US, we are really *in the driving seat* [12, с. 117]. В этом примере доминирующее положение является для субъекта предметом гордости и даже самодовольства, из-за чего у реципиента возникает некоторое раздражение и, возможно, зависть. Это обуславливает некоторое снижение позитивной коннотации ФЕ. 3) ...a lot of unscrupulous trusts... *had been cornering the market*... and keeping prices at artificial height [17, с. 247]. Здесь наблюдается иное отношение к поведению субъекта. Негативный модифи-

катор *unscrupulous* и контекстуальная информация указывают на его неблагоприятные цели, алчность, неразборчивость и потенциальную опасность для рынка и потребителей. Коннотация ФЕ меняется на негативную.

Вторая фразеосемантическая модель объективирует неудачу в конкурентной борьбе и неспособность продолжать бизнес. Она включает глагольные идиомы *flog a dead horse*, *gum up the works*, *go belly up* и др. ФЕ данной группы несут фиксированную отрицательную оценку, обусловленную в первую очередь внутренней формой, актуализирующей образы тщетных бессмысленных усилий, безнадёжности, бесперспективности и гибели. В качестве иллюстрации рассмотрим контексты, содержащие идиому *go belly up*. Образная основа данной ФЕ вызывает резко негативную реакцию, воспроизводя неприятный образ мёртвой рыбы, всплывающей в воде брюхом вверх. Кроме того, ФЕ несёт дополнительный смысл потери всего нажитого без надежды восполнить урон. Однако при общей отрицательной коннотации этой идиомы изучение её дискурсивного функционирования позволяет выявить разнообразные оттенки восприятия неудачи в делах. 1) *Factories and farms went belly up because of the debt crisis* [17, с. 233]. В данном примере случившееся подаётся как простая констатация факта с негативной окраской. Внимание акцентируется на практическом аспекте ситуации (упоминание обстоятельств банкротства) и на отсутствии вины пострадавших. 2) *That's the end! After the fire the firm went belly up* [15, с. 48]. Этот контекст вовлекает и эмоциональный аспект оценки, объективируя восприятие финансового краха самим реципиентом. Эмотивный эффект ФЕ усиливается за счёт восклицания *That's the end!*, которое несёт сему трагичности, крушения всех надежд. 3) *I didn't understand how such a cash cow could go belly up... We learned that our accountant had been cooking the books* [15, с. 244]. В этой ситуации очевидно, что разорение вызвало шок, так как компания всегда преуспевала (*cash cow*), и что причиной стали махинации сотрудника самой компании. Таким образом, осуществляется «перенос» отрицательной коннотации ФЕ на виновника случившегося, поведение которого вызывает резкое неодобрение и возмущение.

Перейдём к рассмотрению другого важного элемента фразеосемантического поля «Бизнес», условно обозначенного как «Прибыль». Данный фрагмент включает ФЕ, характеризующие прибыльную деятельность или товар (*cash cow*, *make a killing*), а также собственно деньги – их происхождение, способы добывания и употребления (*hush money*, *funny money*, *a fast buck*, *money for jam*, *money to burn* и др.). Как упоминалось выше, получение прибыли, наряду с удовлетворением от победы и успеха, является главной целью любой профессионально-деловой активности. Здесь мы сосредоточим внимание на отношении носителей языка к доходам, репрезентируемым посредством следующих ФЕ-коллокаций: *funny money* (деньги,

добытые нечестным путем, фальшивые купюры); *easy money, money for old rope, money for jam* (лёгкие деньги); *a fast buck* (быстрые деньги).

ФЕ *funny money* несёт фиксированную отрицательную оценку. Компонент *funny* в его переосмысленном значении ассоциируется с опасной игрой, незаконными действиями, что имплицитно подразумевает необходимость и неизбежность разоблачения и наказания: *He was caught passing funny money through the business* [15, с. 76]; *The bank teller spotted the funny money in the man's deposit almost immediately* [10, с. 157]. Прагматический эффект ФЕ в приведённых ситуациях достигается за счёт лексем *caught, spotted*. Вместе с тем большинство контекстов практически не обнаруживают эмоционально-нравственных оценок действий субъекта. Акцентируется лишь рационально-практический аспект – разоблачение мошенничества и необходимость изъятия фальшивых денег, представляющих опасность для экономики государства.

ФЕ *easy money, money for old rope, money for jam, a fast buck* обозначают деньги, добытые быстро и без особых усилий. Все они имеют флукутирующую оценку и проявляют высокую степень дискурсивной зависимости. Рассмотрим три группы примеров. 1) *Babysitting is money for old rope* [10, с. 272]; *It was money for old rope. All we had to do was to sing a couple of songs; in return we got a free lunch and \$14* [16, с. 233]; *Tom is always ready to make a fast buck* [16, с. 421]. 2) *Most people think being a professional footballer is money for jam* [10, с. 272]; *Modelling is easy money, but it doesn't last long* [16, с. 232]. 3) *The difficulty of tracing musical gear makes it easy money for thieves* [16, с. 232]; *...most property... now is owned by vast companies who do not care about the town and people, just the fast buck* [17, с. 130]. Анализ приведённых контекстов позволяет выделить три аспекта восприятия лёгкого и быстрого заработка. Первый из них носит позитивный рационально-практический характер – получение дохода не требует больших усилий, а выгода часто превышает вложенный труд. Также эксплицируется готовность субъекта взяться за всякую работу, сулящую подобный заработок. Примеры второй группы актуализируют недолговечность и ненадёжность таких доходов, а также определённую степень неодобрения со стороны окружающих, что придаёт ФЕ пренебрежительную коннотацию. Третья группа контекстов объективирует ситуации, в которых ради получения прибыли совершаются поступки не только противозаконные, но и безнравственные. Здесь коннотация ФЕ меняется на негативную, причём вовлекаются и практический и эмоционально-нравственный аспекты оценки – акцентируется как финансовый ущерб, наносимый реципиенту в результате мошенничества, так и неразборчивость субъекта в средствах и полное безразличие к людям, которые страдают от его действий.

Общие выводы по результатам исследования фразеосемантического поля «Бизнес» можно представить следующим образом. Анализ образного

компонента ФЕ как ведущего фактора их прагматического эффекта позволил выделить пять основных базовых метафор (образных ситуаций) – движение вперёд и вверх, спортивное состязание / игра / военное столкновение, власть / контроль, прибыль / выгода, смерть / разрушение, что практически полностью отражает спектр реальных ассоциаций с феноменом бизнеса у носителей английского языка. Оценочное восприятие конкурентной борьбы и её участников зависит не только от самого факта успеха / поражения, но и от методов борьбы и достижения успеха, от позиции говорящего и от того, чью заслугу или вину он видит в сложившейся ситуации. В этом аспекте ведущим средством создания прагматического эффекта становится контекст. Наиболее характерные тенденции – отсутствие фиксированной положительной оценки у ФЕ, репрезентирующих лидерство и финансовый успех, а также контекстуальная актуализация причин неудачи в делах и попыток оправдать поражение. Изучение дискурсивного функционирования ФЕ, номинирующих деньги, выявило следующие характерные черты восприятия прибыли носителями языка: 1) тенденция к разделению рационально-практической и эмоционально-нравственной оценки получаемых доходов независимо от их источника (за исключением случаев проявления субъектом жестокости, цинизма, пренебрежения к окружающим и причинения им серьёзного финансового ущерба – в этих ситуациях вовлекаются оба аспекта оценки); 2) разнообразные и противоречивые чувства-отношения к лёгким и быстрым доходам, что находит отражение в высокой степени дискурсивной зависимости и флуктуации оценки соответствующих ФЕ.

В заключение отметим, что весьма перспективными с научно-практической точки зрения нам представляются сопоставительные (межъязыковые) исследования концептуального поля «Бизнес» на фразеологическом материале в рамках лингвокультурологического подхода.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Проблемы фразеологического значения и смысла. – Астрахань: Астраханский университет, 2004.
2. Вольф Е.М. Функциональная систематика оценки. – М.: Наука, 1985.
3. Емельянов Е.Н., Поварницына С.Е. Психология бизнеса. – М., 2005. – [Электронный ресурс]: <http://magazine.hrm.ru>.
4. Казакова Е.А. Фразеологические средства формирования прагматики в английском деловом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004.
5. Пономаренко В.А. Фразеологические единицы в деловом дискурсе (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2007.
6. Приходько Г.І. Способи вираження оцінки в сучасній англійській мові: монографія. – Запоріжжя: ЗДУ, 2001.
7. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1996.

8. Фурс Л.А. Синтаксически репрезентированные концепты: монография. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004.
9. Boldyrev N.N. Evaluate Categorization // Abstracts (from Cognitive Linguistics East of Eden, September 13th-15th 2002). – Turku, Finland, 2002.
10. Cambridge Dictionary of Idioms. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
11. Chan E. Wining Strategies and their Rationale. – John Wiley: N.-J., 2013.
12. Cotton D., Falvey D., Kent S. Market Leader. Upper Intermediate Business English Course Book. – Harlow: Pearson Education Limited, 2003.
13. Cruse A. Meaning in Language. An Introduction to Semantics and Pragmatics. – Oxford: Oxford University Press, 2000.
14. Gladwell M. The Story of Success. – Boston: Harvard University Press, 2004.
15. Grafton S. N is for Noose. – London: Pan Books, 1999.
16. Longman Idioms Dictionary: over 6000 Idioms. – London: Pearson Education Limited, 1998.
17. Oxford Dictionary of English Idioms. – Oxford: Oxford University Press, 2007.
18. Porter M. On Competition. – Boston: Harvard University Press, 2008.
19. Titone D. On the compositional and noncompositional nature of idiomatic expressions // Journal of Pragmatics. – New York: Oxford University Press, 1999. – P. 1655 – 1674.

Языковая личность как актуальный объект исследований в современной лингвистике

В статье анализируются различные подходы в современной лингвистике к исследованию такого междисциплинарного феномена, как «языковая личность». Особое внимание уделяется рассмотрению языковой личности как динамического феномена текста и дискурса в контексте лингвоперсоналогического направления в лингвистике. Языковая личность, актуализирующаяся в дискурсе, рассматривается как дискурсивная личность.

This article deals with different approaches in modern linguistics to the study of such interdisciplinary phenomenon as «linguistic personality». Special attention is paid to consideration of a language personality as a dynamic phenomenon of text and discourse in the context of linguistic personology. Linguistic personality, acting in discourse, is seen as a discursive identity.

Ключевые слова: языковая личность, структура языковой личности, текст, дискурс, дискурсивная личность

Key words: linguistic personality, the structure of a language personality text, discourse, discourse personality

Современный период в изучении языка отличается наличием экспансионистских тенденций, как в общем языкознании, так и в его частных научных дисциплинах. Экспансионизм, то есть выход исследовательского интереса и методик исследования за узко специальные границы какой-то одной научной области и поиски новых, более широких подходов к изучаемому объекту, связан в первую очередь с взаимодействием и сближением концептуального аппарата как отдельных наук, так и их частных дисциплин, а также с такой мощной тенденцией в современной науке, как укрупнение ее отдельных наук. Установка на экспансионизм и междисциплинарность, а также учет антропоцентрической сущности языка и, как следствие, текста (и дискурса) позволяют, на наш взгляд, интерпретировать текстовые структуры с позиций заимствованного гуманитарными науками у естествознания и становящегося все более актуальным в современной лингвистике учения о синергетике. Под синергетикой в самом общем виде понимается «...изучение общих принципов самоорганизации и саморазвития в сложных системах различной природы» [7].

Подход к тексту с позиций экспансионизма означает, что при изучении и собственно лингвистических проблем структурирования литературных текстов <...> и функционирования в них определенных языковых

единиц тексты рассматриваются не только в их «инструментальной» проекции, но и в «диалогических» взаимоотношениях с «внешними структурами» [6, с. 62 – 73]. К «внешним структурам», с которыми, прежде всего, связан любой текст и от которого всегда зависит его содержание и форма, несомненно, принадлежит человек – как феномен, во-первых, сам поддающийся многообразным видам структурирования и в индивидуально-психологическом, и в социальном аспектах, и, во-вторых, в свою очередь вступающий в сложные смысловые и функциональные отношения с иными системами и структурами, в том числе и с помощью создаваемых им самим и воспринимаемых им текстов, которые созданы другими. Этим обуславливается повышенный интерес современной лингвистики к антропоцентрическим параметрам языковых единиц и, в частности, текста. Наряду с экспансионизмом и антропоцентризмом, к отличительным чертам современной лингвистики также относят функционализм и экспланаторность, поскольку обращение к другим наукам и данным из других наук определяется в первую очередь стремлением найти языковым феноменам то или иное объяснение, исходя из их функциональных особенностей в деятельности человека.

Антропоцентрический подход требует от лингвиста, интерпретирующего текст как в его структурно-смысловой, а также типологической целостности, так и по отношению к отдельным строевым моментам, выхода за рамки автономной самооценности языковых единиц, знаково определенной «конечности» и «завершенности» текстовой структуры и такого толкования текста, в котором последний предстает, прежде всего, как одно из функциональных проявлений своего создателя, направленное на самореализацию в качестве «языковой личности» и осуществление контакта с другими [2].

Изучение человека позволило углубить системные представления и ввести новые её параметры. По определению М.С. Кагана, человек есть «сложнодинамическая система», при изучении которой необходимо выполнить два условия. Во-первых, осуществить «сопряжение трёх плоскостей <...> исследования: предметной, функциональной и исторической», изучая его в статике и в динамике, то есть как внутренне и внешне функционирующую и исторически развивающуюся систему в её генетически-прогностическом направлении. Во-вторых, необходимо «видеть её как часть метасистемы, где она играет определённую роль». Он считал, что система «человек» отличается тем, что здесь мало работают законы диалектики, но больший результат даёт применение принципа дополнительности, поскольку система функционирует в «определённом «интервале», в котором только и могут «проявиться» некие потенциально присущие объекту свойства». Социальное, по мысли М.С. Кагана, не снимает биологического, а присутствует в нём, и принцип дополнительности позволяет сопрягать их в единство: «подобно тому, как электрон обладает и корпус-

кулярными и волновыми свойствами, человек ведёт себя в разных жизненных ситуациях и как биофизическое, как социально-духовное существо». Кроме того, человек отличается от животных систем способностью к наследованию социального опыта, специфически закодированного в виде знаний, умений и ценностей как результатов культурной деятельности. Вместо трёхчленного, трёхуровневого деления структуры бытия человека М.С. Каган вводит представление о четырёхчленном делении человеческого бытия, включая в него природу, отдельного человека, общество и культуру, охватывающую эти сферы. Включение духа в бытие человека не нарушило системного представления о нём, поскольку философ не сводил дух ни к сознанию, ни к разуму, ни к интеллекту, считая его особой «силой истинной социальности, ...связывающей три модальности времени...и открывающей сознанию двери в будущее» [3].

Человек – самая сложная система из всех, известных науке, поскольку ее существование не укладывается ни в социальные, ни, тем более, в природные, биологические закономерности, ни даже в единство тех и других. Уровень сложности системы «человек» делает необходимым сопряжение философского, психологического, педагогического, этического, эстетического и культурологического аспектов ее анализа. Отсюда проистекает необходимость решения наиболее сложной задачи – разработка методологии сопряжения гуманитарного знания как наук о человеке не только с обществознанием и культурологией, но и с естествознанием. Новая смена ориентации в мире наук – формирование антропоцентристской ориентации всей познавательной деятельности, в том числе науки о языке.

Достижение этой цели невозможно простым суммированием тех методов и полученных с их помощью знаний, которые были выработаны в ходе разрозненного изучения человека биологией, психологией, социологией, культуроведением, самой философской антропологией, невозможно именно потому, что человек – не сумма разных сторон его бытия, а система, то есть их органическая взаимосвязь и взаимодействие. Поэтому нужна особая методология, способная выявить эти связи и взаимодействия – именно та, которую в наши дни начала разрабатывать теория междисциплинарных исследований. Жизнь человека, его деятельность, в том числе и речевая, динамична, являются не стабильными состояниями, а процессами самоорганизации, синергетика же – это родившаяся в конце XX века в Германии наука, изучающая общие закономерности именно этих процессов как в общественных, так и в гуманитарных науках [3].

Существование взаимодействия естественных и гуманитарных наук отразилось в различном понимании науки как явления общественной мысли. Еще в конце XIX века были сформулированы основные критерии разграничения естественных и общественных наук. В естественных науках преобладало исследование общих закономерностей развития и строго очерченных причинно-следственных связей. В общественных науках объ-

ектом исследования стали неповторяющиеся феномены и события. Отсюда делался вывод, что гуманитарные дисциплины используют принципиально отличные методы исследования и не могут рассматриваться как науки, оперирующие достоверными фактами [4, с. 13].

Тем не менее, основной тенденцией в развитии науки стал поиск методологии, способной снять противоречия между методами естествознания и гуманитарных наук. Междисциплинарный синергетический подход, изучающий процессы самоорганизации и стал этой методологией.

В познании языка и текста утверждают себя принципы многомерности. Усложняется проблематика, формирующая круг традиционных интересов лингвиста. Рассуждения о сложности мира, текста и познания позволяют прийти к следующему выводу: сложное интересно современному текстолингвисту не только как категория самостоятельной науки о сложности, но и как актуальная и важная характеристика современных научных объектов, отражающая специфику современного мира и ориентирующая на поиск новых стратегий исследования. Эти стратегии, по видимому, должны учитывать природу сложности – «того, что сплетено воедино» (Морен) – двояким образом. С одной стороны, подтверждая традиционное желание человека упростить сложное, они должны быть способны выполнять функцию компенсаторных механизмов сложности, т.е. должны нести в себе нечто ей противопоставленное, выступать по отношению к ней противовесом. С другой стороны, эффективные методы работы со сложным, напротив, могут быть ему «созвучны», коррелируя с его природой, как это имеет место в сложных по своей сути интегративных подходах к научным объектам [12].

Примерами разновекторной методологической направленности могут служить, с одной стороны, метод моделирования, обеспечивающий доступ к природе сложного текста путём создания его упрощённой модели, а с другой – интегративные методы исследования, отражающие междисциплинарные связи и коррелирующие с холистическими тенденциями современного мышления [12; 13].

Характер науки будущего определяется холистическим взглядом на мир, акцентирующим функцию целого по отношению к функциям его элементов, и включается в число тенденций, к усилению интеграция научных дисциплин на полях междисциплинарных исследований, где особую ценность обретает способность ученых нелинейно и целостно мыслить. На данном этапе развития науки, в том числе лингвистики, особенно актуальны развитие холистического мышления, формирование умения воспринимать и понимать глобальный контекст, т.е. владение контекстуализацией знаний. Способность рассматривать сложные, иерархически организованные феномены с холистической точки зрения постулируется сегодня как необходимое и единственно возможное условие их осмысления. Актуальность формирования холистического взгляда на мир позволяет понять воз-

растание научного интереса к тексту и дискурсу как к ключевым понятиям процесса познания. Исследования языка, текста и дискурса в контексте актуальных направлений научных исследований «делает возможной полифонию наук» [12].

Научное представление о сложных динамических объектах относится к компетенции физико-математических теорий, аппарат которых в недавнее время взят на вооружение синергетикой, описывающей процессы взаимодействия систем различной природы, их самоорганизации и саморазвития [11]. Методология синергетики нашла философское осмысление и применение в самых различных науках, причем первый камень в основание новой методологии был заложен почти сто лет назад русским мыслителем П.А. Флоренским, который сделал это как раз в сфере лингвистики – представил слово как «синергию», особенное явление, порожденное содейтельностью различных сил [10].

В русле исследований главных приверженцев синергетического подхода, а также его воплощений в современной науке (И. Пригожин, И. Стенгерс, Н.Н. Моисеев, Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов и др.), фундаментальными положениями сопряженной с ним парадигмы миропонимания полагаются, в частности, следующие моменты:

1) в неравновесных условиях хаотическое состояние сложной системы может самопроизвольно сменяться различными формами самоорганизации;

2) процессы самоорганизации являются принципиально нелинейными, т.е.: а) характеризуются наличием особых точек бифуркационного ветвления путей эволюции системы, открывая веер различных (но лежащих в пределах определенной зоны возможного) эволюционных перспектив, б) фундаментальную роль в процессах самоорганизации играет феномен случайной флуктуации, который (благодаря действующему в сильно неравновесных средах принципу «усиления флуктуации» или «разрастания малого») вызывает к жизни глобальную реорганизацию системы, порождая «порядок из хаоса» [5].

Экспансия синергетической методологии охватывает все новые области языкознания: разрабатывается синергетическая теория метафоры, изучается энергетика поэтического языка и текста, синергетические принципы переводческой, дискурсивной, риторической деятельности, переинтерпретируется понятие системности применительно к языку и речи, в новом свете предстает механизм языкового развития в диахронии. Ставшее для современной лингвистики актуальным объединение в одном исследовательском ряду текста и дискурса позволяет акцентировать в этих отношениях отношение взаимодополнительности, хотя структура, как известно, характеризуется в первую очередь целостностью, которая в свою очередь континуальна, интегративна, «нерасторжима», а система дискретна, подвержена энтропии и «открыта» [8]. По мнению Е. Фарина, структу-

ра не является ни формой произведения, ни содержанием. Она – динамический механизм порождения системности. А этим самым – и информации [2, с. 9].

Все эти исследовательские направления объединяет стремление познать и объяснить не бытие, но становление, не изоляцию, но взаимодействие, не идеализированную простоту, но реальную сложность различных феноменов языка и речи. Синергетика как междисциплинарная методология позволяет включить эти и многие другие измерения в лингвистические исследования.

В основе синергетики, теории совместного действия, лежит принцип взаимодействия, по-гречески «синергия» (от греч. «син» – совместный, «эргос» - действие). В процесс взаимодействия языка и мышления как движущей силы их преобразования вовлечена не только когнитивная система человека, ее подсистемы (например, язык), но и внешнее окружение, называемое средой, или контекстом. Оригинальным в синергетической методологии является возможность включить временное измерение в исследование, а значит объяснить, как взаимодействуют языковые процессы и среда в пространственно-временном континууме, постоянно изменяясь и влияя друг на друга. Взаимодействие понимается как процесс взаимозависимого изменения параметров состояния системы и среды, растянутый во времени. Среда не просто пассивный «фон» для языка и мышления, но и активный участник процессов их развития, оказывающий влияние на реализацию когнитивных актов через ряд средовых параметров биофизической, социальной и культурной природы. Исследование языковых процессов с привлечением принципов синергетики позволит приблизиться к пониманию сложности языковых явлений и процессов, не ограничиваясь лишь констатацией их многомерности и увеличить степень объективности результатов исследований путем внедрения достижений естественнонаучной парадигмы на основе единого синергетического метаязыка [1].

Предметом синергетического анализа стали процессы самоорганизации, дезорганизации, реорганизации развивающихся систем, что позволило открыть закономерности взаимоотношений «порядка и хаоса» (И. Пригожин), нелинейный характер развития системы, особенно сильно проявляющийся в ситуациях хаоса, значение аттрактора в выборе оптимальной траектории развития в этих ситуациях как проявление телеологического подхода к осмыслению данного выбора, дополняющего подход каузальный, и, следовательно, меняющего привычное понимание соотношения прошлого, настоящего и будущего [4]. Речь идет не о простом приложении открытий синергетики к анализу языка, текста и дискурса, но о приведении методологии синергетического исследования в соответствие с природой данного класса систем. Это требует введения в методологию изучения ряда гуманитарных и естественнонаучных дисциплин: теории

систем, психологии, истории, теории биологии, политологии, культурологии и др. и его реализации в практической деятельности и общении людей таких факторов, как, например, роль языковой личности в коммуникации; свобода выбора ею типа речевого поведения и др.

Список литературы

1. Бронник Л.В. Когнитивная лингвосинергетика – новый этап в науке о языке и мышлении // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. Филология и искусствоведение. – 2008. – Вып. 10. – С. 34 – 36.
2. Гончарова Е.А. Интерпретация литературного текста: традиции и перспективы // *Studia Linguistica XVII*. Язык и текст в проблемном поле гуманитарных наук: Сборник. – СПб.: Политехника-сервис, 2008. – С. 227 – 237.
3. Каган М.С. Эстетика и синергетика // Эстетика сегодня: состояние, перспективы: материалы науч. конф. 20-21 октября 1999 г. Тезисы докладов и выступлений. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 1999. – С. 40 – 42.
4. Коваленко С.В. Синергетическая парадигма политики: учеб. пособие [для студентов, изучающих курс политологии]. – М., 2010.
5. Курдюмов С.П., Синергетика – теория самоорганизации. Идеи, методы, перспективы. – М.: Наука, 1983 (Новое в жизни, науке, технике. Математика, кибернетика. 2).
6. Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб.: Искусство-СПб, 2001.
7. Пиотровский Р. Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы. – СПб., 2006.
8. Тюпа В. И. Художественный дискурс (Введение в теорию лит.). – Тверь, 2002 (Серия «Лекции в Твери»).
9. Фарино Е. Введение в литературоведение. – СПб., 2004.
10. Флоренский П. А. Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православ. антропологии). – М.: Мысль, 2004.
11. Хакен Г. Тайны восприятия. Синергетика как ключ к мозгу. – Ижевск: ИКИ, 2002.
12. Щирова И.А. О сложности мира, текста и познания: методологический аспект // *Международни часопис Стил*. Београд Република Србија: The International Association ‘Style’, Ortodox Theological Faculty of Belgrade University. – 2011. – № 10.
13. Щирова И.А. О человекомерности науки и текста // *Международни часопис Стил*. Београд Република Србија: The International Association ‘‘Style’’, Ortodox Theological Faculty of Belgrade University. – 2008. – № 7. – P. 197 – 213.

Постулаты Г.П. Грайса как средство определения адресата рекламного текста

В статье показано, как на основании постулатов речевого общения Г.П. Грайса из рекламных текстов могут быть выведены образы их предполагаемых адресатов. Источником сведений об адресатах может служить количество передаваемой информации, характер аргументации, показатели смысловых отношений между частями текста, а также характер использованных языковых средств.

It is shown how on the basis of H.P. Grice's Conversational Maxims one can determine the intended addressees of various advertising texts. The sources of information about the addressees can include: the quantity of information, the nature of argumentation, the indicators of semantic relations between parts of the text, and the character of linguistic units used.

Ключевые слова: постулаты Грайса, образ адресата, рекламный текст, имплицитная информация.

Key words: Grice's conversational maxims, image of the addressee, advertising text, implicit information.

Цель данной статьи – рассмотреть способы отражения в рекламном тексте образа его предполагаемого адресата. В качестве материала для этого были использованы рекламные тексты радиостанции «Эхо Москвы» и некоторых московских рекламных газет за последние годы.

Феномен отражения в тексте личности его предполагаемого адресата, как показывают наблюдения, изучен мало и в основном на материале художественных текстов [1; 4; 10]. Вместе с тем можно утверждать, что образ предполагаемого адресата находит отражение и в нехудожественных текстах, в частности, в мемуарных [2] и научных [3].

На наш взгляд, ключом для реконструкции образа адресата нехудожественного, в данном случае рекламного, текста являются постулаты речевого общения Г.П. Грайса [6]. Г.П. Грайс, анализируя повседневную речь людей с позиций логики, обнаружил, что их общение подчинено так называемому принципу кооперации, суть которого он сформулировал следующим образом: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [6, с. 222]. Конкретными проявлениями принципа кооперации являются подробно описанные Г.П. Грайсом и объединенные им в четыре группы постулаты речевого

общения: постулаты категории количества, качества, отношения и способа. Однако значение концепции Г.П. Грайса шире, чем предполагал сам исследователь. Г.П. Грайс отмечал, что, зная о соблюдении в тексте постулатов речевого общения, получатель может выводить из текста заложенную отправителем этого текста неявную информацию. Однако важно и другое: напротив, анализируя текст и зная, что его автор соблюдал постулаты речевого общения, исследователь может установить, на какого адресата ориентировался автор данного текста [8].

Рассмотрим содержание каждого из постулатов.

Постулаты категории количества состоят из правил: «Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется (для выполнения текущих целей диалога)» и «Твое высказывание должно содержать не больше информации, чем требуется», из чего следует, что отправитель текста передает своему адресату информацию в таком объеме, который соответствует коммуникативным запросам этого адресата.

Постулаты категории качества определяются высказываниями «Старайся, чтобы твое высказывание было истинным», «Не говори того, что ты считаешь ложным» и «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований», из чего вытекает, что отправитель текста передает адресату такую информацию, которая не должна вызвать у адресата сомнения в ее истинности.

Постулат категории отношения заключается в предписании «Не отклоняйся от темы», из чего следует, что отправитель текста строит текст так, чтобы его адресату был понятен ход авторской мысли и смысловые связи между частями текста.

Постулаты категории способа определяются правилами: «Выражайся ясно», «Избегай непонятных выражений» и «Избегай неоднозначности». Из этого следует, что отправитель текста использует понятные адресату языковые средства: слова, стиль, сокращения, термины, иноязычные выражения и т. п.

Имплицитно отраженный в тексте образ его предполагаемого адресата может быть выведен из этого текста в виде той неявной информации, передача которой не входила в коммуникативные намерения отправителя текста. Такую информацию М.Ю. Федосюк предлагает отличать от подтекстовой, передача которой соответствовала коммуникативным намерениям автора, и называет притекстовой имплицитной информацией [9, с. 158 – 160].

На основании всего сказанного применительно к рекламному тексту можно утверждать следующее.

С точки зрения постулатов категории количества рекламные тексты, содержащие подробную информацию о товарах или услугах, рассчитаны на адресатов, которые целенаправленно ищут конкретную

информацию; лаконичные рекламные тексты предполагают получателей, не ищущих определенных рекламных предложений.

С точки зрения постулатов категории качества тексты, подкрепленные убеждающими аргументами, ориентированы на рациональных адресатов; тексты с аргументами-уговорами предназначены для эмоциональных получателей [7].

С точки зрения постулата категории отношения тексты с явно выраженными показателями смысловых отношений между частями рассчитаны на адресатов, не склонных к самостоятельному смысловому анализу рекламных текстов; тексты, где отсутствуют подобные показатели, предполагают, напротив, получателей, склонных к самостоятельному анализу.

С точки зрения постулатов категории способа тексты, в которых разъясняются и комментируются наименования рекламируемых объектов, рассчитаны на адресатов, которые не осведомлены об этих объектах; тексты без подобных разъяснений предполагают получателей, хорошо осведомленных о рекламируемых объектах.

Кроме того, с точки зрения постулатов категории способа тексты, использующие иноязычные и жаргонные выражения, ориентированы на носителей определенных типов речевой культуры [5], а необычно построенные рекламные тексты предназначены для адресатов, которые в момент соприкосновения с рекламой не заинтересованы в рекламной информации, но их внимание может быть привлечено нетрадиционной формой рекламы.

Иллюстрируя сказанное на материале рекламных текстов, рассмотрим, как сведения об их предполагаемых адресатах одновременно могут быть выведены на основании нескольких постулатов речевого общения Г.П. Грайса.

(1) «Женский голос. Ой! А-ах! Звук разбитой посуды и мяуканье. Дорогой! А почему ты выключил весь свет?

Первый мужской голос. Потому что включил режим э-ко-но-ми-и!

Второй мужской голос. Есть другой способ сэкономить! В “Media Markt” со 2-го по 7-е апреля цифровая видеокамера “Samsung”: встроенная память – 8 гигабайт, запись изображения на флэшкарту. Всего за 8444 рубля!

Сэкономь и выживи!

Подробности в магазинах “Media Markt” и на сайте mediamarkt.ru.

Мегамагазин электроники № 1 в Европе! Сделано в Германии. “Media Markt”» (Реклама на радиостанции «Эхо Москвы», 2009).

Данный рекламный текст информирует своего адресата о продаже цифровой видеокамеры и сообщает подробности: ее марка «*Samsung*», камера обладает *встроенной памятью в 8 гигабайт* и *функцией записи изображения на флэшкарту*. Подробные сведения позволяют

предположить, что с точки зрения постулатов категории количества эта информация рассчитана на адресата, целенаправленно ищущего информацию о видеокамере с определенными техническими характеристиками. Указанные в тексте сроки продажи видеокамеры – *со 2-го по 7-е апреля*, указание на низкую цену – *всего за 8444 рубля!*, лозунг-призыв *Сэкономь и выживи!* дают основания предполагать, что с точки зрения постулатов категории качества этот текст рассчитан на эмоционального адресата, который увлечен азартом успеть выгодно приобрести солидную вещь. Состыковка реплик *Потому что включил режим э-ко-но-ми-и!* и *Есть другой способ сэкономить!*, подчеркивающих смысловые отношения между частями данного рекламного текста, позволяют предположить, что с точки зрения постулата категории отношения он ориентирован на адресата, не склонного к самостоятельному смысловому анализу текста. В то же время в тексте остаются без объяснения такие обозначения, как название сетевого магазина по продаже бытовой техники «*Media Markt*», *цифровая видеокамера «Samsung»*, *встроенная память 8 гигабайт*, *запись изображения на флэшкарту*, из чего с точки зрения постулатов категории Способа следует, что адресат данной рекламы хорошо осведомлен об их сути и готов к восприятию технических характеристик видеокамеры.

Кроме того, предварение конкретного рекламного сообщения юмористическим диалогом, рисующим бытовую сцену в темной квартире, с точки зрения постулатов категории Способа позволяет считать, что текст ориентирован на того адресата, в планы которого в момент столкновения с рекламным текстом не входит получать сведения о выгодном для него приобретении видеокамеры, но он способен обратить внимание на нестандартную форму рекламы и описание знакомой ему жизненной ситуации.

(2) «Первый мужской голос. От такого предложения сносит крышу! Цена – бомба на фантастиш телевизор! Подрывайся, пока не поздно!

Второй мужской голос. Только с 31-го октября по 5-е ноября в “Media Markt” ЖК телевизор “Philips”: диагональ 102 сантиметра, Full HD, 100 Герц, Smart TV! Всего за 17999 рублей!

Подробности в магазинах и на сайте mediamarkt.ru.

Третий мужской голос с немецким акцентом. Айн, цвай – выбирай! Фантастиш Markt – “Media Markt”!» (Реклама на радиостанции «Эхо Москвы», 2013).

Данный рекламный текст информирует своего адресата о продаже телевизора и сообщает подробности: *ЖК телевизор “Philips” с диагональю 102 сантиметра, Full HD, 100 Герц, Smart TV*. Подробные сведения позволяют предположить, что с точки зрения постулатов категории количества эта информация рассчитана на адресата, целенаправленно

ищущего информацию о продаже телевизора с определенными техническими характеристиками.

Эмоциональными аргументами в пользу приобретения вышеупомянутого телевизора являются сроки продажи телевизора – с 31-го октября по 5-е ноября и указание на низкую цену – *всего за 17999 рублей!*, а также утверждения *От такого предложения сносит крышу!*, *Цена – бомба, фантастический телевизор* и *Подрывайся, пока не поздно!* Эти аргументы позволяют предполагать, что с точки зрения постулатов категории качества этот текст рассчитан на эмоционального адресата, который увлечен азартом не отстать от времени и успеть выгодно приобрести качественный телевизор. Отсутствие в данном тексте показателей выражения смысловых отношений между его частями позволяет предположить, что с точки зрения постулата категории отношения он ориентирован на адресата, склонного к самостоятельному смысловому анализу текста.

Отправитель данного текста использует сленговые выражения *сносит крышу* в значении ‘можно сойти с ума’, *цена — бомба* в значении ‘цена самая неправдоподобная, подобная взрыву’ и *подрывайся* в значении ‘торопись, лидируй’, на основании чего с точки зрения постулатов категории способа можно сделать вывод о том, что текст ориентирован на адресата, который владеет молодежным сленгом и, скорее всего, является молодым человеком. Использование в тексте хорошо известных носителям современного русского языка немецких слов *фантастический* и *айн, цвай* позволяет думать, что он рассчитан на адресата, который является носителем среднелитературного типа речевой культуры. Напомним, что среднелитературный тип речевой культуры характеризуется неполным соблюдением всех норм речи, владением всего двумя-тремя функциональными стилями и – главное – насыщением речи книжными словами и оборотами, а также общеизвестными цитатами [5].

В тексте не объясняется значение многих терминов, из чего следует, что текст ориентирован на осведомленного о рынке бытовой техники адресата, который понимает преимущества *ЖК телевизора “Philips”*, знает, что такое *Smart TV* и что *Full HD* – выход высокого разрешения; а также ему известно, что «*Media Markt*» – сеть крупных магазинов по продаже бытовой техники.

Кроме того, предварение рекламного предложения эмоциональным сообщением от лица потрясенного условиями продажи телевизора человека с точки зрения постулатов категории способа ориентировано на того адресата, который в момент столкновения с рекламным текстом не настроен получать сведения о выгодном для него приобретении телевизора, но способен обратить внимание на нестандартную форму рекламы и привычные ему оценки и слова человека, тип которого ему очень хорошо знаком.

(3) «Переезды. Приезжаем через 2 часа. Сборка-разборка, упаковка мебели, утилизация старой мебели. 510-97-64. Самые низкие цены у нас! Звоните! Все работники гражд. РФ, русские» (Газета «Экстра М». Выпуск «Север». № 13 (851) 11 апреля 2009 года).

Этот рекламный текст информирует своего адресата об услугах в связи с переездом и сообщает подробности: *приезжают через 2 часа и помогают собирать, разбирать, упаковывать и утилизировать мебель*, что с точки зрения постулатов категории количества позволяет утверждать, что эта информация рассчитана на адресата, целенаправленно ищущего информацию об определенных услугах при переезде. Данный текст содержит рациональную аргументацию в пользу целесообразности рекламируемого предложения. Это сообщения о том, что *Самые низкие цены у нас!* и *Все работники гражд. РФ, русские*. Из этого с точки зрения постулатов категории качества следует, что данный текст ориентирован на рационального адресата, который стремится к низким ценам и страдает ксенофобией, а потому хочет иметь дело только с гражданами Российской Федерации, причем русскими по национальности. Отсутствие в данном тексте показателей смысловых отношений между его частями позволяет предположить, что с точки зрения постулата категории отношения он ориентирован на адресата, склонного к самостоятельному смысловому анализу текста.

(4) «Турция? Я это заслужила» (далее следует логотип туристической фирмы) (Реклама в московском метро, 2009).

Этот рекламный текст информирует адресата о возможности отдыха в Турции, но не дает подробностей. Отсутствие подробностей позволяет предположить, что с точки зрения постулатов категории количества это предложение рассчитано на адресата, который не ищет рекламных предложений об определенных местах и видах отдыха. В качестве аргументов в пользу предложения отдохнуть в Турции в данном тексте является имплицитруемый глаголом *заслужила* список заслуг, который может перечислить любая женщина, читающая эту рекламу и невольно ставящая себя на место указанного *я*: *заслужила*, потому что красива, потому что работала, училась, воспитывала детей, вела хозяйство, боролась с невзгодами и т. д. На основании сказанного с точки зрения постулатов категории качества можно предположить, что адресатом данной рекламы является эмоциональная, импульсивная женщина.

Отсутствие в данном тексте показателей смысловых отношений между его частями позволяет предположить, что с точки зрения постулата категории отношения он ориентирован на адресата, склонного к самостоятельному смысловому анализу текста и хорошо понимающего связь между словами *Турция* и *я это заслужила*. Поскольку текст не объясняет, что имеется в виду под вопросом *Турция?*, а адресат должен понять эту метонимию как указание на возможность отдыха в Турции, можно предположить, что с точки зрения постулатов категории способа

предполагаемый адресат данного рекламного текста осведомлен о туристическом рекламном рынке.

(5) «*Ост. балк. Дер. AL. Ваг. Шкаф. Крыша. Пол. 5186794*» (Газета «Экстра М». Выпуск «Север», 2009). Данный рекламный текст информирует своего адресата об остеклении балконов. Подробности остекления и перечисление дополнительных услуг: – остекление различными материалами – *деревом, алюминием*, обивать балкон *вагонкой*, возможности *изготовления шкафов на балконе, крыши над балконом и настилки балконного пола* позволяют предположить, что с точки зрения постулатов категории количества этот рекламный текст рассчитан на адресата, целенаправленно ищущего информацию об определенных видах остекления балкона. Собственно говоря, перечисленные услуги, добавленные к информации об остеклении балкона, могут быть не только количественными подробностями рекламного предложения, но и одновременно с этим и аргументами в пользу рекламного предложения. Поэтому предложение *стеклить балкон деревом, алюминием*, обивать балкон *вагонкой*, предложение *изготовить шкафы на балконе, крыши над балконом и настелить балконный пол* выполняют в этом тексте функцию аргументов и позволяют говорить, что с точки зрения постулатов категории качества этот текст рассчитан на рационального адресата, который заинтересован в добротном остеклении балкона.

Отсутствие в данном тексте показателей выражения смысловых отношений между его частями позволяет предположить, что с точки зрения постулата категории отношения он ориентирован на адресата, склонного к самостоятельному смысловому анализу текста и быстро определяющего связь между сокращениями в тексте и несколькими полными словами. В тексте остаются без объяснения сокращения – *Ост. балк. Дер. AL. Ваг.*, а также в данном контексте смысл слов *Шкаф. Крыша. Пол*, из чего с точки зрения постулатов категории способа следует, что адресат хорошо осведомлен об их сути и готов к восприятию закодированных рекламных текстов, поэтому он без труда понимает этот текст, который означает *Остекление балконов деревом, алюминием, вагонкой. Возможно изготовление шкафов на балконе, крыши над балконом и настилки балконного пола*. Кроме того, адресат знает значение термина *вагонка* – ‘рейка с боковым пазом, используемая для обшивки стен’ и ему известны обозначения химических элементов, в частности алюминия.

Таким образом, проанализировав предыдущие примеры, можно утверждать, что рекламные тексты, как, впрочем, и другие нехудожественные тексты, способны нести информацию об образе своих имплицитно отраженных предполагаемых адресатов, обнаружить которую позволяют постулаты речевого общения Г.П. Грайса. Кроме того, в одном и том же рекламном тексте информация о предполагаемом адресате может быть выведена на основании сразу нескольких постулатов речевого общения Г.П. Грайса.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1981. – № 4. – С. 356 – 367.
2. Бакланова И. И. Образ адресата нехудожественного текста на примере мемуаров // Русский язык в школе. – 2009. – № 5. – С. 71 – 75.
3. Бакланова И. И. Учебный и научный тексты с точки зрения постулатов речевого общения // Русский язык в школе. – 2010. – № 5. – С. 30 – 35.
4. Бахтин М. М. Язык в художественной литературе // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Русские словари, 1996. – Т. 5. – С. 287 – 297.
5. Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Проблемы культуры речи. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1993. – Вып. 25. – С. 9 – 19.
6. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217 – 237.
7. Федосюк М. Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург: Арго, 1996. – С. 73 – 94.
8. Федосюк М. Ю. Соблюдают ли русские постулаты речевого общения Г.П. Грайса? // Язык. Культура. Общение: Сб. научных трудов в честь юбилея заслуженного профессора МГУ им. М. В. Ломоносова С. Г. Тер-Минасовой. – М.: Гнозис, 2008. – С. 95 – 104.
9. Федосюк М. Ю. Синтаксис современного русского языка: учеб. пособие. – М.: Инфра-М, 2012.
10. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003.

**Евангелизмы в русском языке: ассоциативный эксперимент
(сопоставительный анализ)**

В статье проводится сопоставительный анализ данных, полученных в свободном ассоциативном эксперименте с двумя различными группами респондентов. Стимулами в анкете стали евангелизмы из новозаветных притч. Выявляются особенности ответов каждой группы, различия в картинах мира респондентов, возможные причины этих различий, а также общее и инвариантное в картине мира носителей разных типов мировоззрения.

This article describes results of the free associative experiment. We analyzed the respondent answers to the different questions: associations, conjugates, dynamic scopes, books and poetry which contain the evangelic images from the New Testament parables (the publican and the pharisee, the prodigal son, the Pastor and the sheeps, the Sower and the seed). We compare the respondent responses and the worldview of students-filologists with the worldview of Ortodox gymnasium students.

Ключевые слова: евангелизм, ассоциативный эксперимент, ассоциация, стимул, реакция, респондент.

Key words: evangelism, associative experiment, association, stimulus, response, respondent.

Данная работа представляет собой часть более объемного исследования об употреблении и изменении значений евангелизмов в русском языке на протяжении XI – XIX веков и в современном русском литературном языке. Источниками контекстов употребления исследуемых нами евангелизмов послужили исторические словари русского языка [2; 8; 9; 10], а также примеры из художественных произведений русских и зарубежных авторов, из поэзии XIX – XX веков, собранные в национальном корпусе русского языка (ruscorpora.ru).

Для получения данных об употреблении евангелизмов носителями современного русского языка мы провели ассоциативный эксперимент. Задача нашего исследования – проследить при помощи изучения контекстов употребления на различных исторических отрезках (по возможности с XI века до современного состояния языка) изменения значений изучаемых нами евангелизмов; выявить, какие значения устарели, какие прошли сквозь века и активно живут и сегодня, какие новые значения появились, развились из первоначальных. Также нас интересует, какие видоизменения, преобразования исходного евангельского смысла изучаемых нами

единиц произошли за это время, что осталось неизменным в значении и употреблении этих евангелизмов.

В данной работе описаны и проанализированы данные ассоциативного эксперимента, в котором в качестве слов-стимулов выступали евангелизмы из новозаветных притч. Цель проведенного ассоциативного эксперимента (далее АЭ) – выявить представления об этих евангельских образах у выбранных нами групп респондентов, понять, какое место они занимают в их картине мира. Для получения более широкого спектра ассоциаций мы привлекли к участию в АЭ две группы респондентов: с религиозным мировоззрением и с неакцентуированным «светским» сознанием. Сопоставляя результаты АЭ в двух этих группах носителей языка, мы попытаемся выявить различия в их картинах мира, понять причины таких отличий.

Методика ассоциативного эксперимента позволяет установить такие закономерности идентификации исследуемых нами единиц носителями языка, которые еще не нашли своего отражения в словарях. Данная методика, разработанная А.А. Леонтьевым [7], во многом усовершенствованная Ю.Н. Карауловым [6], Р.М. Фрумкиной [12], А.А. Залевской [3] и другими психолингвистами, применима как к современному материалу, так и к историческому.

Нами исследовались евангелизмы из пяти притч, на наш взгляд, самых культурно значимых и распространенных в русской культуре: 1) о мытаре и фарисее, 2) о потерянной овце, 3) о Добром Пастыре, 4) о блудном сыне, 5) о Сеятеле и семени. В качестве слов-стимулов в анкету были включены следующие 11 евангелизмов: *мытарь, фарисей; пастырь, овцы, стадо; блудный сын; сеятель, сеять, семя, зерно, плод*. Необходимо отметить, что евангелизмы из одной притчи не ставились рядом в анкете, чтобы не акцентировать связи между ними (например, *мытарь* и *фарисей*). Наш АЭ был свободным, и ответы респондентов не ограничивались никакими грамматическими или семантическими критериями.

Заполнение анкет респондентами происходило в лекционных аудиториях и заняло 20 минут. В условия работы входило давать ответы по возможности быстрее, не вспоминать то, что забыто, а записывать результат непосредственного восприятия. Участниками АЭ (всего 181 человек) стали две группы респондентов: 1) студенты отделения филологии гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета (1–4 курсы) – 94 человека, 2) учащиеся старших классов Православной гимназии во имя Преподобного Сергия Радонежского (7–10 классы) – 87 человек. Привлечение именно этих групп респондентов объясняется следующими факторами. Студенты-филологи были привлечены нами к АЭ, так как они являются представителями и носителями русской культуры, современного русского литературного языка, сфера их профессиональных интересов –

русская литература и русский язык. Поэтому мы рассчитывали получить с их помощью более полные данные.

Вторая же группа респондентов – люди верующие, тексты евангельских притч знакомы им с детства, эти образы занимают важное место в их картине мира, существенны для их мировоззрения. От них мы рассчитывали в более полной мере получить именно исходные новозаветные значения евангелизмов. В ассоциациях и контекстах, приведенных ими, выявляются именно те значения, которые прошли сквозь века употребления евангельской лексики и фразеологии, сохранились в языке и не утратили своей роли в культуре и литературе. В будущем было бы продуктивно привлечь к исследованию и другие группы носителей русского языка, например, физиков, математиков и т.д.

Помимо традиционного вопроса об ассоциациях (№ 1) мы включили в анкету АЭ вопросы, касающиеся фразеологизмов и устойчивых словосочетаний с изучаемыми нами лексемами, контекстов употребления и однокоренных слов (№ 2 – 4). Также в вопросе № 5 мы попросили респондентов вспомнить художественные произведения, в которых использовались эти образы. Такая расширенная анкета позволяет получить более полную картину относительно исследуемых нами евангелизмов и представлений о них у носителей современного русского языка.

Также мы добавили два дополнительных вопроса (№ 6 – 7). Среди ответов на вопрос № 6 мы рассчитывали получить как собственно языковые особенности евангелизмов, так и их неязыковые (культурные, религиозные) общие признаки. Вопрос № 7 был направлен на выявление связи (если такая есть у участников эксперимента) между словами из анкеты и их первоисточником – Евангелием. Так как вызывать преднамеренно эту связь в их сознании не было нашей целью, в вопросе не упоминается ни Священное Писание, ни Библия, ни Евангелие. Ведь тогда большинство опрашиваемых, вероятно, ответило бы утвердительно. Прочитав же вопрос в нашей постановке, некоторые респонденты указали и другие тексты, например, апокрифы.

Приведем полностью вопросы анкеты проведенного нами ассоциативного эксперимента: 1. Какие ассоциации у вас вызывают следующие слова? (напишите первые слова, пришедшие вам в голову). 2. Перечислите устойчивые словосочетания или фразеологизмы с указанными выше словами (если такие есть). 3. Приведите примеры контекстов употребления данных слов (составьте словосочетания, предложения); подберите эпитеты, где это возможно. 4. Приведите однокоренные слова разных частей речи к приведенным словам. 5. Вспомните какие-нибудь тексты, литературные (в том числе поэтические) произведения, в которых использовались эти образы: *блудный сын, пастырь и овцы/ стадо, мытарь и фарисей, сеятель (сеет) семя*. Также в анкету АЭ были включены дополнительные вопросы: 6. Что, на ваш взгляд, объединяет все приведен-

ные в предыдущем вопросе сочетания слов? 7. Существует ли такой текст (или тексты), где бы встречались все рассмотренные выше единицы? Какой (какие)?

Всего в ассоциативном эксперименте от 181 респондента было получено 6110 ответов (на 5 основных вопросов). В Таблице № 1 приведены сводные данные, сумма всех ответов на вопросы анкеты обеих групп респондентов.

Таблица № 1

Сводная таблица данных АЭ

Вопрос	Тип информации	Притча о мытаре и фарисее	Притчи о Пастыре и овцах	Притча о блудном сыне	Притча о Сеятеле и семени	Итого
1	Ассоциации	344	594	210	1021	2169
2	Словосочетания	32	109	41	136	318
3	Контексты	155	496	75	688	1414
4	Однокоренные слова	188	504	212	899	1803
5	Художественные произведения	92	90	126	98	406
Итого		811	1793	664	2842	6110

Поскольку подробно проанализировать все ответы респондентов на все вопросы анкеты АЭ (6110) в данной статье не представляется возможным из-за объема материала, рассмотрим только характерные отличия между ответами представителей каждой из групп носителей языка – студентов отделения филологии НГУ и учащихся Православной гимназии. Так как в их ответах имеются общие черты, видимо, в их картинах мира есть совпадающие фрагменты.

После обработки полученных данных мы можем выделить следующие основные отличия. Вопрос, вызвавший наибольшие затруднения у студентов НГУ, – составление контекстов с евангелизмами. Для учащихся же Гимназии, напротив, это задание не составило труда. Отметим, что контексты, составленные последними, были преимущественно отсылками к текстам притч, студенты же приводили более разнообразные по смыслу контексты, часто далекие от евангельских. Что же касается других вопросов (№ 1, 2, 4, 5), то студенты-филологи оказались более компетентными в области словообразования, фразеологии, в знании художественной литературы. Они привели больше различных словообразовательных дериватов, устойчивых словосочетаний, названий художественных произведений.

Среди евангельских притч также выявились свои «полюса» распознаваемости в каждой группе респондентов. Так, для студентов НГУ самая незнакомая притча – о мытаре и фарисее. Эти два евангелизма вызвали некоторые затруднения и в ответах на вопрос № 1, а контексты, составленные со словами *мытарь* и *фарисей*, свидетельствуют о незнании текста первоисточника (например, *добрый фарисей, злобный мытарь*). А притча о Сеятеле оказалась самой распознаваемой, вопросы по лексемам из этой притчи почти не вызвали затруднений. Респонденты привели устойчивые выражения с евангелизмами *сеятель, сеять, семя, зерно, плод*, как с положительной, так и с отрицательной коннотацией (например, *сеять добро / разумное / истину / ложь / вражду*), составили самые разнообразные по семантике контексты.

Напротив, для учащихся Православной гимназии притча о мытаре и фарисее оказалась самой узнаваемой, все контексты и ассоциации, приведенные ими, свидетельствуют о хорошем знании первоисточника – текста притчи.

По результатам анализа анкет можно выстроить своеобразный «рейтинг» притч по узнаваемости их носителями языка, по уровню смыслового соответствия ответов респондентов новозаветному смыслу евангелизмов, предложенных им в качестве слов-стимулов.

НГУ

1. Притча о Сеятеле и семени
2. Притчи о пастыре и овцах
3. Притча о блудном сыне
4. Притча о мытаре и фарисее

Православная гимназия

1. Притча о мытаре и фарисее
2. Притча о блудном сыне
3. Притча о Сеятеле и семени
4. Притчи о пастыре и овцах

Притча о мытаре и фарисее находится на последнем месте по распознаваемости у филологов, а у учащихся Православной гимназии – на первом. Это пункт, в котором представления участников эксперимента наиболее отличаются. В свою очередь, евангелизмы из притчи о Сеятеле и семени вызвали у студентов-филологов наибольшее количество ассоциаций, причем очень разнообразных по семантике, с различными коннотациями. Как видим, различия между ответами на вопросы, связанные с притчами о блудном сыне и о пастыре и овцах менее контрастны. Представления о герое притчи – *блудном сыне* – достаточно близки у всех респондентов, независимо от возраста, образования и вероисповедания. Этот образ оказался наиболее близок всем носителям русского языка, участвовавшим в ассоциативном эксперименте.

После сопоставления ответов на вопросы анкеты АЭ обеих групп респондентов, можно выделить определенные особенности. Для студентов-филологов мало знакомой притчей оказалась Притча о мытаре и фарисее, для учащихся Православной гимназии – напротив, это одна из самых любимых и хорошо известных им притч. Евангелизмы из притчи о Сеятеле и

семени вызвали наиболее разнообразные по семантике ассоциации у студентов. Что же касается Притч о блудном сыне и о Пастыре и овцах, результаты АЭ по ним не столь ярко различаются. Наиболее близкой всем оказалась Притча о блудном сыне. Этот образ дорог каждому носителю русского языка и культуры, участвовавшему в АЭ.

Также можно выделить следующие лингвистические особенности ответов на вопросы анкеты АЭ в каждой группе респондентов. У филологов наблюдается: 1) большее семантическое разнообразие ассоциаций; 2) меньшее количество ассоциаций, свидетельствующих о распознавании прецедентных текстов – притч; 3) приведено больше устойчивых выражений, ФЕ с евангелизмами; 4) приведено больше словообразовательных дериватов для евангелизмов; 5) приведено меньше контекстов с евангелизмами; 6) приведено больше названий художественных произведений, в которых использовались эти образы; 7) кроме общего источника евангелизмов – притч – указаны общие языковые признаки (*крылатые выражения, книжный характер, они все имеют переносные значения*). В ответах учащихся Православной гимназии выявлены следующие особенности: 1) меньшее лексическое разнообразие ассоциаций; 2) больше ассоциаций, свидетельствующих о распознавании прецедентных текстов – притч; 3) приведено меньше устойчивых выражений, ФЕ с евангелизмами; 4) приведено меньше словообразовательных дериватов для евангелизмов; 5) приведено гораздо больше контекстов с евангелизмами; большая часть их близка по смыслу к контекстам притч; 6) приведено сравнительно немного названий художественных произведений, в которых использовались эти образы; в основном указаны тексты: *Библия, Евангелие, притчи, проповеди*; 7) не указаны языковые признаки евангелизмов, но всеми респондентами подчеркивается их связь с первоисточником – евангельскими притчами.

На наш взгляд, такие отличия обусловлены разницей в уровне и глубине культурного, филологического образования, а также различными типами сознания – неакцентуированного (студенты НГУ) и акцентуированного, религиозного (учащиеся Православной гимназии). В дальнейших исследованиях может стать продуктивным привлечение других профессиональных, возрастных групп носителей современного русского литературного языка. Тогда результаты АЭ станут более полно и адекватно отражать представления о евангелизмах «среднего» носителя русского языка и культуры.

Список литературы

1. Библия на русском и церковно-славянском языках. – [Электронный ресурс]: <http://www.omolenko.com/bible/>.

2. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка: в 4 т. – [Электронный ресурс]: <http://slovardalja.net/>.

3. Залевская А. А. Психолингвистические исследования // Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005.
4. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь: в 8 т.: Ассоциативный тезаурус современного русского языка; РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М., 1998. – Кн. 5: Прямой словарь: от стимула к реакции.
5. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь: в 8 т.: Ассоциативный тезаурус современного русского языка; РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М., 1998. – Кн.6: Обратный словарь: от реакции к стимулу.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность: моногр. – М.: Наука, 1987.
7. Леонтьев А.А. Психолингвистика: моногр. – Л.: Наука, 1967.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 – 28. – М.: Наука, 1975 – 2008.
9. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. – 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 2000.
10. Срезневский И.И. Материалы словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1 – 3. – СПб.: Императорская академия наук, 1893 – 1912.
11. Туркова-Зарайская М.О. Особенности понимания библеизмов современными носителями языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2002.
12. Фрумкина Р.М. Психолингвистика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81

Халуно О. И.

Межкультурная коммуникация через лингвокультурное содержание

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся анализа языковых средств, а именно лингвокультурных единиц языка, являющихся основой лингвокультурной компетенции и способствующих совершенствованию межкультурной коммуникации. В работе обозначены факторы межкультурного взаимодействия, от которых зависит выбор лингвокультурных единиц языка.

The article deals with the analysis of linguistic means, namely linguistic-cultural language units, which are the basis of linguistic-cultural competence and which contribute to the improvement of intercultural communication. The paper identifies the factors of intercultural interaction, which define the choice of linguistic-cultural language units.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, лингвокультурные единицы, лингвокультурная компетенция, факторы межкультурного взаимодействия.

Key words: intercultural communication, linguistic-cultural units, linguistic-cultural competence, factors of intercultural communication.

Межкультурная коммуникация – это междисциплинарная область научных изысканий, посвященная изучению того, как люди приходят к обоюдному пониманию, преодолевая различные границы: национальные, географические, этнические, профессиональные, классовые, гендерные, а также языковые и культурные. Данная область знаний активно изучается поведенческими науками: психологией, профессиональной бизнес подготовкой. Кроме того, она неотъемлемо связана с антропологией и языкознанием. Часто исследователи рассматривают проблему межкультурной коммуникации как разницу в поведении и мировоззрении людей, которые говорят на разных языках и которые принадлежат к разной культуре. Кроме того, эти проблемы могут обнаруживаться и среди тех, кого объединяет единый национальный язык и единая культура. Поэтому необходимо находить такие пути, благодаря которым данный процесс станет более результативным.

Что же может способствовать более успешному межкультурному общению? Остановимся на положениях, представляющихся важными для нашего исследования.

При межкультурном взаимодействии в своей речи говорящий старается передать определенный объем информации главным образом вербальным способом, выбором тех или иных единиц языка, так как язык – и, в частности, его словарный состав – представляет собою лучшее доказательство реальности «культуры» в том смысле, что он исторически передает систему «представлений» и «установок» [1, с. 44].

Поэтому мы рассматриваем языковые средства, а именно базовые лингвокультурные единицы языка как основу компетентной подготовки для межкультурной коммуникации. Ведь между ними и обществом всегда существует непосредственная связь, так как общество активно и постоянно употребляет их, а сами эти единицы и являются отражением жизни общества, его нравственных и духовных или материальных ценностей. Это то, как люди данного общества живут, думают, соблюдают традиции и обычаи, приобщаются к духовно-нравственным ценностям или наоборот, отвергают их.

Общеизвестно уже, при знакомстве с иностранным языком, человек опирается на знание родного и, наоборот, познание иностранного языка «проторяет» дорожку для более глубокого понимания родного языка [2, с. 240]. Но, справедливости ради, следует отметить, что родной язык иногда мешает коммуникации, осознанию особенностей иностранного языка. То же самое происходит и с культурой. Культура своего общества, несомненно, дает понимание культуры другой общности на основе одинаковости и тождественности. С другой стороны, привычная культура своего народа не позволяет понять и осознать некоторые культурные обычаи и традиции других культур, становится недругом в ситуациях межкультурного взаимодействия. Появляется соблазн у многих, изучающих иностранный язык, просто скалькировать свое на чужое.

Например, в случае знакомства с представителями английской культуры, будучи на их территории, или пребывания их в нашем обществе мы часто представляемся и называем только имя, так как знаем, что там не используют отчества. Они же зачастую не знают, не знакомы с нашим употреблением имен и тем, что более вежливо называть людей старше себя по имени и отчеству. Поэтому носителям нашей культуры и языка неловко бывает в тех ситуациях, когда молодежь называет людей, которые намного старше их по возрасту только по имени, хотя в какой-то степени это извиняет их, так как они не знают нашего языка и культуры. Но, чтобы избежать подобных ситуаций, необходимо овладевать теми знаниями, которые нужны для достойного взаимодействия, чтобы не ставить в неловкое положение своих собеседников и не попадать впросак. Кроме простого усвоения грамматики и изучения лексики, необходима лингвокультурная компетенция в пространстве языка, в котором осуществляется взаимодействие. Поэтому акцент, на наш взгляд, следует сместить на овладение лингвокультурной компетенцией, которая подразумевает изучение и познание

лингвокультурного материала, способствующего совершенствованию межкультурной коммуникации.

Для того чтобы проанализировать, систематизировать и выбрать материал, который представляется нам приоритетным, необходимо обозначить некоторые моменты, которыми мы руководствуемся и на основании которых мы пришли к тем или иным умозаключениям. Одним из них является выделение факторов межкультурного взаимодействия, от которых будет зависеть выбор тех или иных лингвокультурных единиц.

1. Ситуация общения и условия коммуникации (знание правил, принципов, особенностей коммуникации для той или иной культуры). Например, социально обусловленные роли, принятые участниками, их ожидаемые нормы взаимодействия и интерпретации; способы, согласно которым они выстраивают свое поведение и в результате достигается необходимое понимание действительности.

2. Стереотипы, которые поддерживаются друг в друге как личности и как члена социальной группы, например, часто отмечается немецкая аккуратность, русская беспечность, японское трудолюбие и дисциплинированность, китайский этикет, итальянская вспыльчивость, финское упорство, эстонская неторопливость, американская прагматичность французская галантность и страстность, английская уравновешенность, еврейская хваткость и находчивость, то есть стереотипные представления о нации, которые, как ожидается, иногда оправданно, а иногда и нет (так как всегда были и будут исключения из правил) относятся к каждому ее представителю.

В частности, на основе таких стереотипов основано большинство анекдотов о национальном характере.

«Представителям разных национальностей послали фильм следующего содержания: раскаленная пустыня и палящее солнце. Изнывая от жары, с трудом уже передвигаются мужчина и женщина. Вдруг мужчина достает крупный спелый апельсин и отдает женщине. Задается вопрос зрителям: «Какой национальности мужчина?». Француз отвечает: «Только француз мог так галантно отнестись к даме!» Русский: «Нет. Это русский: надо же быть таким дураком! Сам бы съел». Еврей: «Нет, это еврей: кто бы мог еще достать в пустыне апельсин?».

В этой истории продемонстрированы стереотипы: галантность французов, беспечность русских, изворотливость евреев.

Стереотипы возникают в сознании человека только исходя из наличия знаний в этой сфере. А такие знания должны аккумулироваться в процессе обучения, постепенно через усвоение лингвокультурного материала, который репрезентируется не просто отдельной лексикой, а объяснением конкретных особенностей для той или иной культуры, приведением примеров и т.д.

Стереотип английской лингвокультуры: «По мосту через реку идет джентльмен и видит, что под мостом барахтается другой, в шляпе, смокинге, перчатках и т. д. Джентльмен сходит на берег, раздевается, заходит в

воду, подплывает к барахтающемуся субъекту, некоторое время плавает возле него, наконец задает вопрос: – Сэр, извините мою навязчивость, что я, не будучи представлен вам, позволю себе нескромный вопрос: почему вы купаетесь в одежде? – Простите, сэр, дело в том, что я не купаюсь – я тону».

Стереотип эстонской лингвокультуры: «По лесной дороге медленно тащится телега. В ней – эстонская семья: отец и два сына. Вдруг вдалеке дорогу перебегают какой-то не очень большой зверек. Проходит полчаса. Один из сыновей произносит: – Это, наверное, лиса. Проходит еще час. Второй сын произносит: – Нет, это, наверное, собака. Проходит еще час. Отец произносит: – Перестаньте ссориться, горячие эстонские парни!»

Стереотип английской (американской) лингвокультуры: «В нью-йоркской полиции конкурс на лучшего полицейского. Условия конкурса: кто без принуждения заставит прохожего броситься с Бруклинского моста. Полицейский выходит на мост. Видит: идет представительный мужчина с кейсом. Подходит.

- Сэр, я вижу вы мой соотечественник. Владаете, как и я, акциями «Дженерал Моторс»?

- Да.

- Вынужден вас расстроить. ... Только что передали сообщение о банкротстве нашей компании...

С диким криком джентльмен бросается с моста в воду. Полицейский ставит галочку.

Следом идет другой мужчинка – напевает, галстук у него такой яркий, помахивает тросточкой.

- Месье, вы, конечно же, француз?

- Да, вы не ошиблись.

- А вы слышали о том, что сегодня Лига парижских проституток объявила бессрочную забастовку?

Француз с воплем отчаяния бросается с моста. Полицейский ставит вторую галочку.

Через некоторое время катит по мосту невообразимый руль – джинсы на три размера больше, под брюхом пузырями висят, еще с этикеткой из супермаркета, очки темные – в час ночи, все лейблами цветными уляпаные. Поет песню, в руках – бутылка.

- Эй, мужик! - окликает полицейский.

- Че надо?

- Ты из России?

- А чо?

- Да нет, ничего. А ты знаешь, что у нас запрещено прыгать с мостов по ночам...

- Да я ваши законы! ... Полицейский ставит еще одну галочку...

Стереотип грузинской, чукотской, татарской и еврейской лингвокультуры: «Разговаривают четыре кошки: грузинская, чукотская, татарская и еврейская:

- Мяу-да?
- Мяу, однако.
- Мяу-нгы.
- Таки-да, мяу».

3. Отношения, ценности, мнения, которыми владеют совместно с взаимодействующими. В каждой стране и общности – они свои, иногда похожие, а иногда и непохожие друг на друга. Что-то сложно представить, что-то сложно понять: почему британцы так почитают королевскую семью, почему в их социуме принято часто и повсеместно употреблять *sorry* и *thank you*, почему мусульмане снимают обувь перед мечетью, почему японцы так почтительно относятся к своему старшему поколению и т.п.

В.В. Овчинников, описывая особенности японцев, пишет: «Когда буддисты из Бирмы, мусульмане из Пакистана или католики с Филиппин попадают в Токио, они прежде всего поражаются религиозному безразличию японцев. Здесь не услышишь, чтобы на Будду или других богов ссылались в своих речах государственные деятели. Если писатели или художники порой берутся за религиозные темы, то отнюдь не по наитию веры. Несмотря на обилие храмов, все обиходные молитвы сводятся к трем фразам:

- Да минуют болезни.
- Да сохранится покой в семье.
- Да будет удача в делах.

Эти три молитвы произносятся безотносительно к какой-либо из религий, просто как житейские заклинания. Священнослужитель для японцев не наставник жизни, как, скажем, для католиков, а просто лицо, исполняющее по заказу положенные обряды» [5, с. 45].

В данном случае показано своеобразие культуры через отношение к вере и отражение в языке этих особенностей, передающих глубинный смысл их мировоззрения, без понимания которого не может состояться хоть какое-то продуктивное и адекватное взаимодействие, не нарушающее и не оскорбляющее представителей данной культуры: «Избегай излюбленных удовольствий, обращай к неприятным обязанностям» – эта строка, завершавшая когда-то сто законов Иеясу, доньше живет как пословица. Сила воли, способность ради высшего долга отвернуться от наслаждений, которые вовсе не считаются злом, – вот что японцы почитают добродетелью» [5, с. 131].

Зная культуру, обычаи, традиции, человек легче находит те средства, которые будут адекватными именно с представителями данной нации и то, что обычно без внимания остается в одной культуре, вызывает недоумение и даже недоброжелательность в другой.

4. Вербальная и невербальная коммуникация.

В процессе коммуникации произнесенное слово никогда не является нейтральным. В социологии значение сказанного во многом исследуется с позиции того, как сказано, с какой интонацией произнесено, как менялись или оставались неизменными логические ударения и т.д.

В нашем исследовании, посвященном лингвокультурному аспекту рассматриваемой проблемы, первостепенная роль принадлежит вербальному способу передачи информации, то есть тому, *что* сказать, а не *как*. Поэтому в данной работе мы не отрицаем важности этой составляющей, но не рассматриваем специально невербальное поведение.

5. Средства, от которых зависит успех или неуспех коммуникативного взаимодействия.

Правильность выбора тех или иных языковых средств имеет большое значение для результата взаимодействия. Понимание собеседника или воздействие на него посредством адекватных лингвокультурных средств зависит от того, насколько коммуникант компетентен в этом выборе.

В качестве примера возьмем идиомы, которые особенно требуют осторожного применения в иной стране или в общении с представителями иной культуры. Пример идиомы, состоящей всего из одного слова, – дает, например, М. Голденков в своей книге «Современный активный English». Ее смысл чаще всего не зависит от значения этого единственного слова. К примеру, *lemon* в жаргоне россиян означает «миллион», а у американцев указывает на некую поломку машины или недостаток механизма: «– Your car is a lemon. – Твоя машина того... – говорит комиссар Ле Пешен, покопавшись в моторе автомобиля сержанта». Или вот слово *dog*. Оно обозначает в определенном контексте не собачку, а обломившееся свидание с девушкой или тяжелый экзамен: «– My math exam was a dog. – Мой экзамен по математике – это было что-то, – говорит Джон Мику. – My date with Jane was a dog too. – Мое свидание с Джейн было таким же, – отвечает Мик. Желая вам поменьше таких «догов» и «лемонов», а побольше хот-догов на ваших столах и «лимонов» в кейсах! [3, с. 70 – 71].

6. Способы, при которых члены разных групп осуществляют всевозможные речевые акты (например, делая комплименты, принося извинения, выражая просьбу).

Так, английская вежливость, которая часто удивляет, а некоторых и раздражает – это «не бремя долга и не желание произвести благоприятное впечатление на других. Учтивость и предупредительность к окружающим, то есть к незнакомцам, рождает у англичанина чувство удовлетворения, возвышает его не в чужих, а прежде всего в своих собственных глазах»: «Лондон. Особняк. Камин. У огня в халате сидит джентльмен, потягивая чудесное чинзано. В одной руке – сигара, в другой – бокал. Тишина и покой...

Вдруг с грохотом рушится стена – и в гостиную врывается "мерседес". Джентльмен, не меняя удобной идилической позы, спрашивает совершенно обалдевшего водителя:

- Вы куда так торопитесь, сэр?

- В Манчестер!

- Через кухню вам было бы короче, – учтиво посоветовал джентльмен [6, с. 116].

7. Компетенция личности-участника коммуникации.

Мы полагаем, что лингвокультурная личность является «мобильной», зависящей от эпохи, в которой она живет, впитывает ее национально-культурные преобразования и изменяется под действием различных факторов. Кроме того, важнейшим показателем лингвокультурной личности является владение единицами языка, которые формируют базовые знания личности, поэтому определяем лингвокультурную личность как человека, у которого совокупность базовых знаний усваивается вместе с их культурным толкованием, пониманием и осознанием. Ведь «язык – неотъемлемая и важнейшая часть любой национальной культуры, полноценное знакомство с которой обязательно предполагает не только изучение материальной составляющей этой культуры, не только знание ее исторической, географической, экономической и прочих детерминант, но и попытку проникновения в образ мышления нации, попытку взглянуть на мир глазами носителей этой культуры, с их точки зрения» [4, с. 78].

Таким образом, центральной остается идея о взаимосвязанном изучении языка и культуры с позиции овладения лингвокультурной компетенцией. Речь идет об изучении и осознании базовых знаний о взаимосвязи языка и культуры, которые предполагают:

а) понимание базовых лингвокультурных единиц носителей языка, их культурный фон, их место в языковой картине мира;

б) усвоение носителями языка базовых лингвокультурных единиц, тесно связанных с историей, культурой, образом жизни, обычаями и менталитетом создавшего их народа;

в) актуализацию базовых лингвокультурных единиц носителей языка в социокультурной ситуации.

Межкультурная коммуникация достигается за счет грамотного отношения к окружающей действительности, создания лингвокультурной картины мира, под которой мы понимаем совокупность знаний о языковых единицах, их культурном содержании, выработанная на определенном этапе развития нации, сохраняющаяся и передающаяся из поколения в поколение и обеспечивающая преемственность языкового и культурного мышления носителей языка. А это возможно не просто при усвоении лексики языка, а культурной наполняемости, шаг за шагом актуализируя эти знания. Ведь что касается культурной наполняемости, то она содержится не только в безэквивалентной лексике, но и в словах, которые на поверхно-

стном уровне предстают как имеющие эквиваленты в иностранном языке. Она может представлять и культурно-специфичные аспекты физическо-го и социального мира, и специфические стороны системы культурных ценностей.

Мы акцентируем внимание на языковом материале, то есть на том, на чем строится взаимодействие, от которого зависит положительный или отрицательный результат данного действия, имея в виду лингвокультурный материал, который способствует адекватному пониманию, отличается незагруженностью и в то же время достаточностью информации для коммуникации.

Таким образом, выявление «ключевых» (ядерных, стержневых) значений и коннотаций позволит исследовать, проанализировать и создать тот запас материала, который будет отражать специфику языковой культуры, явлений окружающей действительности, ценностные ориентации, действующие в каком-либо обществе. Мы основываемся на том, что они содержат знания, не только относящиеся к какой-то отдельной ситуации или проблеме, но и включают познания, отражающие накопленный опыт социума на протяжении некоторого промежутка времени и дающие представление о действующих в нем нормах, законах, духовно-нравственных ценностях, традициях, обычаях, уровне культуры и т.д.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: АСТ, Астрель, 2011.
3. Голденков М. Осторожно hot dog! Современный активный english. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 1999.
4. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003.
5. Овчинников В.В. Ветка сакуры. – М.: Молодая гвардия, 1971.
6. Овчинников В.В. Корни дуба (Впечатления и размышления об Англии и англичанах). – М.: Мысль, 1980.

**Национально-культурная специфика дискурсивных миров
в коммерческой рекламе Великобритании и России**

В статье рассматривается проблема сопоставительного изучения национальной специфики дискурсивных миров в коммерческой рекламе. Дискурсивный мир ассоциируется с контекстом ситуации вокруг речевого события. Интерактивность как свойство дискурсивного мира рассматривается с точки зрения вербально-знаковой реализации в британской и российской коммерческой рекламе.

The article focuses on contrastive analysis of cultural identity of discourse worlds as projected in commercial advertising. The discourse world is associated with the situational context surrounding the speech event. Interactivity as the property of discourse world is compared on the level of its semiotic realization in British and Russian advertising.

Ключевые слова: национально-культурная специфика, дискурс, проективность, дискурсивный мир, британская реклама, российская реклама, интерактивность.

Key words: cultural identity, discourse, projectivity, discourse world, British advertising, Russian advertising, interactivity.

Особенности национальной специфики чаще всего привлекают внимание специалистов при изучении проблем взаимодействия языка и культуры. Неисчерпаем круг вопросов, которые ставят перед собой ученые, что обнаруживается в многочисленных исследовательских программах, предлагаемых ими для выявления факторов, детерминирующих речевую деятельность, языковое сознание и общение (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, В. В. Красных, А. А. Леонтьев, В. А. Маслова, Н. Б. Мечковская, В. Н. Телия, С. Г. Тер-Минасова и др.). Центральная проблема настоящей статьи связана с изучением дискурсов современной рекламы в России и Великобритании с точки зрения их проективных свойств, реализующихся как трансляция смыслов посредством языковых механизмов, направляющих процессы конструирования многомерных ментальных образований [5]. Говоря о проективных свойствах дискурса, мы исходим из единой мирозозидающей функции языка (Е. С. Кубрякова), которая заключается в конструировании особого мира при восприятии и интерпретации фактов действительности с помощью языкового описания. Под дискурсивным миром понимается мыслительный артефакт, который возникает в сознании коммуникантов вокруг речевого события рекламного взаимодействия и включает комплекс контекстуальных характеристик общения. Свою задачу мы видим в том, чтобы охарактеризовать ряд значимых параметров, наиболее часто актуа-

лизируемых в дискурсивных практиках британской коммерческой рекламы в сопоставлении с российской.

Для анализа мы отобрали идентичные по формальной принадлежности к жанру рекламно-коммерческие произведения – объявления, предлагающие продукты питания, которые используются торгово-розничными сетями в Британии и России. Обращение к данному сектору обусловлено рядом причин. Во-первых, продукты питания традиционно относят к «культурно-зависимым» товарам (Дж. Узинье). Факт, доказанный в научной литературе [10], предполагает, что их потребление тесно связано с образом жизни и культурными ценностями общества. Во-вторых, в случае с однотипными продуктами, которые, по сути, призваны удовлетворять физиологические потребности, рекламист находит каналы не столько для выражения утилитарного смысла, сколько для демонстрации характеристик, которые превращают продукты в товары, обладающие символической ценностью. При этом из всей аксиологической палитры наиболее востребованным оказывается довольно узкий круг приемлемых в культуре ценностей, отношений и типов поведения. В-третьих, изучение рекламы продуктов питания, предназначенной для самого широкого сегмента потребителей, позволит сделать обобщения о наличии однотипных свойств моделируемых миров, а также высветить некоторые грани национальной специфики их конструирования на фоне разных культурных контекстов.

Оптимально-конкретным для решения поставленной задачи считаем обращение к национальной форме организации дискурсивных миров в России и Великобритании, характеризуя которую мы исходим из представлений о ключевой роли прагматических условий как совокупности социокультурных и экономических факторов, детерминирующих специфику рекламных репрезентаций. Такая позиция требует обращения к широкому дискурсивному контексту и предполагает активацию знаний, которые выходят далеко за пределы отдельно взятой рекламной ситуации.

«*Tesco*» – крупнейшая розничная сеть в Великобритании, основанная в начале XX века (1924), которая управляет 2700 торговыми центрами по продаже продовольствия и промышленных товаров (<http://www.tesco.com/>). Тот факт, что в Европе сетевая торговля контролирует 70 – 75% розничного товарооборота, а в России только 20 – 30% (<http://www.grandars.ru/college/biznes/torgovye-seti.html>), несомненно, свидетельствует о разном уровне развитости данного экономического феномена в отечественной практике по сравнению с зарубежным, но, как кажется, не умаляет значимость российского опыта, усиливая необходимость установления специфики проективности рекламного дискурса в контексте глобализма. Для выявления национальной специфики организации коммерческой рекламы в России мы обратились к рекламным материалам нескольких общенациональных федеральных сетей («Магнит», «О'Кей», «Седьмой континент», «Линия», «Перспект»).

Общим способом представления информации в российской и британской рекламе торговых сетей является компьютерно опосредованная форма, которая вносит существенные изменения в сам характер коммуникации. Наиболее значимый параметр расхождений легко связывается со способами организации текстового пространства – линейным и нелинейным (Е. Н. Галичкина, О. В. Дедова, Л. Ю. Иванов, М. М. Лукина, С. Н. Михайлов, М. Ю. Сидорова, Ф. О. Смирнов, Л. Ю. Щипицина и др.). Гипертекст как особая форма хранения и презентации текстовой информации преобразует многочисленные конечные тексты в единое целое. Важнейшими свойствами гипертекста являются: 1) принципиальная возможность существования только в компьютерном виде; 2) нелинейность; 3) множественность виртуальных структур; 4) незавершенность; 5) виртуализация информации [7, с. 67]. Указанные свойства гипертекста качественно отличают его от текста печатного, формируя новую культуру восприятия информации.

Гипертекстовая организация определяет «мозаичный», «кластерный» характер рекламных материалов в сети. Усиливается роль рекламных заголовков, которые зачастую выступают как гиперссылки. Эти и другие ссылки, вплетенные в ткань объявлений, обеспечивают многоуровневое представление структуры рекламной информации, что открывает для читателя возможность выбора и самостоятельного конструирования текстового пространства. Мультимедийность предполагает возможность соединения вербальной и невербальной частей, а также звука, видео и анимации. Текст в мультимедийном контексте «становится короче, несамостоятельнее, фрагментарнее, а формы взаимодействия письменного текста и мультимедийного окружения самыми разнообразными» [8, с. 413 – 414].

В таком ракурсе компьютерная среда предопределяет перевод рекламного общения из режима субъект–объект в режим субъект–субъект [3, с. 4]. Дискурс, изначально асимметричный, то есть предполагающий, что речевая активность преимущественно связывается только с одним их участников (по В. И. Карасику), проектирует симметрию, что выводит на первый план свойство интерактивности. Интерактивность – усиление диалогической составляющей коммуникации, которая переводит реципиента из пассивного получателя в активного участника. В рекламной коммуникации потенциальный покупатель моделируется как субъект, коммуникативно равный агенту.

Культура интернет-покупок в Великобритании и России оказывается очень разной, что, на наш взгляд, прогнозирует несовпадение способов «конструирования» образа активного клиента. Интерактивность как свойство дискурсивного мира, в котором конструируется образ активного потребителя продуктов питания в российской рекламе, отличается существенно меньшей степенью объективации на гипертекстовом уровне. Британские специалисты по рекламе активно пользуются современными

гипертекстовыми технологиями, позволяющими им представлять рекламную информацию как набор текстов, содержащих узлы перехода, которые стимулируют потенциального покупателя «кликать» и самостоятельно выбирать предмет и последовательность чтения.

Многочисленные типы обращений, наиболее часто встречающиеся в коммерческой рекламе, можно сгруппировать на субъектно-объектной основе, то есть с ориентацией на рекламируемый продукт, ассоциируемый с конкретным производителем (товароориентированный модус), целевую аудиторию (клиентоориентированный модус), а также общественно значимую деятельность фирмы в самом широком понимании (социально ориентированный модус).

Товароориентированный модус. Больше всего совпадений проектирования образа активного покупателя обнаружено именно в товароориентированном модусе, что, на наш взгляд, вполне объяснимо. Согласно воззрениям экономической теории на товар и его свойства, покупатель, к какой бы культуре он ни принадлежал, приобретая продукт, прежде всего оценивает его с точки зрения интегральной характеристики – полезности. Полезность продуктов питания в сопоставляемых дискурсах характеризуется не столько с позиции удовлетворения физиологических потребностей, сколько в ракурсе символических ценностей, им приписываемых. В двух культурных контекстах акцентируются разные свойства. В отечественной рекламе приоритетными являются цена и скидки, в британской – цена, скидки и труд производителя, затраченный на изготовление продукта.

В рамках данного модуса в британской рекламе выявлены рациональные призывы импозитивного характера, которые относятся к качеству и утилитарным свойствам товара, предлагаемого покупателю в целях приобретения. Ситуативная роль клиента получает грамматическое усиление за счет императивных глагольных форм и инфинитивных конструкций.

1. Покупателям предлагается найти дополнительную информацию о продукте или о полном ассортименте товаров марки. Ср.: ***Click here to see the full range of Foodhall brands at Tesco; Visit us at www.StarbucksOnTheGo.com.*** Коммуникативное смягчение импозитивности достигается за счет тактики косвенного предложения, в которой императивные конструкции приобретают форму вопросов, представленных структурами *why not..?* Ср.: ***Why not visit www.yeovalley.co.uk to find out more?; Why not have a peek online to find out more?***

2. Узнать о компании-производителе и особенностях производства продукта. Ср.: ***Come and find out more about who we are and how we care for our hens at: www.thehappyegg.co.uk; We select the finest organic ingredients and take extra care to bring out the distinct flavour that has become our trademark. Discover more at www.greenandblacks.com.***

3. Озабоченность качеством жизни, определяющим воздействие на здоровье людей, проявляется в акцентировании соответствия продукции

общепринятым стандартам. Ср.: *Sugar: **traded in compliance with Fairtrade Standards. Visit www.info.fairtrade.net; Recipes created with leading experts, to our strict nutritional standards. For more information please go to www.birdseye.co.uk***

Императивность британской рекламы продуктов питания противопоставляется информативности российской, которая создается средствами синтаксических конструкций, открывающими перед клиентом коммуникативную перспективу ознакомления. Регулярно обнаруживаются синтаксические модели с модальным глаголом и инфинитивом, несущими значение потенциальности, а также пассивные конструкции, включающие participial forms (был создан, произведена). Мы выявили обращения, которые, в отличие от англоязычных призывов, не связаны с конкретным рекламируемым продуктом. Они имеют обобщенный характер и относятся к возможностям торговых сетей в целом.

1. Найти информацию о продукте, ассортименте, ценах, наличии. Ср.: *Покупатели, обращающиеся в Call-центр, могут получить информацию: о ценах; об ассортименте; о наличии товара в конкретном гипермаркете; об условиях обмена или возврата продукции («Лента»).*

2. Узнать о товарах со скидкой, о товарах частной торговой марки. Ср.: *О новинках, товарах со скидкой, товарах частной торговой марки и других дополнительных предложениях сети вы также можете узнать и в специальных каталогах. Здесь представлена самая полная информация о действующих предложениях и актуальных скидках («Магнит»).*

3. Убедиться в соответствии продукции общепринятым стандартам качества. Ср.: *Значок нашей сети «Перспектив», стоящий на упаковке товара, гарантия того, что продукт был создан со всей тщательностью, а его соответствие всем нормативным требованиям и стандартам было подвергнуто строгой проверке в рамках системы качества компании («Перспектив»).*

Гипертекстовая форма структурирования рекламной информации, предполагающая «привязку» к конкретному товару, отличает британскую рекламу продуктов питания. Специалисты используют ее как мощное средство управления вниманием и желаниями клиента. За счет гиперссылок, связывающих медийные узлы, потенциального покупателя призывают устанавливать связи между информационными блоками, что позволяет увидеть продукт в разной перспективе. Все это повышает коммуникативный статус покупателя, усиливает роль клиента в деятельности агента, превращает его из пассивного наблюдателя в активного участника рекламного процесса. Моделируются диалогические отношения участников рекламной коммуникации. Диалогическими отношениями мы называем объективируемые элементы иллокутивного вынуждения, устанавливаемые между агентом и клиентом. Пространственно-временная близость комму-

никантов, характерная для естественного разговора лицом к лицу, искусственно моделируется с помощью технических средств.

В этом отношении российский рекламный дискурс в большей степени выглядит как монологический, более ассиметричный, то есть агент коммуникативно доминирует, его роль более объемная по сравнению с ролью, отводимой клиенту. Гипермедийный формат рекламной коммуникации в российском дискурсе только начинает реализовываться. В настоящее время практически отсутствует культура привязки отдельного рекламного произведения к информационным модулям посредством гиперссылок.

Клиентоориентированный модус. Современный потребитель не только очень требователен к качеству товаров, но искушен в вопросах межличностного взаимодействия продавца и покупателя. Продавец существует для покупателя, но не наоборот. Просто предложить клиенту качественный продукт недостаточно и неэффективно. Российские и британские рекламисты выстраивают такую модель общения между сторонами, которая декларирует индивидуальный подход к каждому.

Особая коммуникативная роль клиента находит вариативное выражение в двух социокультурных контекстах. В рамках выделенного модуса обнаруживаются призывы, которые направлены на стимулирование активности клиента как важнейшей сферы общественной жизни человека в целом, предопределяющей организацию его деятельности на основе имеющихся социальных потребностей, а также требований и ожиданий, ассоциируемых с социально-приемлемым и одобряемым поведением. Социальные потребности разграничиваются по трем признакам-критериям: 1) потребности для других; 2) потребности для себя; 3) потребности вместе с другими [1].

Императивы, регулярно используемые британскими специалистами, подчеркивают высокую степень персонализации общения между агентом и клиентом. Фактически, обращение к массовой аудитории превращается в обращение к индивидуальному лицу, находящемуся в одном «клике» от действия, выполнение которого ведет к удовлетворению социальных потребностей «для себя» и «вместе с другими».

1. Поддерживать социальные отношения: *Click here to see the full range of Foodhall brands at Tesco; Visit us at www.StarbucksOnTheGo.com.*

2. Вступить в тематический клуб: *Join our online Recipe Club and we'll keep you up to date with everything that's new.*

3. Участвовать в игре: *For your chance to Win, simply enter your unique code on the front of the pack together with your details, at lastingleaf.com; Visit Abra ca Debora.co.uk and enter our competitions.*

4. Найти игры для детей: *Our website has lots of fun activities for children and there are more being added all the time. Just go to www.greencakes.co.uk.*

5. Оценить чувство юмора: **TASTE + SMILE: There's plenty to smile about at www.tasteandsmile.co.uk**

6. Использовать креативные идеи компании: **More ideas at AbracaDebora.co.uk; Foreasyideas, step by step demonstrations & to sign up to our newsletter go to www.jusrol.co.uk.**

7. Получить совет специалистов: **For baking advice drop us an email at info@bakingmad.com; Got a baking question? Contact us between 10am and 4pm on 0844 880 5944 or leave us a message and we will call you back.**

8. Рассказать о проблеме: **We'd love to hear about your lactose intolerance experiences. Write to us at www.lactofree.co.uk.**

9. Поделиться своими идеями: **While you're online, why not have a look at Debora's super simple recipes and let us know about any ideas you have?**

10. Получить подарок: **Did you know we can deliver your gift? Visit Thorntons.co.uk or call 0845 121 1911.**

11. Выявить целебные свойства продукта и ознакомиться с рецептами его использования: **Find out everything about soya and delicious recipes at www.vivesoy.com.**

12. Воспользоваться доставкой свежих продуктов: **Delivering the freshest food to your door – Find out more и др.**

Персонализация общения в рамках клиентоориентированного модуса также обнаруживается в российской рекламе. В формальном смысле она находит мало реализации на гипертекстовом уровне по сравнению с британским рекламным дискурсом. Российская реклама более имперсональна, что проявляется на уровне использования синтаксических структур с модальными глаголами, а также пассивных конструкций. Клиент представлен как лицо, которое должно оценить ситуацию не столько с точки зрения ее необходимости, сколько с точки зрения ее возможности.

1. Оставить сообщение на форуме: **На форуме 7cont.ru Вы можете оставить сообщение. На ваши вопросы отвечают наши специалисты.**

2. Воспользоваться доставкой продуктов: **Товары доставляются по указанному адресу в любой день недели с 11.00 до 23.00.**

3. Ознакомиться с рецептами использования продукта: **Пшеничная мука «Рязаночка» сорта «Экстра» подходит для дрожжевого и слоеного теста. Чтобы вы ни запланировали к столу – пирожки, слойки или круасаны – вам гарантирована пышная и аппетитная выпечка. Рецепт от «Рязаночки». Хлеб домашний сдобный... («Карусель»).**

Коммуникативно-информационное взаимодействие с потенциальным покупателем так же, как и в британской рекламе, зачастую регулируется формами императива. Побудительное волеизъявление агента направлено на реализацию клиентом конкретных действий. Сравним:

4. Участвовать в акциях, пользоваться специальными предложениями и скидками: **Купи в период акции с 01.08.2013 по 30.09.2013 г. в гипермаркетах «Лента» не менее 30 банок 0,33л газированных безалкогольных на-**

питков «AngryBirds» с использованием одной карты постоянного покупателя «Лента». **Зарегистрируйся** на сайте www.lenta.com. **Загрузи** свои креативные фотографии с напитками «AngryBirds». Только 24 октября 2013 года – **скидка 20%** на всю птицу по карте «Лента». **Участвуйте в акции и соберите** свой кукольный театр. Информация об акции на www.libero.ru («Магнит»).

5. Участвовать в игре: **Собери коллекцию профессиональной посуды**. Посуда Thomas со скидкой 70% только до 22 декабря 2013 года; **Совершая покупки в Гипермаркетах «ЛИНИЯ» и выиграй семейную поездку на Олимпийские игры Сочи 2014; Купи товары-участники на 300 руб. Отправь Sms на номер 1500 в формате «Окей, пробел, номер чека».** **Выигрывай сертификаты на 30000 рублей.**

6. Получить подарок / приз: **В период с 1 ноября по 31 декабря 2013 года в магазинах «Седьмой Континент» и Гипермаркетах «НАШ» при оплате покупок картами MasterCardPayPass® получите шоколад в подарок; Покупайте товары. Собирайте наклейки. Получайте призы.** www.nasha7я.рф.

Конструирование образа активного потребителя в двух дискурсах в пределах данного модуса отражает общую тенденцию к презентации взаимодействия между агентом и клиентом в связи с социальными потребностями «для себя» и «вместе с другими». Персонализация отношений как доминирующий признак, дающий представление о том, каким образом моделируется интерактивное общение сторон, по-разному актуализируется в российской и британской рекламе. Лексико-грамматические средства выражения необходимости усиливают импозитивные смыслы в двух дискурсах. Информативный характер обращения к клиенту, актуализируемый через семантику возможности, в большей степени характеризует российскую рекламу.

Социально ориентированный модус. В данную группу объединены обращения, обнаруженные в рекламных произведениях, которые имеют отношение к общественной ответственности предпринимательской деятельности в целом, а также приоритетным социальным инициативам, в реализации которых участвует фирма-производитель. Речь, в том числе, идет о трансляции этических правил и стандартов ведения коммерческой деятельности той или иной компанией, которые способствуют решению конкретных социально-значимых проблем, и представляют агента в выгодном свете.

Высокое качество социальных отношений, прежде всего добровольная помощь другим, является одним из важнейших факторов, определяющих самосознание британцев, и это находит непосредственное отражение в формах коммерческо-ориентированной коммуникации. Благотворительность уже давно ассоциируется с английским менталитетом, культурой и традициями (<http://thebusinesscourier.co.uk/>). Осознание британцами общественно-значимых задач, вложение средств в решение проблем, которые

приносят обществу серьезную помощь, находят регулярные формы выражения в коммерческой рекламе. Сравним:

1. Рекламируя продукт, британские специалисты часто заостряют внимание на благотворительности компании-производителя: *Ginsters has donated £40,000 to Chicks (registered charity, no1080953) this year www.chicks.org.uk; We give away 10% of our profits to people who need it more than us. To find out more visit www.innocentfoundation.org. Нередко подчеркивается, что средства идут на благотворительность и образование. Ср. рекламу соусов: *Newman's Own Foundation continues Paul Newman's commitment to donate all royalties and after tax profits from this product for educational and charitable purposes.**

Акцентируется спонсорская деятельность компании в организации спортивных мероприятий. Ср. рекламу батончиков: *9 bar is more than just another snack bar; we get involved in loads of interestingly active stuff through our ongoing sports sponsorship programme. Find out more at www.9bar.com.*

2. Потенциальному покупателю предлагается составить мнение о том, как фирма-производитель занимается проблемами окружающей среды. Ср. рекламу соков: *We strive to do all we can to reduce our impact on the environment so every one can benefit from it. To find out more visit www.Tropicana.co.uk/Environment; Truvia® is proud of our strong environmental and social sustainability goals for bringing stevia from field to table. Learn more at truvia.co.uk.*

В ряде случаев подчеркивается, что производитель выделяет средства на помощь животным. Например, гориллам в рекламе рисовых батончиков: *Every year, 1% of Berry Bobbly sales will be donated to the Dian Fossey Fund to help save gorillas. www.gorillafund.org. В иных рекламных произведениях указывается на охрану морских животных. Ср. рекламу консервов: **DOLPHINFRIENDLY**. *Princes is fully committed to fishing methods which protect the marine environment and marine life; Thank you for choosing seafood that has met the MSC's global standard for sustainability. Together we can help protect fish stocks for the future. www.msc.org. Внимание часто обращается на то, что упаковка товара может использоваться вторично. Ср. рекламу кукурузы: *Green Giant cares for the environment. Our packaging is 100% recyclable.***

3. Встречаются рекламные произведения, которые призывают узнать о помощи компании развивающимся странам: *Fairtrade enables farmers and workers in developing countries to improve their working and living conditions and make a better living through fair prices, community development and environmental stewardship. www.info.fairtrade.net.*

Приведенные примеры обнаруживают отличительную особенность дискурсивного мира британской рекламы, отмеченную в социально-ориентированном модусе, – тенденцию к демонстрации неразрывного единства коммерческих и общественных интересов и совершенствованию культуры этичного потребления.

Этичное потребление как термин возник в ответ на небезосновательное беспокойство людей относительно экологических и социальных проблем планеты и был популяризован именно британским журналом («Этичный потребитель») в 1989 году. Поэтому значимость данного социального феномена в британской культуре не вызывает сомнений. Он находит выражение в коммерческой рекламе, предоставляющей подробную информацию о происхождении, обработке, составе, доставке продуктов в этичной манере (с минимальным вредом для людей и животных), экологических условиях их производства, а также социальной ответственности компании-производителя.

В рекламе продуктов питания, представленной отечественными торговыми сетями, практически не встречаются традиционные для британского рекламного дискурса информационные блоки, подчеркивающие социальные обязательства компаний. Конечно, это не говорит об отсутствии стремления российского предпринимательства приносить пользу обществу. Думается, что в социально-культурных координатах интерактивность связывается не с рекламным дискурсом, а с российским бизнес-дискурсом в целом, под которым понимается вербализация деловой коммуникации, реализуемой в открытой совокупности текстов, соотнесенных тематикой бизнеса [2, с. 97].

Представления о том, что информация об экологических и социальных свойствах продуктов, а также общественных инициативах производителя, с которым тесно ассоциируется продукт, способна оказывать значительное влияние на принятие решения о покупке, не находят регулярного отражения в российской рекламе. Элементы культуры этичного потребления обнаруживаются в рамках формализованного делового общения. Сведения относительно этических характеристик товаров формируют отдельные блоки в виде виртуальных страниц, открывающихся посетителям сайта. Очевидно, что жестко регламентированное деловое общение нацелено не на убеждение совершить покупку, а на повышение информированности потребителей. Это согласуется с соблюдением формально-ролевых принципов ведения коммерческой деятельности. Любая отечественная торговая сеть имеет свою социальную миссию и цели, которые, как правило, формулируются модулем в отрыве от рекламирования какого-нибудь предмета потребления. Сравним: *ОАО «Седьмой Континент» в своей деятельности руководствуется высокими стандартами социально ответственной компании. В рамках социальных инициатив Компания поддерживает различные гуманитарные и благотворительные проекты. Неотъемлемой составляющей ее деятельности является стремление к соблюдению баланса между коммерческой эффективностью и социальной ответственностью* (<http://www.7cont.ru/>).

Как было отмечено выше, в системе типов институциональной коммуникации реклама считается ассиметричным типом дискурса, что подразумевает разный вклад участников общения в коммуникативный процесс.

На фоне социально-экономического ландшафта эры «фанка» [6] ведущим лозунгом становится призыв: проектируй реальность. Реклама устанавливает свой миропорядок, конструирует своего клиента. В аспекте проективности дискурсивные миры британской и российской рекламы коррелируют по параметрам установления диалога между агентом и клиентом. Интерактивность коммерческой рекламы в России и Великобритании получает множественное и вариативное выражение в условиях двух лингвокультур. С одной стороны, сходства её дискурсивной реализации детерминированы общностью представлений об эффективности способов прагматического воздействия на клиента, устанавливаемых мировой практикой рекламы и отражающих общечеловеческий характер данной разновидности коммуникации. Эти обстоятельства проявляются в проектировании коммуникативного соавторства с ориентацией на продукт, целевую аудиторию, общественно значимую деятельность фирмы-производителя. С другой стороны, однозначно трактуемые прагматические смыслы приобретают несовпадающие формы объективации, обусловленные социокультурными факторами, к наиболее существенным из которых можно отнести общий уровень развития каждой лингвокультуры, приоритеты потребления, а также степень развитости компьютерно опосредованной формы рекламного общения в целом.

Список литературы

1. Бережной М. Н. Человек и его потребности. – М., 2000. – [Электронный ресурс]: <http://lib.vvsu.ru/books/servis/page0008.asp>.
2. Данюшина Ю. В. Англоязычный сетевой бизнес-дискурс: когнитивно-семантический обзор // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 3 (024). – С. 97 – 103.
3. Колокольцева Т. Н. Слоган как ключевой компонент рекламного текста // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллект. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева. – М.: ФЛИНТА; Наука, 2011. – С. 147 – 171.
4. Кочетова Л. А. Английский рекламный дискурс в динамическом аспекте. – Волгоград, 2013.
5. Кушнерук С. Л. Лингвистическое миромоделирование в рекламе. – Челябинск, 2013.
6. Нордстрем К., Риддерстрале Й. Бизнес в стиле фанк: капитал пляшет под дудку таланта. – СПб., 2003.
7. Хартунг Ю. Гипертекст как объект лингвистического анализа // Вестник Московского университета. – Сер. 9. – Филология. – № 3. – 1996. – С. 61 – 77.
8. Щипицина Л. Ю. Технические особенности компьютерно-опосредованной коммуникации и их лингвистическое преломление // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: материалы 2-й международной конф. (Москва, филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 14–16 февраля 2008 г.). – М.: МАКС Пресс, 2008. – С. 413 – 415.
9. Gram M. & Niss, H. Different Parents, Different Dreams: a Comparison of Cultural Values Manifest in Danish, German and British Advertisements // International Marketing, Proceeding. – Vol. II. – 27th EMAC Conference Marketing Research and Practice, Stockholm 20-23 May, 1998.

ЛИНГВОДИДАКТИКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

УДК 372.881.111.

Храброва В. Е.

О роли количественных компонентов в формировании навыков письма и аудирования при изучении английского языка

В статье рассматривается понятие количественности как логико-семантической категории, дающей возможность исчисления и измерения с помощью количественных элементов, которые включают все значимые части речи, а не только числительное. В работе приведена классификация типичных ошибок студентов, которые допускаются на письме в связи с неправильным или неточным использованием числительных и словосочетаний, в состав которых входит числительное. Статья предлагает некоторые советы, позволяющие повысить балл при сдаче международного экзамена с помощью умелого использования количественных элементов: полифункциональных существительных, глаголов латинского происхождения, адъективированных конструкций.

The paper under consideration deals with the quantitative category in the English language as one of the most significant aspects. As quantitative elements are expressed by all parts of speech, their appropriate use allows developing students' lexical competence. Typical writing mistakes result from either a lack of elementary skills of the formation of numerals or gaps in the knowledge of other quantitative elements that are presented by all parts of speech. The results of the further analysis as well as a case study are presented in the paper. In outline, the use of a variety of quantitative components should be practised on a regular basis so that students might benefit from it not only in their classroom activities but also in the preparation for their IELTS exam.

Ключевые слова: количественность, вербальная система чисел, количественные компоненты, когнитивная функция, аудитивные навыки, навыки письма.

Key words: quantitativity, verbal numerical system, quantitative components, cognitive function, listening skills, writing skills.

Введение.

Современный человек вряд ли может представить жизнь без количественных понятий, так как живет в мире, где все происходит строго по графику, расписанию, часам. Это делает нашу жизнь упорядоченной, разложенной по полочкам. Мы считаем, сравниваем числа, измеряем, ведем счет времени, осуществляем математические операции и др., без чего невозможно представить наше бытие. И.П. Савельева утверждает, что «категория количественности является одной из основных категорий мышления человека, поскольку все виды и формы материи характеризуются количе-

ственной определенностью» [5]. Философы, математики, лингвисты, люди других областей деятельности с незапамятных времен интересовались категорией количества, но до сих пор этот вопрос до конца не изучен. Несмотря на большое количество исследований, касающихся категории квантитативности, с лингвистической точки зрения мы можем констатировать невнимательное отношение к английскому числительному и как к части речи [2], и как к важнейшему квантитативному компоненту. Это становится очевидным, когда мы сравниваем количество упражнений в разделах учебников, посвященных существительным, прилагательным, глаголам и другим частям речи, которым в учебных программах уделяется намного больше времени по сравнению с числительными и словосочетаниями, содержащими эту часть речи. В основополагающем документе «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка» числительное также упоминается только в связи с дискурсивной компетенцией, а точнее с кооперативным принципом Грайса, провозглашающим, что суть понятия 'количество' предполагает, чтобы «высказывание содержало только необходимую информацию, но не более» [4].

Цель работы состоит в том, чтобы дать определение квантитативности, выделить ее компоненты в английском языке, обратить внимание на некоторые особенности употребления числительных и словосочетаний, в состав которых они входят, с точки зрения формирования академических навыков аудирования и письма. В работе анализируются некоторые типичные ошибки, заключающиеся в неправильном или некорректном написании квантитативных компонентов, а также причины их неточного восприятия на слух. Отметим, что в рамках принятой в НИУ ВШЭ концепции преподавания иностранных языков на занятиях по английскому языку студенты готовятся к сдаче экзамена для получения международного сертификата IELTS. С целью получения более высокого балла студенты должны быть хорошо сориентированы, как это можно сделать, используя, в частности, большой потенциал категории квантитативности. Для этого в работе мы приводим некоторые сравнительные данные относительно количественной категории в немецком и английском языках, выделив сходства и отличия, чтобы изучающие английский как второй иностранный язык могли предвидеть возможные ошибки в употреблении этой части речи для успешной реализации коммуникативной компетенции, используя ранее накопленные знания.

Понятие квантитативности и ее компонентов.

Прежде чем предложить одно из определений понятия квантитативность, мы еще раз подчеркнем важность этой лингвистической категории: «С помощью квантитативных языковых средств, включая числительное, мы стремимся выразить идеи упорядочивания, объединения в целое некоторых частей, приведения их в состояние гармонического, пропорциональ-

ного равновесия в условиях взаимного сосуществования» [3]. Что же такое квантитативность? Приведем одно из определений: «Это логико-семантическая категория, актуализирующая представления о комплексе понятий количественного содержания на разных уровнях объективации» [5]. Квантитативные компоненты в английском языке представлены всеми значимыми частями речи: числительное: eleven; существительное: dozen; прилагательное: two-faced, местоимение: all; наречие: tenfold; глагол: triple. Бесспорно, имя числительное играет ведущую роль в этом ряду. Необходимо подчеркнуть, что зарубежные лингвисты относят местоимения неопределенной группы, т.е. all, each, either, neither, both, some, any, every + all components, much, many, little, a little, few, a few, no, none, other, another, к группе указателей какого-то количества или квантификаторов, которые в нашей статье называются квантитативными компонентами. С. Солт называет эту группу слов 'vague quantifiers' (неопределенные квантификаторы), которые способны заменить числительные, не указывая конкретное количество [14]. Однако лингвистический дискурс трудно представить без присутствия в нем точных числовых данных о количестве, размере, расстоянии, времени, весе, дате, которые выражены с помощью чисел. Преднамеренное игнорирование важных деталей в силу непонимания прочитанного или услышанного текста, искажение или неточность приводят к нарушению процесса коммуникации.

По мнению преподавателей английского языка, восприятие на слух текстов, содержащих числовые данные, вызывает затруднения с точки зрения их воспроизведения и порождает большое число неточностей и ошибок в ответах студентов. Это же касается и письменной речи, где необходимо грамотно, учитывая особенности иноязычной речи, обозначить числовые понятия, касающиеся не только хронологических данных, но и правильного написания разных валют с обозначением количества, знать английские меры веса, длины и др., уметь представлять сложную числовую статистическую информацию. В устной речи наблюдаются ошибки фонетико-фонематического характера, при чтении вслух простых и составных форм числительных, дробей, дат, номеров телефона происходит путаница, ведущая к искажению смысла речевого акта. Мы привели далеко не полный перечень тех языковых проблем, которые необходимо решать студентам в ходе учебного процесса.

Квантитативные элементы в письменной речи.

В рамках рассматриваемого вопроса мы обратимся сначала к письменной речи. Изучающие английский язык должны правильно организовать и сформулировать сообщение, содержащее квантитативную информацию, используя когнитивные и лингвистические навыки, а также продемонстрировать элементарное умение писать на иностранном языке [4]. С этой точки зрения, написание цифр не вызывает затруднений, особенно если они являются простыми числами. Как известно, любое числительное, например,

семь, выражено двумя способами: письменным и устным. Устный способ представлен фонологическим вербальным кодом [ˈsevən], [ˈzibən], а письменный – графическим (алфавитным) кодом (seven, sieben) или письменным арабским кодом (7). В системе числительных существуют морфологические, синтаксические формы, присущие этой части речи. Они определяют взаимосвязи между числами, а также другими частями речи. Существенным моментом является то, что звуковая форма числительного отличается от письменной формы [11].

Обратим внимание на тот факт, что мы не случайно выбрали для примера числительные из немецкого и английского языков. Английский и немецкий языки относятся к западногерманской языковой группе. Несмотря на то, что на протяжении своей истории они подверглись эволюционному процессу и стали развиваться самостоятельно, мы находим много сходств между этими двумя языками [11]. Лингвисты на основании многочисленных сравнительных исследований пришли к выводу, что чем больше родства между языками, тем больше сходства между числительными в этих языках. Обратившись к некоторым лингвистическим аспектам числительного в немецком и английском языках, мы обнаружим, что лингвистическая формулировка взаимосвязей между числительными, в основе которой лежит процесс образования числительных, опирается на следующие понятия [12]: лексикализация (простое, новое слово: seven (англ.), sieben (нем.); сложение (сложное числительное, образованное путем сложения отдельных элементов в единое целое: seventy – seven (англ.), siebenundsiebzig (нем.): 70 + 7; умножение (сложное числительное, образованное с помощью умножения элементов: seven hundred (англ.), siebenhundert (нем.): 7 x 100).

Таким образом, большое сходство в системе образования числительных в обоих языках создает предпосылки для облегчения усвоения этой части речи в английском языке для студентов, которые ранее учили немецкий язык как первый иностранный. Билингвизм, плюрилингвализм стали характерными признаками эпохи глобализации и академической мобильности. Учащиеся и студенты изучают два или большее количество языков, приобретая положительный языковой опыт. В таких условиях складывается ситуация, приводящая к явлениям интерференции, т.е. влиянию немецкого языка на второй изучаемый иностранный язык – английский. Чтобы убедиться, что интерференция имеет не только негативные последствия, мы рассмотрим таблицу, касающуюся отдельных составных элементов основных арифметических действий в немецком и английском языках в сравнении и сделаем на основании этого ряд выводов по рассматриваемому вопросу.

Составные элементы основных арифметических действий
в немецком и английском языках в сравнении

Русский язык	Немецкий язык	Английский язык
сложение	die Addition, das Zusammenzählen, das Addieren	addition
слагаемое	der erste / zweite Summand	the first / second summand
сумма	die Summe / das Resultat	the sum / result
вычитание	die Substraktion	substraction
уменьшаемое	der minuend	the minuend
вычитаемое	der subtrahend	the subtrahend
разность	die Differenz / Resultat	the difference / result
умножение	die Multiplication	multiplication
множитель	die Faktoren	factors
множимое	der Multiplikant	multiplicand
произведение	das Product / Resultat	the product / result
деление	die Division	division
делимое	der Dividend	the dividend
делитель	der Divisor	the divisor
частное, отношение	der Quotient	the quotient

Таблица предлагает для сравнения слова, крайне важные для студентов экономических специальностей. Сходство приведенных слов не вызывают никаких сомнений. Проблема заключается в том, что студенты должны владеть этой лексикой, а не подменять ее примитивными словами-заменителями. С одной стороны, экономическая литература, которую студенты читают на английском языке, содержит большое количество формул, моделей, уравнений, которые необходимо интерпретировать, прибегая к использованию слов с количественным значением. Предыдущее знание количественных элементов, а именно: схожие немецкие названия элементов дробей, арифметических действий и др., способствует большей вероятности адекватного использования студентами этой специфической лексики на занятиях английским языком. С другой стороны, студенты выполняют письменные и устные задания на описание графических средств передачи информации: таблиц, круговых диаграмм, диаграмм-линий, гистограмм и др. Незнание существительных, обозначающих математические действия или операции, названия их составных частей, отрицательно сказывается на качестве лексики, используемой студентами прежде всего в письменном задании Writing I в формате IELTS. Тем не менее, языковой опыт изучения немецкого как первого иностранного языка является неоспоримым помощником студентов в выполнении таких заданий.

Перейдем к общему анализу типичных ошибок в использовании количественных элементов в письменных работах студентов. Мы разделили

недочеты и ошибки на несколько категорий (конечно, в наших примерах даны правильные ответы):

1) обозначение определенного количества валюты: EUR 50 / fifty euros; 300 / three hundred; EUR 3 000 / three thousand euros;

2) сокращенное или полное написание слов миллион, триллион: € 230 000 m(mn), \$5 Mio, \$ 370 000 bn, £ 490 bn, EUR 20 million.

Работы студентов НИУ ВШЭ по описанию графиков, диаграмм и др. раздела Writing I и Writing II IELTS выявляют большой процент ошибочного написания сочетаний цифр с существительными, которые превратились в прилагательные (adjectival constructions) [13]. Это особенно касается следующих типовых словосочетаний:

3) a three-month period (а не 3-month period); a four-room flat (а не 4-room flat); отметим устойчивые словосочетания, на которые это правило не распространяется: 40-hour week, 24-hour clock [10].

В результате анализа работ по описанию процесса нами выявлены следующие словосочетания (цифровая информация выбрана произвольно), где чаще всего студенты допускают ошибки:

4) увеличение на две трети: a two-thirds increase, an increase in two thirds;

5) в два раза больше / выше: three times as much/many, three times as tall as... = three times taller than;

6) на два часа позже / раньше: two hours late / early;

7) в десять раз: ten times, tenfold;

8) тысяча долларов: the amount of \$1 000; двигатель мощностью 5 тысяч лошадиных сил: an engine of 5,000 H.P. [1];

9) на скорости, при температуре, на расстоянии, на высоте: at a rate of / at a speed of 40 miles an hour, at a temperature of 30 degrees C, at a distance of several miles, at a height of three thousand metres;

10) со скидкой в 20 процентов: at a 20 percent discount;

11) повыситься / понизиться на 5 процентов: rise / fall by 5 percent; хотя необходимо отметить, что чаще всего используется вариант без предлога: prices have risen 5 percent;

12) продавать ярдами, метрами, дюжинами, килограммами, поштучно и на вес: sell by the yard / by the metre / by the dozen / by the kilogram / by number / by weight;

13) сочетания со словом half: half a mile, a half meters high, half of his books **are**, half of the house **is**, three and a half weeks [1]. Здесь внимание студентов должно быть привлечено к разнице в использовании единственного и множественного числа глагола. Это же относится и к сочетаниям:

14) the majority of population **is** / the majority of economic factors **are**.

Как указано выше, глаголы тоже являются квантитативными элементами. В качестве примера приведем глаголы латинского происхождения double, triple, quadruple, quintuple, multiply, предоставляющие возможность

более точно передать количественные соотношения между понятиями, обозначающими, например, тенденции роста. Тем не менее, в письменной и устной речи студентов доминируют глаголы *increase / decrease*, хотя в любом учебнике приводятся многочисленные синонимы, позволяющие разнообразить лексический набор подобных языковых средств.

Выполнение заданий в формате IELTS предполагает употребление релевантной лексики широкого спектра, что значительно повышает балл кандидата. В этой связи мы обратимся к двум группам существительных, передающих квантитативное значение и делающих письменную речь выразительнее. Исследования показали, что эти существительные произошли от так называемых номинальных (именных) единиц, которые выполняют когнитивную функцию. Под когнитивной функцией понимают «способность этих языковых единиц отражать важные вехи в эволюции квантитативной познавательной деятельности» [15]. Перечислим некоторые из этих слов: *dozen* (дюжина), *couple* (пара), *pair* (пара), *brace* (пара птиц или животных, подстреленных на охоте), *score* (двадцать); *span* (парная упряжка животных), *yoke* (пара волов) [16]. Мы можем утверждать, что использование таких слов не только разнообразит и обогащает письменную речь, но и требует правильного их использования, например: *a dozen books*, *dozens of books*, *a married couple* (супружеская пара), *a pair of shoes* (пара туфель), *a brace of grouse* (пара рябчиков) [16]. Таким образом, одно и то же русское существительное ‘пара’ передается разными английскими словами.

Особо подчеркнем, что квантитативные элементы широко используются в пословицах, поговорках, выражениях, которые студенты могут включать в эссе. Мы выбрали в качестве примера словосочетания, содержащие числительное *two* [7]: *two-bit* – плохой, никудышный, *two-minded* – сомневающийся, *twoscore* – сорок; *twosome* – тет-а-тет; *two-shift* – в две смены; *two-tongued* – лживый, двуличный; *twofaced* – двуличный; *two-sided* – двусторонний; поговорка «*two in distress makes sorrow less*» – «разделенное горе – половина горя» и фразеологизм ‘*to put two and two together*’ – ‘догадаться, смекнуть. Использование подобных сочетаний, поговорок убеждает нас в том, что с помощью квантитативных компонентов можно превратить примитивную письменную речь в убедительную и даже эмоционально окрашенную, что является существенным моментом в написании эссе, где необходимо представить веские, обоснованные аргументы.

Целый ряд других словосочетаний, связанных с передачей количественного значения, может быть использован в написании эссе вместо числительных: *a swarm of bees* – рой пчел, *a herd / drove of cattle* – стадо / гурт животных, *a herd of deer* – стадо оленей, *a kennel of dogs* – свора собак, *a gaggle / skein of geese* – стадо гусей, *a bunch / cluster of grapes / keys* – гроздь винограда / связка ключей, *a batch of loaves* – партия буханок хлеба, *a troop of monkeys* – стадо обезьян, *a pride of lions* – группа (прайд) львов, *a flock of sheep* – отара овец, *a fleet / squadron / flotilla of ships* – флот, флоти-

лия, эскадрилья кораблей, a congregation of worshippers – прихожане [1]. Релевантное применение таких лексических единиц говорит об очень высоком уровне владения лексикой.

Квантитативные элементы в аудировании.

Вторая сторона вопроса, рассматриваемого в статье, касается особенности восприятия англоязычных текстов, содержащих квантитативные элементы. Напомним, что согласно Общеввропейским компетенциям владения иностранным языком целями аудирования являются: восприятие на слух, лингвистическая идентификация, семантическое понимание и интерпретация сообщения. Таким образом, речь идет об активизации аудитивных, лингвистических, семантических и когнитивных навыков [4].

Выделяют две основные причины неправильного понимания числительного на слух. С одной стороны, числительное должно восприниматься как единое целое, предлагающее точную квантитативную информацию, которую, в отличие от других элементов фразы, предложения, текста, невозможно репродуцировать дедуктивным путем или заменить другими словами. С другой стороны, воспринимая речь на слух, мы сосредоточены на семантическом значении слов, передающих фактическую информацию. Как правило, мы стараемся запомнить ключевые моменты, основные факты, особенно если текст предназначен для длительного прослушивания. Таким образом, услышав числовую информацию, мы сконцентрированы на буквальном ее понимании. Когда в тексте для аудирования присутствуют слова, связанные с точными числами (датами, номерами и т.д.), происходит процесс переключения одного вида восприятия (не числовой информации) на другой вид восприятия (числовой информации), что приводит к неточностям в воспроизведении чисел, дат, номеров в силу характерных особенностей восприятия и памяти [12]. Процесс непонимания усугубляется, если текст содержит значительное количество такой лексики.

Кроме этого, существует мнение, что при прослушивании иностранного текста, который содержит числовую информацию, требует несложных математических решений, изучающим английский язык как иностранный необходимо большее напряжение умственной деятельности и временных затрат, чем носителям языка. В этом случае возникает так называемый когнитивный дефицит в том смысле, что ментальный процесс переработки идентичной информации носителями языка происходит намного быстрее и эффективнее. Это мнение субъективное, хотя его разделяют некоторые лингвисты.

Теоретически и практически доказано, что важнейшую роль при прослушивании иноязычного текста играет память. Даже если слова в тексте для аудирования хорошо знакомы, их трудно удержать в памяти. Лингвисты констатировали факт того, что количество перерабатываемой памятью информации и ее удержание напрямую зависит от уровня владения иностранным языком [8]. Следует также отметить, что вербальная система чи-

сел обладает некоторыми имманентными свойствами, которые зачастую препятствуют успешному воспроизведению числовой информации в процессе восприятия английского текста на слух. Перечислим эти свойства [12]:

1) нехватка словесных элементов (*absence of redundancy*), что мешает применить метод антиципации;

2) нехватка элементов предсказуемости (*absence of predictability*), что препятствует реконструкции информации по контексту;

3) точный контент (*exact content*), что требует особого внимания и сосредоточенности при восприятии чисел на слух;

4) однозначность (*only one meaning*), что исключает возможность использования парафразы;

5) отсутствие семантического контента (*lack of semantic content*), что предполагает буквальное, точное воспроизведение услышанной информации.

Следовательно, для успешного понимания английского текста на слух, в особенности тех элементов, которые содержат числовую информацию, необходима регулярная работа, направленная на чтение, написание чисел буквами, использование чисел в устной речи. Базовый учебник *Objective IELTS (Intermediate)* [6] для подготовки студентов к сдаче экзамена IELTS снабжен упражнениями по прослушиванию текстов, содержащими слова со значением квантитативности. Например, урок 1 учебника содержит упражнения на устное восприятие числительных, обозначающих номер телефона, даты, количество денег. Кроме того, в каждом уроке задания на аудирование содержат вопросы, ответы на которые обязательно включают использование числительных или сочетаний с ними. В разделах *Writing Folder* широко представлены письменные задания на описание графических средств. Тем не менее, обратим внимание на тот факт, что количество упражнений, направленных на правильное произношение или написание со слуха числительных, а также их правильное воспроизведение, является недостаточным, что подтверждает широко распространенное мнение об отношении к числовым понятиям в иностранном языке как второстепенным языковым элементам. С нашей точки зрения, регулярное прослушивание текстов с большим количеством числовой информации и последующее выполнение аналитических заданий послужило бы хорошим импульсом для тренировки памяти и более качественного усвоения информации.

Обратим внимание на то, что лингвистами выявлены 6 видов ошибок, которые допускают студенты при прослушивании текстов с квантитативной информацией [12]:

1) неупоминание /отбрасывание (*omission*): замена числительного другими словами вследствие недопонимания текста или пропущенной информации или полное ее игнорирование;

2) использование неточных величин (approximation), например, 56000 вместо 56293, что не является грубой ошибкой, если речь идет о погрешности, равной 8 процентам;

3) лексические ошибки (lexical errors): неправильный перевод числительного, например: 3005 вместо 3004;

4) синтаксические ошибки (syntactical errors): набор цифр точен, но числительное неверное: 200000 вместо 200;

5) фонематические ошибки вследствие неправильного восприятия числительного на слух из-за схожести звуковых лингвистических элементов: 17 вместо 70;

6) ошибки, вызванные перестановкой чисел (инверсия): 5,6 вместо 6,5 [12].

Последний пункт хотя и не связан со словообразованием, но напоминает о том, что инверсия, лежащая в основе образования немецких составных числительных, затрудняет успешное усвоение подобных форм при изучении английского языка после немецкого и порождает ошибки у студентов, например: 25 – fünfundzwanzig (нем.), в отличие от twenty-five (англ.). Лингвисты и переводчики считают, что инвертированное произнесение составных числительных в немецком языке ведет к негативным последствиям в образовании, сфере бизнеса и политической жизни. Преподаватели, опираясь на знание выше указанной классификации ошибок при восприятии числительных на слух, могут моделировать ситуации для автоматизации навыков аудирования в коротких, регулярно проводимых блиц-заданиях, а именно: во время разминки в начале каждого занятия или при переключении одного вида речевой деятельности на другую.

Закключение.

Из вышеизложенного вытекает, что квантитативность является важной лингвистической категорией, включающей не только числительные, но и все значимые части речи. Квантитативные компоненты выполняют все лингвистические синтаксические функции, передавая различные взаимоотношения слов в предложениях.

При передаче письменного высказывания необходимо руководствоваться правилами написания числительных и сочетаний в соответствии грамматическими правилами, а также рекомендациями, изложенными в English Style Guide, где, в частности, предложены современные нормы правильного написания компонентов квантитативной категории в деловом английском языке. Преподавателям необходимо учитывать лексико-грамматические сходства и различия квантитативных элементов в родственных языках (немецком и английском) с целью расширения словарного запаса при изучении английского как второго иностранного языка, а также для предотвращения явления интерференции, например, инверсии при образовании составных числительных.

Для формирования, совершенствования и автоматизации навыков восприятия на слух английских текстов с включением в них числовой информации, необходимо регулярно выполнять тренировочные упражнения, подобранные преподавателями из различных дополнительных источников.

Список литературы

1. Гринбаум С., Уиткат Дж. Словарь трудностей английского языка. – М.: Русский язык, 1990.
2. Дубровская В.В. Проблема числительных как части речи // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода, 2011. – [Электронный ресурс]: <http://www.alba-translating.ru/index.php/ru/articles/2011/dubrovskaya2011.html> (дата обращения: 05.12.2013).
3. Жаботинская С.А. Когнитивные и номинативные аспекты класса числительных на материале современного английского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1992.
4. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка // Департамент современных языков Директората по образованию, культуре и спорту Совета Европы; перевод выполнен на кафедре стилистики английского языка МГЛУ под общ. ред. проф. К. М. Ирисхановой. – М.: Изд-во МГЛУ, 2003.
5. Савельева И.П. Категория квантитативности в перспективе морфотемного анализа // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 304. – С. 14 – 18.
6. Black M., Sharp W. Objective IELTS. Intermediate. Student's book. – Cambridge University Press. First published, 2006.
7. Collins Concise Dictionary. – Collins, 2006.
8. Ohata K. Auditory Short-Term Memory in L2 Listening Comprehension Processes // Journal of Language Learning. – 2006. – Vol. 5. – № 1.
9. Paul H. Deutsches Wörterbuch. – 10th ed., 2006.
10. English Style Guide. A Handbook for Authors and Translators in the European Commission. – 6th/e, 2010.
11. Omachonu G. Comparative Analysis of the Numeral Systems of Ígálà, Yoruba, German and English Linguistik online 55 // 2012. – № 5.
12. Pinochi D. Simultaneous Interpretation of Numbers: Comparing German and English to Italian. An Experimental Study // The Interpreters' Newsletter. – Trieste: EUT Edizioni Università di Trieste. – 2009. – № 14. – Pp. 33 – 57.
13. Rohdenburg G. Adjectival constructions involving measure phrases in English and German, ZAA 56.3 (2008): 213-214. – [Электронный ресурс]: zaa.uni-tuebingen.de/wp-content/upl... (дата обращения: 10.12.2013).
14. Solt S. Vagueness in Quantity: Two Case Studies from a Linguistic Perspective // Understanding Vagueness. Logical, Philosophical and Linguistic Perspectives. – London: College Publications. – Pp. 157 – 174.
15. Shvachko S. Polyfunctionality of the English quantitative words // Journal of Education, Culture, and Society. 2/2013. – [Электронный ресурс]: <http://gisap.eu/ru/node/22116> (дата обращения: 05.12.2013).
16. Shumenko O. A. Semantic evolution of quantitative words // Materials digest of the XLVI International Research and Practice Conference, 2013. – London: IASHE, 2013. – С. 33.

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

УДК 821.512.162

Акимова Э. С.

Художественные течения в современной азербайджанской поэзии

В статье рассматриваются новые тенденции в азербайджанской литературе, выясняются причины возникновения этих тенденции в контексте времени и литературно-исторических условий.

Current article considers modern tendencies in Azerbaijan literature as well as reasons of their appearance in the context of time and environment.

Ключевые слова: азербайджанская поэзия, течения, догматизм, модернизм, самосознание личности.

Key words: Azerbaijan poetry, current, doqmatism, modernism, private self-consciousness.

Исследование путей отражения мировых литературных течений в национальной литературе, их поэтических воплощений дает основание говорить о трех этапах этого процесса в национальной азербайджанской литературе. Первый этап приходится на начало XX века. Влияние мировых литературных течений на поэзию Г. Джавида, М. Хади, А. Джавада, А. Гусейнзаде, М. Мушвига, С. Вургунга неопровержимо и бесспорно. Второй этап начинает развиваться в 60-80-е годы прошлого века. Вслед за новым дыханием, стилем и способами выражения, нового ракурса осмысления явлений, прослеживаемых в поэзии таких мастеров слова, как Р. Рза, А. Керим, А. Салахзаде, И. Исмаилзаде и др., мы становимся свидетелями появления в этот период декадансных настроений в поэзии В. Самедоглы, В.Б. Одера, Р. Ровшана. Благодаря эстетическому весу и поэтическому масштабу творчества этим поэтам удалось сформировать новый литературный этап и повлиять на своеобразие этого периода. Начиная с 1990-х годов, в период восстановления национальной независимости, поэзия обретает совершенно другую форму: «...Литература, возникшая в период независимости, является, по сути, новой литературой, а в мироощущении ее создателей имеются определенные эстетические отличия от своих предшественников. Это различие – мысли и чувства человека, сформированного в совершенно другое время» [3, с. 141] (пер. здесь и далее наш. – А.Э.).

Появление различных направлений в конце XIX – начале XX веков в Европе было вызвано более всего тем, что идеи просвещения не оправдали

себя, и разумное начало потерпело крах. Две мировые войны, повсеместные протесты, революции и контрреволюции – вследствие всего этого мечта о триумфе разума в мире потерпела фиаско. Интеллектуальное развитие, диктуемое философией прошлого, не породило Возрождения, напротив, проложило путь к войне. Вера в силу разума в искусстве и литературе пошатнулась. В философско-эстетической мысли, пытающейся создать новую систему отношений с миром и человеком, все большее значение и актуальность стали приобретать модернистские направления.

Сегодня мы можем отчетливо проследить по образцам творчества А. Гусейнзаде, А. Джавада, Г. Джавида, М. Хади национальный человеческий кризис, параметры сущности национального бытия в XX веке, влияние чувств безнадежности и отчаяния, прослеживаемых в глобальном масштабе. Травмы Первой мировой войны, безжалостные действия, направленные против человечества, оказали влияние на творчество этих мастеров слова. В лирике поэтов, носителей тревоги и беспокойности планетарного масштаба, психологическая жизнь человека стала сопровождаться пустотой, одиночеством, ощущением «конца». Не случайно объектом во многих стихотворениях этих мастеров являются драматические ситуации: “Cavan ömrüm fəryad içində keçdi, / “səadət”- əməli bir göya imiş” – «Жизнь молодая прошла в криках помощи, / “Счастье” – оказывается, всего лишь мечта» (Г. Джавид), или же строки другого поэта “Təbəssüm istəməm artıq, bükəyə şövqüm var, / Vərabər ağlayağ, eü çeşmi-giryəzayi-vətən” – «Не хочу я более улыбок, есть желание у меня одно / Плакать я хочу с тобою вместе, о отчизна моя с очами, полными горьких слез» (М. Хади). Это показатель настоящего декаданса в духовном мире наших поэтов. Не трудно ощутить печаль и увидеть символику скорби, отраженную в поэзии М. Мушфика и С. Вургуна, несмотря на ее внешний идеологический лоск. Эти пессимистические настроения в связи с идеями национального возрождения в стихах таких азербайджанских представителей романтизма, как А. Гусейнзаде, А. Джавад, А. Саххат, превратились в основную часть индивидуального мироощущения. Высказать и показать истину стало основной целью ведущих представителей национального романтизма, и даже образ героя, любующегося пейзажами родины, стал обретать под их пером практические и сильные стороны. Символика печали, впитавшаяся в канву лирики поэтов этой эпохи, была связана с крахом романтических идеалов, надежд и мечтаний поэтов, вследствие этого впавших в декаданс.

Как известно, в годы господства советской идеологии существовал запрет на внедрение в литературу, в том числе национальную азербайджанскую, прозападных устремлений, эстетическо-философских направлений, возникших в Европе. Художники, в чьем творчестве усматривали «нестандартное», подвергались острой критике. Законам партийной литературы советской идеологии более всего не соответствовали такие качества современных течений, как принципиальность, выпячивание

индивидуальной позиции, обращение внимания на негативные стороны действительности. Это не согласовывалось с канонами советской литературы. Советская идеология, избравшая целью восхваление советского человека как обитателя «счастливого сада» и диктующая пропаганду этой цели литературе, не желала видеть лицо человека, смотрящего из «окна печали». Насильственное внедрение социалистического реализма наряду с тем, что прервало все начатые процессы, нанесло сильный удар по народным устремлениям к национальному пробуждению. Трагические последствия двух мировых войн, с одной стороны, политика отрыва народа от своих корней, лишение исторического статуса народа, с другой стороны, привели к изоляции и устранению азербайджанца от мировой плоскости. Запрет на выражение в художественных текстах своих мыслей, связанных с национальной идентификацией и генетическим кодом, не давал возможности дифференциации и индивидуализации социального статуса. Лишь начиная с 1960-х годов представилась возможность для того, чтобы этот человек пришел в себя, оглянулся и ему открылся путь для вхождения человека мира в литературу и представления планетарного мышления.

Профессор Коркмаз Кулиев, исследователь мировых эстетическо-философских направлений в национальном литературоведении, пишет: «Литературные направления зарождаются в определенные этапы художественной мысли, в периоды, когда творческий человек в состоянии утвердить свою индивидуальность, а художественная мысль осмыслить свою специфичность» [4, с. 9]. Для функционирования направлений непременным условием является наличие свободной литературной среды. Невозможно наличие направлений, раскрывающих глубокие смысловые пласты человеческой психологии, там, где ставятся ограничения для творчества мастера, очерчиваются границы для мыслей и чувств. Подобно тому, как классицизм в Европе XVII века, выступивший идеологом и защитником тоталитаризма, заключив эстетическую мысль в оковы, замедлил ее рост и развитие. За семидесятилетний период советского правления мы ощутили на себе трагические последствия этой монохромности. Литература была подчинена политической идеологии, ей представлялась возможность существовать лишь в рамках одного направления – социалистического реализма. Согласимся и с той мыслью К. Кулиева, что «одним из основных условий для формирования литературного направления является наличие в обществе различных, часто противостоящих друг другу, идеологических и эстетических концепций. Если по той или иной причине художественная мысль не может разветвиться, остается однотонной, не могут возникнуть и литературные направления. В условиях свободы мысли и личности невозможно формирование обязательного литературного направления» [4, с. 9]. В многогранной интерпретации человека в мировых литературных направлениях его полные боли, мук и разочарований переживания и меланхолии

ческий характер абсолютно не увязывались с манифестом социалистического реализма, торжественно оповещающим переход «от печали к радости».

Обратившись к литературе различных стран мира с целью выявления причин зарождения современных литературных течений, мы сталкиваемся со следующей ситуацией. Когда в обществе гармонию сменяет хаос, общественно-политический и нравственно-культурный переворот в обществе создает пропасть, в этот момент эти течения обретают способность наиболее интенсивного художественного выражения. Как известно, в национальной культуре такой период охватывает начало и конец XX века. В каждом из этих этапов причины нигилистской волны идентичны. В отечественной литературе пролеткульта 20-30 годов бытовали лозунги против национальной традиции – против Физули, народного музыкального инструмента тара, искусства мугама, классической литературы, слышались антирелигиозные ноты, отрицающие Бога и святых. Это положение вновь с той же отчетливостью прослеживается и в литературе последней четверти XX века. Что породило это сходство, в чем причины аналогичности литературы этих двух периодов? Оба исторических периода, как 20-30 годы XX века, так и время после 90-х, являются периодами формирования нового общества. В 1920 году перестала существовать Азербайджанская Демократическая Республика, просуществовавшая год и одиннадцать месяцев, ее сменило большевистское правление. В 1991 году Азербайджан как исторический наследник национальной независимости, завоеванной в начале прошлого столетия, вновь объявил свою независимость. Как и все области общественной жизни, литература столкнулась с трудностями переходного времени. Упаднические настроения и тенденции, показавшие себя в отечественной литературе 1920-х и 1990-х годов, являлись неизбежными результатами хаоса, порожденного формированием нового общества. Эта общность была связана с общими по содержанию жизненными реалиями, порожденными историческими и духовными процессами в стране.

Модернизм, зачатки и признаки которого в поэтической мысли проявились в начале XX века, расширились в 60-е годы, с конца 80-х годов начинает шире реализовывать свои возможности и проникать во все литературные тексты. Это было связано в первую очередь с усилением фактора индивидуального самосознания творческого человека, изменением угла зрения на мир и человека, а также поисками новых идей в контексте новой системы ценностей.

В мировой культуре можно указать несколько причин зарождения модернизма. Прежде всего, оно обусловлено протестом науки, рационального мышления против религиозных идей и канонов. Известно, что средневековая литература была сформирована под влиянием, прежде всего, религиозной мысли, системы верования и проявляла себя в рамках схоластической философии. Подобное мышление и система религиозного мировоззрения препятствовали развитию свободной мысли. С XV века начинается эпоха

новой мысли в мировом литературно-философском мышлении. Человечество, распрощавшись со схоластической мыслью, обратив взгляд на античную литературу, попыталось вывести на новую временную плоскость образцы этой литературы, вновь оживить их. Так, в мировой литературе началась эпоха Ренессанса. Идея гуманизма, концепция Человека вновь была поставлена на алтарь искусства и литературы. Конечно, уместно будет напомнить, что человеческий фактор в нашей отечественной литературе уже в XII веке в поэмах Низами представлен на уровне концепции. Не случайно, что в 1990 годы, когда вновь ожили и начали развиваться попытки модернизации, литература обратилась к наследию Низами. Это было обусловлено целостностью концепции человека, воплощенной в творчестве великого поэта. Однако, вследствие того, что модернизм старался выдвинуть вперед не идею человека в целом, а идею индивидуального человека, индивидуума, наша национальная поэзия 1970-х годов, характеризующаяся первыми модернистскими попытками, ознаменована декадансным настроением.

История доказала, что творческий лозунг «от печали к радости», провозглашенный в советский период в азербайджанской литературе и взявший на себя миссию настроить будущее развитие литературы на эту волну, не увенчался успехом. Может, прежде всего потому, что это течение было рождено искусственным пафосом и смехом, оно лишилось естественности вместе с фиаско, которое потерпели цели художников перед лицом реальной действительности. Наконец, начиная с 1960-х годов, искусство становится лицом к лицу с собственными реалиями. Литература обратилась к себе, к истокам искусства, и в ней стали проглядывать черты древнего искусства. Только после этого возвращения литературы к своей стихии она смогла поставить читателя лицом к лицу с настоящим временем, настоящим миром, реальной действительностью. В этом смысле нельзя не согласиться с высказываемым в науке суждением о том, что «... сегодня реальное возрождение национальной культуры нельзя связывать с торжеством идей исторического прогресса, а может быть, наоборот, состояние декаданса заставляет глубже задуматься о философии национального бытия и стимулирует развитие национальной культуры» [5, с. 105].

Новая волна азербайджанской литературы, возникшая в начале 1960-х годов, привлекает внимание своей консервативностью. Это было обусловлено также некоторым смягчением, наблюдаемым в обществе. Странная парадоксальность начинает наблюдаться именно с этого времени. По мере того, как жесткость режима смягчается, в литературе все более выступают символика боли и страданий, ноты одиночества. Быть может, это была печаль оборванной в 1920 – 30-е годы литературы, подавленных идеалов свободы, скорбный голос целого литературного поколения, уничтоженного в 1937 году. Теперь, когда пришло время, они начали давать о себе знать. Траектория искусства, направленная от «печали к радости», стала вновь

очерчиваться в обратном направлении – от радости к печали, конечно, не особенно отчетливо и очевидно, а скрытыми знаками, мифическими, мистическими кодами и условно-метафорическими штрихами.

«Неслучайно, что с 1970-х годов национальная литература начинает переживать состояние декаданса. По сути, это происходит в условиях prolongации жизни «советской литературы» искусственно идеологическими средствами, а с другой стороны, в связи с опустошением «полноты» опыта романтической и реалистической литературы. Становится необходимым постреалистический опыт... С того времени почти до конца века в нашей литературе господствует декаданс, который развивает национальный модернизм в целом» [2, с. 30].

Если учесть, что начало застоя в советском обществе охватывает именно 1970 – 1980-е годы, то суть проблемы делает обязательным утверждение принципа, господствовавшего в подходе к декадансу, что «двойные стандарты в обществе обуславливают порождение и рост кризиса в культуре» [5, с. 106]. Когда культура ощущает фиаско идей развития и прогресса, которое она терпит перед лицом действительности, начинается спад. Подобное состояние, пережитое литературой в начале XX века, к концу века вновь начинает показывать себя в том же виде.

Начиная с 1990-х годов, азербайджанская действительность приносит с собой в литературу негативные темы. Переходный период всегда отличается сложностью, переоценкой общественных, художественных и научных ценностей. Художественно-эстетическая мысль также подвергается изменениям. Система мышления начала определять такие парадигмы, которые невозможно было объяснить и увязать с научно-теоретическим подходом советского периода, с его эстетическим содержанием, закрытыми культурологическими структурными системами. Потребовалось новое прочтение текстов. Постмодернизм стал управлять процессом осмысления и познания современного мира. Вследствие того, что универсальные системы воззрений, с которыми мы долгое время были в замкнутых связях, механически внедрялись в нашу структуру мышления, они создавали впечатление искусственной имитации. В результате этой тенденции «классические общественно-нравственные ценности начали оцениваться в рамках современных политических критериев. В мировоззрении и идеологии образовалась пустота, и господствующие стереотипы заменили политическая конъюнктура и другие крайности» [1, с. 13]. В этих сложных условиях чрезмерная увлеченность модернистскими направлениями, рост обращения к поэтике лишь модернистского содержания сыграли службу заполнения этой образовавшейся пустоты, с другой стороны, эти тенденции можно осмыслить как показатели недоверия к возможностям национального художественного опыта, а также обобщившим этот опыт результатам национального научно-теоретического опыта. В поэзии этого периода делались попытки пройти путь, преодоленный европейской литературой за целый

век, радикальным способом за короткий период. Подобная ситуация породила в литературе эклектизм, смешение нескольких методов. Изучение поэзии 1990-х годов в контексте новых направлений делает необходимым исследование поэтических текстов, в первую очередь, на фоне сложных и запутанных отношений этих методов.

Список литературы

1. Алишанлы Ш. Современное гуманитарное мышление и азербайджанское литературоведение. – Баку: Элм, 2011 (на азерб. яз.).
2. Алишаноглы Т. Развитие модернизма в современной азербайджанской литературе // Материалы I международной научной конференции «Сравнительное литературоведение». – Баку, 2004 (на азерб. яз.).
3. Гараганли Э.З. Фрагменты времен “серебряной” поэзии // Тянгиднет. – 2011. – № 8 (на азерб. яз.).
4. Кулиев Г. Верный слух сумашедшего. – Баку: Мутарцим, 1999 (на азерб. яз.).
5. Рустамова Н. Настоящее национальной культуры: прогресс или декаданс // Тянгиднет. – 2007. – № 4 (на азерб. яз.).

Стилистические функции обращения

В статье анализируются стилистические функции обращений, доказывается, что в стилистическом плане различные виды обращений обладают экспрессивностью и являются одним из наиболее сильных грамматических средств языка.

This article is devoted to stylistic functions of addresses, to prove that different types of addresses possess expressivity and the address is one of the strongest grammatical means of language.

Ключевые слова: синтаксис, обращение, стилистические функции, модальность, экспрессивность.

Key words: syntax, the address, stylistic functions, modality, expressivity.

Обращение – это один из компонентов предложения, характеризующийся своеобразием семантико-синтаксических связей с предложением в целом или с отдельными его членами. В стилистическом плане различные виды обращений должны быть признаны одним из наиболее сильных грамматических средств языка. Обращения используются в художественных произведениях для оживления повествования, придания речи выразительности, эмоциональности.

Основные функции обращения – называние того, кому направлена речь и функция привлечения внимания собеседника к высказыванию, призыва к участию в речи – очень часто сочетается с экспрессивной оценкой, с выражением субъективного отношения говорящего [6]. Экспрессия выражается по-разному: интонацией, повторением обращения, сопровождающими его междометиями или частицами, лексическим значением слова, которое выступает в роли обращения.

Обращение всегда выражает какие-либо логико-смысловые или экспрессивно-стилистические оттенки, благодаря чему оно в любой словесной форме способно выступать как определенное выразительное средство.

Наряду с побудительной функцией обращение как одно из средств речевого воздействия может выполнять эмотивную функцию. Но в семантике обращения эмоциональность и оценочность не всегда совмещаются. Так, в значении эмоционального обращения оценочность может отсутствовать, однако, оценочные обращения всегда содержат эмоциональный компонент. Экспрессивность в обращении, представляя собой различные оттенки выразительной силы слова, актуализирует значение эмоциональных и оценочных форм обращений. В зависимости от способов внедрения

субъективной модальности эмоциональные и оценочные значения наделяны в большей или меньшей степени экспрессивностью.

В связи с этим обращения принимают в речи разнообразные модальные оттенки, которые находят свое выражение, с одной стороны, в словообразовательных элементах самих обращений, особенно в суффиксах, с другой стороны, в пояснительных словах к обращениям, а при произношении и в интонации [8]. Например, выражение ласки, подчеркнутого уважения: *Сюда, матушка-барышня, пожалуйста, - сказал певучий женский голос, - тут у нас чисто, красавица...* (Чехов); выражение радости, восторга, приветствий: *Батюшки! – изумился тонкий. – Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?* (Чехов); выражение оттенка мольбы, просьбы, сожаления, отказа, упрека, иронии, благодарности, призыва, побуждения к действию или действительному состоянию: *Лица, милая, что же дальше?* (Бунин).

Для придания обращению того или другого эмоционального оттенка употребляется усилительная частица «о», междометие «ой» и др.: *О Боже, лучше бы она умерла! Я не вынесу! Не вынесу я!* (Чехов).

Однородные обращения (наиболее простым видом которых является повторение одного и того же слова или словосочетания) по характеру более выразительны и эмоциональны, нежели обращения одиночные: *Господи! Господи! Какая я несчастная!* (Чехов).

Благодаря тому, что обращение выражает непосредственную направленность речи к собеседнику, оно является ярким выразительным средством речевого общения и принадлежит к области разговорно-диалогической речи.

В соответствии с указанными смысловыми и стилистическими функциями обращения чаще всего встречаются: в так называемой прямой устной или письменной диалогической речи: - *Порфирий!* – воскликнул толстый, увидев тонкого. – Ты ли это? *Голубчик мой!* Сколько зим, сколько лет! (Чехов); в монологах и ораторских выступлениях: *Он вытягивает руки по швам и кричит хриплым, сердитым голосом: - Наррод, расходись! Не толпись! По домам!* (Чехов); в лирических произведениях и лирических отступлениях: *Читатель, расскажу ль тебе, / Куда красавица девалась? / Всю ночь она своей судьбе / В слезах дивилась и – смеялась* (Пушкин).

В косвенной речи обращения не употребляются. При обращении прямой речи в косвенную обращения становятся подлежащими или совсем опускаются: *И по телефону сказал Иванову, что будет жарко* [8].

Говоря о многообразии стилистических функций, выполняемых обращением, следует отметить, что эмоционально-волевые и оценочно-характеристические оттенки являются важными и характерными для многих обращений особенностями, они способствуют появлению своеобразных добавочных значений в словах, употребленных в качестве обращений,

делают обращение более выразительным. Благодаря этим оттенкам и на базе их возникает экспрессия [6; 7].

Исследуя стилистическое функционирование в обращениях отдельных слов, употребленных метафорически, следует обратить внимание на изучение стилистического функционирования отдельных элементов интонационного, морфологического, лексического и синтаксического состава обращений, которые, «выступая, как правило, в комплексе, и служат носителями экспрессивного значения» [6, с. 62]. К стилистически значимым элементам лексического состава обращений можно отнести, к примеру, словообразовательные элементы слова и переносное употребление слов: *Позвольте, сударь: вы мне мешаете, - сказал тот, нахмурившись. - Экой ты, братец!..* (Лермонтов).

Обращение – принадлежность эмоционально-волевого языка. По этому признаку оно близко к императиву и в речи появляется чаще всего совместно с ним: *А, сатана длиннополая! – прошипела дьячиха, поморщившись от досады. – погоди же!* (Чехов). «Обращение в коммуникативно-прагматическом значении наделено способностью выразить эмоциональное или ценностное отношение говорящего к объекту речи, эта способность составляет специфику коннотации» [3, с. 5]. Основная функция коннотации – функция воздействия, тесно связанная с прагматикой речи. Коннотация в качестве компонента значения синтаксических единиц, включая обращение, состоит из таких элементов как эмоциональность, экспрессивность, оценочность. Указанные элементы коннотации являются средствами, дополняющими объективное содержание обращения. «Коннотативные компоненты значения выступают в качестве внутренней формы высказывания, осложняя его выражением субъективного отношения к объекту речи» [4, с. 8].

Изучение этой проблемы представляется важным, потому что лексический состав любой самостоятельной синтаксической конструкции служит не только единственным средством передачи ее понятийного содержания, но и одним из основных средств выражения оценочных и характеристических оттенков [2]. Экспрессивные свойства могут быть присущи словам, т. е. могут входить в основное значение слова. Такие слова, употребленные в качестве названия адресата речи, способны передавать положительную или отрицательную его оценку со стороны говорящего посредством своего значения: *Дьячок для большей убедительности приложил палец ко лбу, закрыл левый глаз и проговорил невучим голосом: - О, безумие! О, чудино окаянство!* (Чехов). Позиция обращения в непринужденной, фамильярной речи может быть занята словоформой, называющей лицо по внешнему, ситуативному признаку, обычно случайному, окказиональному: *Так ты кусаться, окаянная?* (Чехов).

Поскольку обращение занимает видное место в системе изобразительных средств, его стилистическое функционирование неоднократно привлекало внимание ученых [3; 4; 5; 6] и требует дальнейших исследований.

Следует обратиться к вопросу о семантике обращений, которая «обнаруживает непосредственную связь с речевой ситуацией» [1, с. 65]. Выбор обращения зависит от социального статуса коммуникантов, а также от условий общения, поскольку обращение всегда связано с речевым этикетом [1]. Исследование лексики обращения в тесной связи с его семантическими функциями, выступающими как сущностные свойства обращения, можно рассматривать как один из принципов семантической характеристики обращения.

Список литературы

1. Алешкина Е. Ю. К вопросу о семантической характеристике лексики обращения // Функционально-семантические отношения в лексике и грамматике. Межвуз. сб. научных трудов. – Новосибирск: НГПИ, 1991. – С. 63 – 67.
2. Балакай А. А. Этикетные обращения: функционально-семантические и лексикографические аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2005.
3. Гайсина Р. М. Средства речевого контакта в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1967.
4. Гайсина Р. М. Синтаксис осложненного предложения. Теория. Схемы и образцы анализа. Упражнения: учеб. пособие. – Уфа: БашГУ, 2006.
5. Дворная З. М. Коммуникативно-функциональные особенности обращения в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 1995.
6. Проничев В. П. Метафорическое употребление слов в обращении // Некоторые вопросы лексики и грамматики русского языка и методики его преподавания иностранцам. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1970. – Вып. 4. – С. 60 – 68.
7. Проничев В. П. Синтаксис обращения. – Л.: Изд-во ЛГУ им. А. А. Жданова, 1971.
8. Руднев А. Г. Синтаксис осложненного предложения. – М., 1959.

Языковая способность в контексте филогенеза и онтогенеза в философии языка В. фон Гумбольдта

В статье рассматриваются идеи Гумбольдта о языковой способности человека и их значение в формировании филогенеза и онтогенеза. Определяется понятие, природа языковой способности, значение деятельности в развитии языковой способности. Рассматривается преемственность идей Гумбольдта по вопросам филогенеза и онтогенеза в теориях Н. Хомского и Л.С. Выготского.

The article considers W. von Humboldt's ideas on human linguistic abilities regarding their influence on formation of phylogenesis and ontogenesis. The meaning, the nature of mental power and the meaning of the conscious activity of people are defined in the context of linguistic ability development. It also analyses in what way W. Humboldt's description of language and ideas of phylogenesis and ontogenesis impact on Chomsky and L. S. Vygotsky theories.

Ключевые слова: язык, языковая способность, филогенез, онтогенез, инстинкт, разум, языковое сознание, мышление, понятие, значение.

Key words: are language, linguistic aptitude, phylogenesis, ontogenesis, instinct, mind, linguistic consciousness, intellectuality, idea, meaning.

Вильгельм фон Гумбольдт (1767 – 1835) – немецкий филолог, философ, языковед, государственный деятель, дипломат, иностранный почетный член Петербургской Академии наук (1832). Гумбольдт вошел в историю мировой науки как теоретик общего языкознания и основатель философии языка. В своем основном лингвистическом труде «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» и статье «О мышлении и речи» он затронул вопросы языковой способности человека в контексте филогенеза и онтогенеза, соотношения языка и мышления, слова и понятия.

Известно, что во многих направлениях когнитивной науки принимается концепция нативизма, или учения о врожденности языковых структур. Элементы такого представления характерны и для Гумбольдта, который назвал «непосредственно заложенный в человеке» язык «инстинктом разума» (*Vernunftinstinct*) и «интеллектуальным инстинктом» (*Intellectuellerinstinct*). По Гумбольдту, истинное определение языка может быть только генетическим и в его понимании языковая способность – это врожденные задатки человека к языку. В языке, считает философ, различаются два конститутивных принципа: внутреннее языковое сознание и звук, укладываемый в определенные формы материи. Материальность

воспринимаемого на слух звука можно отделить от самого звука, чтобы более отчетливо представить его артикуляцию. В качестве примера Гумбольдт пишет о глухонемых. Слух не открывает возможности общения с ними, однако они учатся понимать речь по движению речевых органов говорящего и по письму, сущность которого целиком определяется артикуляцией. Глухонемые способны говорить, если кто-то корректирует положение движения органов речи. Это происходит лишь благодаря присутствующей также и им артикуляционной способности, проявляющейся в том, что глухонемые благодаря связи собственного мышления с органами речи в общении с другими людьми по одному компоненту – движению их органов речи – учатся узнавать следующий компонент – мысли.

Язык обладает, по Гумбольдту, известной автономностью по отношению к мышлению: «... язык есть орган, образующий мысль» [4, с. 75], и мышление не просто зависит от языка вообще, но до известной степени обуславливается каждым конкретным языком, образующим промежуточный мир между внешней действительностью и мышлением.

В трактовке Гумбольдта язык не представляет собой прямого отражения мира. В нем осуществляются акты интерпретации мира человеком. Слово, по Гумбольдту, эквивалентно не самому предмету, а его пониманию в акте языкового созидания. Он утверждает, что «вследствие взаимосвязанности мышления и слова становится ясно, что языки, собственно суть средства не изображения уже познанной истины, а намного более того, – открытия еще дотоле непознанного. Различие между ними заключается не в звуках и знаках, а в мировидении (Weltansicht) как таковом» [4, с. 61]. Следовательно, язык выходит на реальность не непосредственно, как это было в знаковых конструкциях, а опосредствовано – через семантически переработанные единицы, то есть мышление. Различия в видении предметов, по Гумбольдту, отражаются и в способностях выражения понятий в языках.

Способы выражения понятий интересовали лингвиста не только с теоретической точки зрения, но и с практической – при изучении иностранных языков. В его работе «Об изучении языков, или план систематической энциклопедии всех языков» ставятся одновременно две грандиозные задачи: 1) теоретического рассмотрения и сопоставительного изучения языков; 2) упрощение изучения языков, «какое до сих пор нам было неизвестно» [5, с. 347]. В аспекте практической работы над языком Гумбольдт подчеркивает роль осмысления способов выражения понятий в языках и использования приема аналогий, помогающего систематизировать многочисленные языковые формы, что в конечном итоге помогает «вынести из отдельных языковых форм обобщенный тип формы данного языка» [5, с. 347]. Такие аналогии служат надежной опорой для тех, кто решился изучать чужой язык самостоятельно.

Идеи Гумбольдта о языковой способности в дальнейшем рассматривались зарубежными и отечественными учеными в теориях развития речевого онтогенеза. В настоящее время существуют такие понятия языковой способности: «Языковая способность – специфический психофизиологический механизм, формирующийся у носителя языка на основе нейрофизиологических предпосылок и под влиянием опыта речевого общения» [9]. Языковую способность некоторые исследователи называют «памятью языка» (т. е. памятью его единиц, элементов и правил их функционирования), «языковой компетенцией», «языковой потенцией» (то есть системой, которую возможно реализовать при необходимости) и т. п. [2, с. 87].

Один из главных вопросов, возникающих при анализе языковой способности, – это вопрос о ее природе: является ли она врожденной, биологической или социальной, приобретаемой и развивающейся только в процессе развития и социализации личности. По этому поводу существуют различные точки зрения. По Н. Хомскому, языковая способность – это генетически наследуемое образование, «заложенное» в человеке, которое обогащается и исправляется по мере развития субъекта «с возрастом и упражнением» [8]. В определении Л.С. Выготского, языковая способность – социальное по природе образование, формирующееся под влиянием социальных факторов в различных ситуациях совместной деятельности людей. А.М. Шахнарович определяет языковую способность как естественное, биологическое, как все то, что дано человеку филогенетически, то есть как наследуемую сумму основ и границ тех деятельностей, в результате которых происходит овладение объективной действительностью и ее отражением. Социальное – это то, что усваивается человеком в ходе онтогенетического развития, то есть структуры тех деятельностей, которые могут быть совершены в определенных (внешних и внутренних) условиях. Согласно теориям Н. Хомского, Д. Макнейла и др., формирование в процессе речевого развития ребенка функциональных структур речевого поведения – это реализация заложенной генетически врожденной программы. Однако в противовес этой точке зрения А. М. Шахнарович развивает мысль о детерминизме развития высших психических функций и, в частности, речи практическими действиями и общением ребенка [7].

Теоретические положения Л.С. Выготского о языковой способности приводят к пониманию того, что за овладением всеми уровнями системы языка стоят предметно-практические действия, реализуемые в деятельности общения. Практическая деятельность детерминирует овладение языковой системой так же, как функционирование системы языка детерминирует ее значение. Таким образом, языковая способность является основой формирования речевого онтогенеза отдельного индивида и человечества в целом. По его выражению, «слово есть конец, который венчает дело» [1].

Таким образом, в ходе исследования осуществлен анализ идей Гумбольдта о языковой способности как генетически врожденных задатков языка, механизмах ее формирования и развития. Заслуга Гумбольдта заключается том, что он глубоко и разносторонне рассматривал языковую способность, но не смог ее решить полностью. Учет Гумбольдтом того, что многие вопросы природы и механизма языка не могут быть решены без понимания природы и механизма мышления, является сильной стороной его концепции. Преемственность идей Гумбольдта в вопросе языковой способности, формирования речевого онтогенеза, взаимосвязь языка и понятия, слова и значения было показано в теориях Н. Хомского, Л.С. Выготского и др., что составляет ценность для развития такой науки, как психолингвистика.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Мысль, 1982. – Т. 2.
2. Глухов В., Ковшиков В. Психолингвистика. Теория речевой деятельности. – М.: АСТ, 2007.
3. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 1997.
4. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984.
5. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985.
6. Жинкин Н. И. Механизм речи. – М.: Изд-во акад. пед. наук, 1980.
7. Радченко О.А. Язык как мирозидание: лингвофилософская концепция неогумбольдианства. – М.: КомКнига, 1997.
8. Шахнарович А. М., Голод В.В. Когнитивные и коммуникативные аспекты речевой деятельности // Вопросы языкознания. – 1986. – № 2.
9. Chomsky N. Cartesian Linguistics: A Chapter in the History of Rationalist Thought. – New York: Harper and Row, 1966.
10. Wikipedia. – [Электронный ресурс]: ru.wikipedia.org

Сведения об авторах

Акимова Эльнара Сейдулла кызы – ведущий научный сотрудник, Институт литературы имени Низами Национальной Академии наук Азербайджана, доктор философии по филологическим наукам (г. Баку); akimovaelnara@mail.ru

Бакланова Ирина Ивановна – ученый секретарь, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, кандидат филологических наук, доцент (Москва); ibaklanova@yandex.ru

Берн Анна Андреевна – старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург); aanbern@gmail.com

Ваненкова Анна Евгеньевна – соискатель, Литературный институт им. А.М. Горького (Москва); vanenkova@gmail.com

Гаганова Анна Анатольевна – соискатель, Литературный институт им. А.М. Горького (Москва); briolett@yandex.ru

Георгинова Наталья Юрьевна – аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Мурманск); georna@mail.ru

Добряков Сергей Валериевич – преподаватель, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург); sergey.dobjakov@gmail.com

Дробышева Марина Николаевна – доцент, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения, кандидат искусствоведения, доцент (Санкт-Петербург); victorybear@mail.ru

Катамадзе Мария Олеговна – аспирант, Московский педагогический государственный университет (Москва); m.katamadze18@gmail.com

Карасик Ольга Борисовна – доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, кандидат филологических наук (г. Казань); karassik1@yandex.ru

Киынова Жанар Кабдыляшымовна – доцент, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, кандидат филологических наук (Казахстан, г. Алматы); zhkiynova@mail.ru

Клёстер Анна Михайловна – доцент, Омский государственный технический университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Омск); annaklyoster@mail.ru

Кушнерук Светлана Леонидовна – доцент, Челябинский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Челябинск); Svetlana_kush@mail.ru

Ларина Светлана Германовна – старший преподаватель, Московский государственный областной гуманитарный институт (г. Орехово-Зуево); larinasvetlanag@mail.ru

Мальцева Татьяна Владимировна – профессор, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург); kaflit@yandex.ru

Морозова Маргарита Хакимшоевна – аспирант, Елецкий государственный университет (г. Елец); Mbily@mail.ru

Насирова Рамиля Мисирхан кызы – аспирант, Азербайджанский институт языков (г. Сумгаит); konul_habibova@mail.ru

Панченко Варвара Антоновна – доцент, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, кандидат философских наук (Санкт-Петербург); varvara.pan@mail.ru

Рыбалова Мария Игоревна – аспирант, Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск); maria.rybalova@gmail.com

Самарина Надежда Викторовна – аспирант, Московский городской педагогический университет (г. Липецк); adezhda.samarina.2011@mail.ru

Слабко Юлия Владимировна – аспирант, Челябинский государственный педагогический университет (г. Челябинск); Utya_1@mail.ru

Смердова Екатерина Андреевна – аспирант, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь); kalliora06@gmail.com

Смирнова Алена Викторовна – аспирант, Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский ун-т) (г. Нижний Новгород); a.v.smirnova88@yandex.ru

Трофимова Нелли Аркадьевна – профессор, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики" Санкт-Петербург, доктор филологических наук, доцент (Санкт-Петербург); nelart@mail.ru

Федулова Ульяна Михайловна – соискатель, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург); uma-84@mail.ru

Федюнина Инна Эдуардовна – доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Белгород); innafedyunina@yandex.ru

Халупо Ольга Ивановна – доцент, Челябинская государственная агроинженерная академия, кандидат педагогических наук, доцент (Челябинск); olgakhalupo@list.ru

Храброва Валентина Евгеньевна – доцент, национально-исследовательский университет Высшая школа экономики, Санкт-Петербургский филиал (Санкт-Петербург); stefankhrabrova@mail.ru

Цуциева Мария Геннадьевна – доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, кандидат педагогических наук, доцент (Санкт-Петербург); Maria-TS@yandex.ru

Юрина Наталья Геннадьевна – доцент, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, кандидат филологических наук, доцент (Саранск); makarova-ng@yandex.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРИСЫЛАЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Для публикации в «Вестнике Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина» (серия филология) принимаются научные статьи, отражающие широкий спектр проблем поэтики классической и современной литературы и лингвистики.

Обязательным условием публикации результатов кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Содержит:

- название статьи и Ф. И. О. авторов на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами;
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат фамилию, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученую степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра литературы и русского языка, каб. 316.
- отправить по электронной почте: E-mail: vestnikfilol@yandex.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (не меняющую смысла) в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин

Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 476-90-36

E-mail: vestnik_lgu@list.ru

Научный журнал

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

№ 1

Том 1. Филология

Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 20.03.2014
Бумага офсетная. Формат 60x90 1/16
Печать трафаретная. Усл. печ. л. 15,75
Тираж 500 экз.
Заказ 995